

Annotation

Барбара Картленд — некоронованная королева любовных романов, драматург, историк, политик, ведущая телевизионных программ. Ей принадлежит более 550 книг, изданных и проданных во всем мире тиражом свыше 600 миллионов экземпляров. В Книге рекордов Гиннеса Барбара Картленд возглавляет список самых популярных авторов мира.

- [Барбара Картленд](#)
    - [От автора](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
-

Барбара Картленд
Пышная свадьба

От автора

Медицине известны случаи, когда теплый, влажный климат Южной Азии полностью излечивал больных экземой. Мне самой доводилось наблюдать такие чудесные исцеления в Сингапуре и Бангкоке.

Хотя Максимус Керби и Дорина — вымышленные персонажи, описание Сингапура и его истории достоверны, в том числе рассказ о нападении пиратов. Метод лечения при укусах змей, изложенный в романе, вплоть до недавнего времени применялся в разных странах, в том числе и в Англии.

Глава 1

1879

Граф Олдеберн поднял глаза от письма, которое он держал в руке, и на его лице расплылась довольная улыбка.

— Пришло, Элизабет! — воскликнул он.

Графиня, сидевшая на противоположном конце стола, взглянула на него с изумлением.

— Что именно? — осведомилась она.

— Письмо от Керби. Черт подери, вам отлично известно, что я жду его уже несколько недель!

— Да, конечно, Хьюго, и это скверно отразилось на ваших манерах. Что он пишет?

Граф снова взялся за письмо, и было очевидно, что каждое прочитанное слово приводило его в восторг. Наконец он сказал:

— Он предлагает Летти отплыть в следующем месяце в Сингапур на пассажирском пароходе «Осака» компании "Пенинсьюлар энд ориэнтал (*«Пенинсьюлар энд ориэнтал» — крупная английская судоходная компания. (Здесь и далее прим. пер.)*)".

— В Сингапур? — с ужасом воскликнула леди Летиция Берн.

Чашка задрожала у нее в руке, и она поставила ее на стол.

— В... Сингапур, папа? — повторила она. — Нет... нет... я не хочу!

— Послушай, Летти, — успокаивающе начал отец, — мы ведь уже это обсуждали. Ты говорила, что готова выйти замуж за Максимуса Керби.

— Но не... в Сингапуре, папа! Ты сказал, что он приедет... сюда. И потом... это было так... давно.

Ее голос упал до шепота, и огромные голубые глаза наполнились слезами.

— Я не хочу... выходить за него замуж, папа! Я вообще ни за кого... не хочу выходить замуж!

— Летти, ты сама отлично знаешь, что говоришь вздор! — вмешалась графиня.

Ее голос прозвучал холодно, но взгляд с тревогой остановился на младшей дочери.

— Но, Летти, когда Максимус Керби приезжал сюда, он тебе понравился, — сказал граф таким тоном, словно он разговаривал с ребенком.

— Он подарил мне... попугайчиков, — пробормотала Летти, и голос ее все еще дрожал, — и вообще он был... очень добр ко мне. Но я не хочу... выходить за него замуж... и я не хочу... уезжать из дому. Я хочу остаться с тобой, папа!

Граф уставился на свою дочь почти с комическим выражением отчаяния. Он не выносил слез, к тому же ему всегда было трудно в чем-либо отказывать Летти. Она была так прелестна, что сердиться на нее было трудно.

Леди Летиция Берн, без сомнения, была необычайно красива. Ее светлые волосы отливали золотом; нежный цвет лица, голубые глаза, обрамленные темными ресницами, и губки, похожие на розовый бутон, привели бы в восхищение художника.

Можно было бы ожидать, что леди Летиция, если и не станет звездой лондонского сезона, то, по крайней мере, все молодые люди графства будут лежать у ее ног. Но, хотя при ее появлении вокруг всегда собиралась толпа поклонников, она, тем не менее, быстро рассеивалась, и мужчины неизбежно отправлялись на поиски менее красивых, но более интересных молодых женщин.

В результате, после ее первого сезона в Лондоне, граф, который был очень неглупым человеком, вынужден был признать, что его младшая дочь навряд ли составит блестящую партию, на которую он так рассчитывал.

Оставалось только надеяться, что какой-нибудь престарелый пэр прельстится ее редкой красотой и сочтет, что она компенсирует почти зачаточное состояние ее интеллекта, но до сего времени эти надежды себя не оправдали.

— Беда не в том, что Летти нечего сказать, а в том, что она даже не умеет слушать! — жаловался жене граф после какого-то бала, на котором к концу вечера прелестная Летти не могла найти себе партнера.

— Я знаю, Хьюго, — ответила графиня. — Я объясняла ей тысячу раз, что мужчины любят, когда женщины внимательно слушают их и смеются над их шутками.

— Черт, о чем только она думает? — взорвался граф.

— Следите за своей речью, Хьюго! — упрекнула его графиня.

— Прошу прощения, дорогая, — сказал граф. — Но вы сами должны признать, что это невыносимо! Летти так красива, и я ожидал, что она легко найдет себе богатого мужа.

Графиня вздохнула. Нельзя было отрицать, что все они на это рассчитывали.

Их родовое поместье Олдеберн-парк было давным-давно заложено. Долги росли с каждым годом, и казалось, что единственное их достояние — это непревзойденная красота Летиции.

Когда они вернулись в деревню и граф с ужасом принялся подсчитывать, во что ему обошелся лондонский сезон, на горизонте появился Максимус Керби.

Поначалу граф не воспринял его как возможного претендента на руку Летти. Ему представили Керби в «Уайтсе». Знакомый пэр, говоря, как он полагал, почти шепотом, прокричал на всю комнату:

— Я хочу познакомить тебя с одним малым, Олдеберн! Собирается купить лошадей, чтобы забрать с собой на Восток. Богат, как Крез, и готов заплатить любые деньги, если ему что-то приглянулось!

Позже граф выяснил, что это было не совсем так. Максимус Керби вовсе не был простачком, как можно было заключить из слов его приятеля.

Несомненно, он был очень богат, но при этом отличался острым умом и не собирался бросать деньги на ветер. Он был готов переплатить за лучших графских лошадей, но в то же время категорически отклонял все предложения, которые казались ему недостаточно интересными.

Граф пригласил его в Олдеберн-парк посмотреть лошадей. И тут графиня натолкнула его на мысль, что Максимус Керби не только очень богатый, но и вполне презентабельный молодой человек.

— Могу сказать одно, — заметил граф, — может быть, в жилах Керби и не течет голубая кровь, но он из очень хорошей семьи, и вполне может сойти за джентльмена.

— Он и есть джентльмен! — твердо заявила графиня. — А если он немного эксцентричен, точнее экстравагантен, то это объясняется тем, что он очень долго жил на Востоке, и ни в коей мере не умаляет его достоинств, как будущего зятя.

— Вы хотите сказать?.. — недоверчиво начал граф.

— Я видела, как он смотрел на Летти вчера за обедом, — пояснила графиня. — Я думаю, Хьюго, что перед отъездом он попросит ее руки.

— Но в этом случае Летти придется жить за границей! — воскликнул граф. — Мне говорили, что у Керби огромные владения в Малайе.

— С тех пор, как десять лет тому назад открыли Суэцкий канал, — ответила графиня, — уже не требуется много времени, чтобы добраться до восточных колоний. Только на прошлой неделе лорд Эвон рассказывал, что до Индии можно теперь доплыть за двадцать пять дней!

— Он, безусловно, вполне представительный молодой человек, — медленно произнес граф, и было ясно, что говорил он вовсе не о лорде Эвоне.

— Лично я нахожу его обворожительным, — заметила графиня.

В лице матери Летти мистер Керби, несомненно, обрел надежного союзника. Разве можно было устоять перед его дерзкой и мужественной улыбкой, которая во все времена обладала неизъяснимой притягательностью для женщин?

Если представительницы слабого пола легко становились жертвами его обаяния, то у мужчин он пользовался популярностью, как непревзойденный спортсмен.

Свойственный ему шарм заставлял многих ревнивых мужей стискивать зубы, но его такт и манеры были безупречны. Появление в Олдеберн-парке такой яркой, исполненной жизненной энергии личности, как Максимус Керби, казалось дуновением свежего ветра.

Он купил не только лучших графских лошадей; к большой радости графа, он приобрел также несколько картин, лакированный шкафчик времен королевы Анны и множество книг из библиотеки, в которые граф не заглядывал ни разу с тех пор, как унаследовал титул и поместья.

Лишь Дорина после того, как он уехал, с ужасом оглядывала пустые книжные полки, понимая, что снова заполнить их им уже никогда не удастся.

Именно к Дорине, сидящей на противоположном конце стола, и обратилась Летти, надеясь найти поддержку.

— Ты же знаешь, Дорина, я не могу... выйти замуж, — жалобно, по-детски заговорила она. Ее глаза были полны слез, губы дрожали. — Заставь же папу понять, что я... не люблю мужчин. Я... боюсь их.

— Но мистер Керби не такой, как все, — ответила Дорина. — Вспомни, как он был добр с тобой, он подарил тебе замечательных длиннохвостых попугайчиков, и я уверена, что в Сингапуре ты сможешь держать у себя дома множество прелестных экзотических птиц. Ты только подумай, как это будет восхитительно!

— Я хочу, чтобы эти птички были у меня... здесь, — сказала Летти.

— Здесь для них слишком холодно, они умрут. Даже эти бедные попугайчики все время дрожат, как бы близко к камину мы ни ставили их клетку.

Дорина говорила твердым голосом, пытаясь убедить сестру. Но Летиция, уставившаяся на нее широко раскрытыми глазами, казалась воплощением безысходного отчаяния.

Она была одной из немногих, кто спокойно смотрел прямо в лицо Дорине. Вероятно, это объяснялось тем, что Летти была слишком поглощена собой, и просто не обращала внимания на то, как выглядит ее сестра.

Даже постороннему взгляду было заметно, что граф, разговаривая со старшей дочерью, всегда опускал глаза.

Дорина уже привыкла, что люди, обращаясь к ней, смотрят в сторону. В двадцать один год она смирилась с мыслью, что никогда не выйдет замуж. Но в то же время ей было больно слышать, как Летиция, которая была так красива, постоянно повторяла, что она боится мужчин.

Дорине же редко предоставлялась возможность беседовать с кем-нибудь из мужчин, помимо ее отца и слуг. С раннего детства она страдала кожным заболеванием, в результате которого ее лицо, руки и ноги были покрыты безобразными струпьями. Ей нетрудно было спрятать под одеждой запястья и ноги, кожа на которых временами

была содрана почти до мяса, но обезображенной верхней губы и красных шелушащихся пятен, которые покрывали ее лоб и подбородок, скрыть было нельзя.

Сначала доктора, которым ее показывала графиня, заявляли, что это обычные явления, свойственные подростковому периоду.

— У многих девочек в переходном возрасте очень плохой цвет лица, — говорили они и прописывали разнообразные лосьоны и мази, которые не помогали, а лишь сильнее раздражали кожу.

Когда Дорине исполнилось семнадцать лет, графиня была в отчаянии. Пора было представлять Дорину ко двору, начинать вывозить ее в свет, давать для нее бал в Олдеберн-парке.

Однако какой был смысл тратить столько денег на девушку, при виде которой люди содрогались если не от отвращения, то от жалости? К тому же многие считали, что ее болезнь заразна, хотя доктора решительно отвергали это предположение.

— Но как мы можем объяснить людям, что эта болезнь не заразна? — спрашивала Дорина. — Разве что повесить мне плакат на грудь.

Никто ничем не мог помочь, и в конце концов Дорина решила, что не стоит навязывать свое общество людям, которые этого не хотят.

— Забудь обо мне, мама, — сказала она матери, — и лучше побереги деньги для Летти. Она обещает стать настоящей красавицей, а я все равно буду выглядеть ужасно, как бы ты ни старалась.

Это было правдой, хотя графиня и не хотела этого признавать. Нарядные платья и элегантные шляпки, казалось, лишь подчеркивали уродство Дорины, и в конце концов все вынуждены были смириться с неизбежным.

Дорина осталась дома и редко покидала Олдеберн-парк, за исключением тех случаев, когда ей приходилось сопровождать Летти, которая всегда цеплялась за сестру и отказывалась выезжать из дому без нее.

Объяснялось ли это ее тактом или застенчивостью, но Дорина старалась не навязывать свое общество окружающим, полагая, что им это будет неприятно. Такое поведение превратилось в привычку, и со временем его стали воспринимать, как само собой разумеющееся.

Она часто сопровождала Летти на балы или приемы, потому что в противном случае та вообще отказывалась куда-либо ехать. Но у самых дверей Дорина незаметно исчезала.

Она умело вела хозяйство в Олдеберн-парке, никогда не показываясь на глаза, если в доме были гости.

Частенько с горькой усмешкой Дорина говорила себе, что она похожа на одно из тех привидений, которые, по преданию, частенько появлялись на главной лестнице и в дальнем крыле дома. Но, в отличие от привидений, она приносила немало пользы.

— О, спросите у Дорины, — частенько отвечал граф. — Она знает, что нужно делать.

— По поводу меню обращайтесь к леди Дорине, — говорила графиня повару. — Вы же знаете, что я никогда не могу запомнить названия этих новомодных блюд.

— Мне нужна Дорина! Где она? Она нужна мне! — без конца требовала Летти.

Только Дорине удавалось привести ее в хорошее расположение духа, заставить вовремя спуститься к обеду или так искусно уложить ее волосы, что им не нужны были услуги парикмахера.

В течение всего прошлого года именно Дорина всячески старалась сделать мысль о предстоящем замужестве привлекательной для Летти, представить его как радостное, захватывающее событие.

— Ты только подумай, как замечательно жить там, где всегда светит солнце! — уговаривала она ее в серые, пасмурные дни. — Представь себе, какие в Сингапуре необыкновенные цветы! У тебя будет сад, где будут расти одни орхидеи! А какие там замечательные птички, Летти, с ярким, блестящим оперением. Они тебе очень понравятся.

«Я так и знала, что папа обрушит на Летти эти новости без всякой подготовки и расстроит ее», — думала теперь Дорина.

— Я никуда не поеду... — между тем жалобно причитала Летти. — Я хочу остаться... здесь с Дориной, и с тобой, папа. Я так люблю вас! Я очень счастлива дома. Я не хочу замуж!

— Но Летти, представь, какие у тебя будут сказочные туалеты, — уговаривал ее граф, — а какие драгоценности! Максимус Керби имеет возможность подарить тебе гораздо более крупные бриллианты, чем

те, которые я покупал твоей маме. А какой на Востоке жемчуг! И, говорят, он там не так дорого стоит.

— Я не люблю жемчуг, — надулась Летти.

Граф безнадежно посмотрел на жену.

— Мне кажется, Хьюго, нам лучше предоставить Дорине рассказать Летти о предстоящем путешествии, — дипломатично заметила графиня.

— Мне нужно послать Керби телеграмму, — сказал граф. — Он рассчитывает, что Летти отплывет десятого января.

— Я никуда не поеду! — решительно заявила Летти, неожиданно вскочив с места. — Я никуда не поеду! Я останусь здесь! Вы меня не любите... я вам не нужна... но я все равно никуда не поеду... что бы вы ни говорили!

Она разразилась громкими рыданиями и выбежала из комнаты, двигаясь при этом с такой грацией, что ее отец посмотрел ей вслед скорее с восхищением, чем с досадой.

— Ты должна уговорить ее, Дорина, — сказал он наконец.

— Неужели мистер Керби рассчитывает, что Летти отправится в Сингапур одна? — спросила графиня.

— Конечно, нет, — ответил граф. — Он пишет, что мы, по всей вероятности, захотим, чтобы Летти сопровождала компаньонка, а он, со своей стороны, договорился с леди Энсон, женой губернатора Пенанга (*Пенанг — сэтлмент (колониальное владение Великобритании) в Малайе.*), которая плывет на том же пароходе, чтобы она присмотрела за Летти.

— Компаньонка! — воскликнула графиня. — Где мы ее найдем? Такую, которая понравилась бы Летти и согласилась бы отправиться в Сингапур?

— Ну, можно же найти кого-нибудь, — раздраженно произнес граф.

— Конечно, можно, — согласилась графиня, — но я не представляю, где искать. Мистер Керби готов оплатить проезд горничной?

Граф снова заглянул в письмо.

— Да, он пишет, что опытная китайская служанка уже выехала из Сингапура. Он договорился с пароходной компанией, что, когда Летти ступит на борт «Осаки» в Тилбери, та уже будет ждать ее там.

— Должна признать, он очень внимателен, — слегка успокоившись, произнесла графиня.

— Тем более, что посылать одну из наших горничных было бы не совсем удобно для нас, — сказал граф. — К тому же, все равно Летти придется привыкать к китайским слугам.

— Говорят, они превосходны, — с оттенком зависти заметила графиня. — Честные, трудолюбивые, преданные.

— В таком случае, проблема с горничной решена, — сказал граф. — Однако как быть с компаньонкой? Совершенно очевидно, что кто-то должен постоянно находиться рядом с Летти, чтобы поддерживать ее в хорошем расположении духа.

— Придется ехать мне, папа, — тихо сказала Дорина.

Граф, казалось, был крайне изумлен.

— Тебе, Дорина? Но это будет...

Он замолчал, как бы пытаясь подобрать нужное слово.

— ...неловко, — закончила за него его дочь. — Разумеется, папа, если я поеду, как *леди Дорина*. Но я не хочу этого делать. Я выдам себя за компаньонку Летти, и никто не будет знать, что на самом деле я ее сестра.

Наступило молчание, пока ее родители пытались освоиться с этой мыслью, а потом Дорина сказала:

— Как только Летти благополучно выйдет замуж, я вернусь.

— Одна, на корабле? — воскликнула графиня.

— Со мной ничего не случится, — заверила ее Дорина с горькой усмешкой.

— Да, да, конечно, — неловко пробормотал граф. — В то же время, такое поведение сочтут весьма странным для дочери графа.

— Никто и не узнает, что я твоя дочь, — успокоила его Дорина. — Я буду называть себя «мисс Такая-то». Сойдет любое достаточно распространенное имя. Я смогу поддерживать у Летти хорошее настроение. А если я не поеду с ней, сомневаюсь, что, прибыв к месту назначения, она согласится выйти замуж за мистера Керби.

Последовало молчание, словно все трое одновременно вспомнили, какой упрямой и несговорчивой может быть Летти, если ей вздумается.

Ее страх перед замужеством был следствием одного печального эпизода, который произошел двумя годами раньше.

Летти была изумительно красива, и граф, которому очень хотелось похвастать дочерью, взял ее с собой на охотничий бал, когда ей не было еще шестнадцати.

В этом не было ничего странного, потому что многие молоденькие участницы охоты присутствовали на этом балу, хотя официально они еще не выезжали в свет. Среди них было несколько девушек того же возраста, что и Летти.

В новом туалете, выписанном из Лондона, с венком из роз в волосах, Летти затмила всех присутствующих женщин, независимо от их возраста.

На балу, как обычно, царила атмосфера непринужденного веселья, и граф так увлекся разговорами об охоте и скачках со своими приятелями, что, когда жена предложила ему ехать домой, категорически отказался.

Графиня никак не могла вспомнить впоследствии, каким образом получилось так, что Летти потерялась в толпе, и один подвыпивший молодой повеса поцеловал ее.

В его оправдание можно сказать, что Летти лишь смотрела на него ничего не выражающим взглядом и не протестовала, когда он стал проявлять большую настойчивость. Ему казалось, что она благосклонно принимает его ухаживания.

Он не мог знать, что она и не подозревает о его намерениях. На самом деле, поначалу она даже не понимала, о чем он ей говорит, а потом была так парализована страхом, что не могла ни двинуться с места, ни крикнуть.

Он страстно поцеловал ее, а когда выпустил из своих объятий, она упала в глубокий обморок.

Тут же разыскали графиню, которая, выслушав несвязные извинения, увезла домой Летти, бывшую в полубессознательном состоянии, и сдала ее на руки Дорине.

Если любая другая девушка легко забыла бы этот эпизод или со временем превратила его в шутку, то в душе Летти он оставил неизгладимый след. С той поры она в ужасе шарахалась от самых тихих и благовоспитанных молодых людей, опасаясь, что они набросятся на нее.

— Напрасно ты боишься его, — обычно говорила Дорина о том или ином их знакомом. — Он скромнейший человек.

— Я не хочу... танцевать с ним, — отвечала Летти. — Я не люблю, когда мужчины дотрагиваются до меня.

— Но Летти, дорогая, они не сделают тебе ничего плохого.

— Они смотрят на меня! Они... говорят разные вещи, — возражала Летти.

— Но они просто отдают должное твоей красоте, — объясняла Дорина. — Тебе ведь нравится быть красивой, Летти, ты сама это знаешь!

— Мне нравится, когда вы с папой считаете меня красивой. Но я не хочу, чтобы мужчины так смотрели на меня.

— Дорина, это просто нелепо! — не раз говорила графиня старшей дочери. — Ей давно пора забыть весь этот детский вздор!

— Нужно дать ей время, — успокаивающе отвечала Дорина.

Но сама она отлично понимала, что с возрастом Летти не стала чувствовать себя непринужденнее в обществе мужчин — скорее наоборот.

— Неужели Летти на самом деле откажется выйти замуж за Керби? — раздраженно спросил граф.

— Ты слышал, что она сказала, папа, — ответила Дорина.

— Но она этого не сделает! — твердо сказал граф. — На этот раз я вынужден буду настоять на своем. Девушки выходят замуж за того, за кого их выдают, и здесь не может быть никаких возражений.

Он помолчал немного и добавил:

— Только на той неделе герцог рассказывал мне, что он не позволяет никаких вольностей своим дочерям, а у него их семь! Он всех их выдал замуж за состоятельных дворян, и я готов поспорить, ему не приходилось терпеть подобные выходки.

— Беда в том, Хьюго, что вы баловали Летти с самого раннего детства, — упрекнула его графиня.

— Черт побери! Как мог я предполагать, что она вырастет такой странной? — взорвался граф.

Он встал из-за стола, с грохотом отодвинув стул.

— Один Бог знает, — бушевал он, — как это печально — не иметь сына и наследника! Но иметь двух дочерей со странностями — это уже слишком для простого смертного!

— Ну знаете, Хьюго! — запротестовала графиня. — Как можете вы говорить так о бедняжке Дорине?

Граф бросил взгляд на старшую дочь, но прежде, чем он успел ответить, Дорина поспешно сказала:

— Ничего, папа, я понимаю. Ты задолжал мистеру Керби, не так ли? Поэтому Летти должна будет выйти за него замуж.

— Хьюго! — вскричала графиня. — Это правда?

Граф отошел к камину, в котором весело потрескивали дрова.

— Ну... сказать по правде, дорогая... — начал он.

— Как вы могли? — перебила его графиня: — Взять у него деньги еще до того, как Летти надела его кольцо на палец! Это слишком унижительно!

— Я был на мели, — ответил граф. — А так как он забрал шесть моих лучших лошадей, мне нужно было достать хоть немного денег.

— А куда подевались деньги, которые он заплатил вам за лошадей? — воскликнула графиня.

— Вы еще спрашиваете! — с горечью сказал граф. — У ворот толпились кредиторы, о чем вы, несомненно, знали бы, если бы когда-нибудь слушали то, что я вам рассказываю. Я оказался перед выбором — либо пустить дом с молотка, либо обратиться к Керби за деньгами.

Графиня поджала губы. Она, несомненно, была красива, но выглядела чересчур холодной и строгой. Теперь же ее черты приобрели особую суровость, и она резко спросила:

— Сколько же вы заняли, рассчитывая, что, став вашим зятем, Керби не потребует вернуть долг?

Последовало неловкое молчание, а потом граф ответил:

— Если хотите знать правду, десять тысяч фунтов!

У графини вырвалось восклицание ужаса. Затем, не сказав ни слова, она встала и быстро вышла из комнаты.

Дорина взглянула на отца.

— Прости, папа. Мне не следовало начинать этот разговор.

— У меня не было другого выхода, Дорина, — объяснил граф. — Накопилось столько долгов, а Керби был только рад дать мне денег в обмен на обещание, что Летти выйдет за него замуж.

Дорина вздохнула.

— Если она теперь откажется, папа, тебе придется возратить ему долг.

— Но ты же знаешь не хуже меня, что я не могу этого сделать. Ты регулярно просматриваешь все счета. Наше положение для тебя не

секрет.

— Да, я все знаю, папа, и я понимаю, что тебе больше неоткуда было взять эти десять тысяч фунтов, разве что продать дом и оставшиеся семейные портреты.

— Сомневаюсь, что даже таким образом я смог бы набрать нужную сумму, — уныло ответил граф.

— Пожалуй, ты прав, — снова вздохнула Дорина.

Граф отошел от камина к окну и выглянул в сад, занесенный снегом.

— Я надеялся, что, когда Летти выйдет замуж, — сказал он, — я смогу покупать для Керби лошадей и отправлять их в Сингапур — или что-либо еще, что его заинтересует. Он достаточно богат, чтобы дать мне возможность немного зарабатывать на этих сделках, а для меня это было бы большим подспорьем.

— Я понимаю, папа, — ответила Дорина. — Поэтому нам надо во что бы то ни стало убедить Летти выйти за него замуж. Я не хотела говорить этого в присутствии мамы, но Летти не раз клялась мне, что она скорее умрет, чем позволит мужчине дотронуться до себя, кем бы он ни был.

— Бог мой! — вырвалось у графа. — Мне следовало бы убить того негодяя, который поцеловал ее тогда.

— Если уж быть совсем честными, — тихо проговорила Дорина, — мы оба понимаем, что, если бы не он, так был бы кто-нибудь другой. Просто Летти не похожа на других девушек.

— Но она так красива, Дорина. Самое прелестное создание, которое только можно представить. Неужели она лишена нормальных человеческих чувств? Женщины хотят, чтобы их любили. Они хотят выйти замуж.

— Не все женщины.

— Когда она привыкнет к этой мысли, она будет даже довольна, — сказал граф, словно уговаривая самого себя. — Все, что от тебя требуется, Дорина, — это убедить ее, что Керби будет с ней добр и ласков. И внушить ему, что с ней ему нужно быть особенно внимательным и терпеливым.

Он помолчал минуту, а потом добавил:

— Разумеется, я рассчитывал, что он приедет сюда. Я сам собирался поговорить с ним об этом.

— Папа, а почему ты сам не хочешь поехать в Сингапур с Летти? — спросила Дорина.

— По двум причинам, — ответил граф. — Во-первых, Керби не оплачивает мой проезд, а во-вторых, через месяц начинаются скачки, и ты сама понимаешь, что я должен присутствовать на весеннем гандикапе.

— Да, конечно, — согласилась Дорина. — А посылать маму нет смысла. Она совершенно не в состоянии сносить выходки Летти.

— Должен признать, что Летти способна вывести из себя даже святого, — заметил граф. — Лишь ты, Дорина, умудряешься как-то справляться с ней.

— Значит, ты согласен, чтобы я ехала с ней в Сингапур?

— У меня нет выбора, хотя видит Бог, нам будет нелегко без тебя обходиться.

В последующие недели Дорина убедилась в правоте этих слов.

Ей столько всего нужно было успеть сделать до отъезда. Подчас она отправлялась спать до того уставшая, что была не в состоянии даже думать о чем-либо.

Мало того, что ей необходимо было поддерживать Летти в хорошем расположении духа. Дорине пришлось также заняться покупкой приданого. К тому же нужно было перепоручить кому-то все домашние дела, которые обычно лежали на ее плечах. Слуги же были либо недовольны тем, что им придется выполнять больше работы, либо боялись возросшей ответственности.

Дорина спланировала все до мельчайших деталей.

— Меня будут звать мисс Хайд, — сообщила она отцу. — И поскольку я буду выступать в роли компаньонки, мне лучше казаться постарше, чем я есть на самом деле. Хотя в любом случае вряд ли кто-нибудь обратит на меня внимание.

Граф не возражал, и она продолжала:

— Я заказала себе несколько новых платьев, и тебе придется заплатить за них. Они все серого цвета — приятного серебристого оттенка. Я хочу по возможности быть незаметной, в то время как туалеты Летти будут очень ярких цветов, которые ей так идут.

— Делай, что хочешь, Дорина, — ответил граф. — Честно говоря, тебе не нужно особенно экономить, так как Керби прислал мне чек на

расходы. А поскольку проезд он уже оплатил, у нас осталось достаточно денег.

— О папа, и ты молчал! — укоризненно сказала Дорина.

Граф смутился.

— Я не хотел, чтобы твоя мама знала об этом, — признался он. — Она всегда очень недовольна, если я у кого-нибудь занимаю деньги, а теперь, когда она знает, сколько я уже задолжал Керби, у меня не хватает духу признаться, что я взял присланный им чек.

— Тогда лучше не беспокоить маму, — согласилась Дорина.

Граф положил руку ей на плечо.

— Ты славная девочка, Дорина, и гораздо более рассудительная, чем многие молодые люди. Какая жалость, что...

Он оставил фразу незаконченной. Дорина знала, как он переживает, что у него всего лишь две дочери, к тому же обе принесли ему лишь разочарования.

Этой ночью у себя в спальне она пристально посмотрела в зеркало, и вид безобразных пятен на верхней губе и на лбу заставил ее отвернуться.

«Если бы я была такой хорошенькой, как Летти, — подумала она, — я вышла бы замуж за человека, который мог бы помочь моему отцу. А как папа был бы горд и счастлив, если бы я вдруг стала маркизой или даже герцогиней!»

Затем она вспомнила о Максимусе Керби, и ее охватил легкий трепет.

В тот день, когда он приехал к ним погостить, она наблюдала за ним из окна второго этажа.

Он вышел из фаэтона, в котором они с графом приехали из Лондона, и она подумала, что никогда прежде не видела более привлекательного мужчины.

Ей трудно было хорошо рассмотреть черты его лица, но его широкоплечая фигура, осанка, гордая посадка головы, изящество, с которым он носил цилиндр, заставили ее подумать, что где бы ни оказался Максимус Керби, он всегда будет выделяться среди других мужчин.

Она быстро выбежала на галерею, чтобы увидеть, как он войдет в холл. Пригнувшись, она стала смотреть вниз сквозь перила, как

частенько делала ребенком. Когда он вошел в парадную дверь, она увидела его лицо, и в этот миг что-то произошло с ее сердцем.

Она никогда не предполагала, что мужчина может обладать такой притягательной силой. Он не мог похвастаться классической красотой, но дерзкое выражение глаз, четкая линия губ и решительный подбородок делали его лицо таким выразительным, что ни одна женщина, раз увидев, не смогла бы его забыть.

Мистер Керби провел в Олдеберн-парке два дня, и за все это время ни разу не видел Дорину.

Он и не подозревал, что она наблюдала за ним.

В банкетном зале была специальная галерея для музыкантов, умело замаскированная панелями из резного дерева, которые в давние времена скрывали менестрелей от глаз пирующих. Оттуда Дорина наблюдала за гостем.

Она смотрела, как он поднимался или спускался по лестнице; она стояла у окна, когда ее отец показывал ему дом и конюшни. Она слышала сквозь полуоткрытую дверь, как его представили Летти и как он подарил ей пару веселых, щебечущих маленьких попугайчиков, которых привез из Сингапура.

Дорина прислушивалась к звукам его глубокого голоса, который странно волновал ее. Затаив дыхание, она ловила каждое слово отца, когда он говорил о мистере Керби в его отсутствие, и ей казалось, что даже холодный голос ее матери звучал мягче.

Само собой разумелось, что Дорина не появлялась, если в доме были гости. Во второй вечер визита Максимуса Керби Дорина долго сидела перед зеркалом у себя в комнате, прикидывая, можно ли как-нибудь скрыть безобразные пятна на лице и на этот раз спуститься в столовую.

Отец пригласил кое-кого из соседей к обеду. Все они с радостью приняли приглашение, горя нетерпением встретиться с человеком, чье появление в Лондоне, как поняла Дорина, произвело своего рода сенсацию.

— Все только и говорят о мистере Керби, — говорила жена лорда-наместника. — Я слышала, что королева пригласила его в Виндзор. Она хочет лично услышать о тех преобразованиях, которые он осуществляет в Сингапуре.

— Каковы же они? — спросил граф.

— Вы должны попросить моего мужа рассказать вам, как мистер Керби перестроил порт, соорудил несколько новых зданий и сделал еще много всего, я сейчас уж точно и не вспомню! — ответила герцогиня.

«Мне бы так хотелось обо всем этом услышать», — подумала Дорина.

Затем, глядя на свое отражение в зеркале, она заметила новые шелушащиеся пятна на веках и в уголках глаз. Это было следствием ее недавней поездки на охоту — единственного развлечения, которое она позволяла себе вне дома.

Как всегда, избегая многолюдных компаний, Дорина старалась выезжать лишь в те дни, когда в охоте участвовало немного народу.

Она была отличной наездницей и обычно с легкостью отрывалась от основной группы поглощенных болтовней и сплетнями дам, зачастую к концу дня оказываясь единственной, кто еще держался в седле.

Но холодный ветер, морозный воздух или дождь оказывали плохое воздействие на ее кожу. Экзема, а именно так доктора называли ее болезнь, неизменно усиливалась после дня, проведенного на охоте.

«Что ж, игра стоит свеч», — говорила себе Дорина, даже когда страшный зуд не давал ей уснуть по ночам.

Однако сейчас ей так хотелось познакомиться с Максимусом Керби, что, глядя на свою красную, шелушащуюся кожу, она испытывала почти отчаяние.

Как могла она спуститься вниз и появиться в гостиной в таком виде? Какую боль она испытает, увидев выражение брезгливости, если не отвращения, на его лице, и потом, когда он так же, как и все другие, отвернется от нее в замешательстве.

Следующим утром она следила за его отъездом. К этому времени все домашние уже знали, что он просил руки Летти, что граф согласился, и через год, когда Летти исполнится восемнадцать, они поженятся.

Дорина слышала, как мистер Керби прощался в холле с ее отцом.

— Это был очень счастливый визит для меня, — сказал Керби.

— И мы были рады познакомиться с вами, — ответил граф. — Жаль только, что вы не смогли погостить подольше.

— Мне тоже жаль, — произнес Керби, — но завтра я должен быть в Виндзоре, а послезавтра уже отплываю в Сингапур.

— Я полагаю, вы будете рады снова погреться на солнышке, — добродушно заметил граф.

— Меня ждет работа, — ответил Максимус. — Я приехал в Англию в основном для того, чтобы закупить новые машины и оборудование и нанять подрядчиков, чтобы осуществить мои планы, касающиеся расширения города и гавани, а также освоения новых земель, отвоеванных у джунглей. Именно этим и заинтересовалась Ее Величество.

— Говорят, вы там творите просто чудеса! — сказал граф. — По слухам, вас величают «Некоронованным Королем Сингапура»!

Максимус Керби в притворном испуге вскинул обе руки.

— Ее Величество пришла бы в ужас, услышав такое! Что вы, я всего лишь верный слуга Британии, и, по сути, я лишь осуществляю планы сэра Томаса Рафлза. Именно ему мы обязаны тем, что Сингапур входит в число наших владений.

— Он был великим человеком, — заметил граф.

— Там, откуда я приехал, его глубоко почитают, — согласился Максимус. — Я надеюсь, что когда-нибудь вы посетите меня и сами увидите результаты его трудов.

— Я тоже надеюсь на это, — ответил граф.

Последовало недолгое молчание, а потом Максимус сказал:

— Я напишу вам о своих приготовлениях к свадьбе. Прежде всего я хочу завершить строительство дома. Я уверен, что он понравится леди Летиции.

— Нисколько не сомневаюсь, — поспешно согласился граф.

— В таком случае до свидания, и еще раз благодарю, — сказал Максимус Керби.

Дорина увидела, что он направился к выходу, и поспешила наверх в спальню, окна которой выходили на парадную лестницу.

Он уже взобрался на высокое сиденье фаэтона и, по-видимому, намеревался править сам, так как поводья были у него в руках. Он держал кнут и поводья так ловко и уверенно, что знаток сразу признал бы в нем мастера править лошадьми.

Было холодно, на нем был дорожный плащ с пелериной и шляпа, элегантно сдвинутая набок, из-под которой виднелись его темные

волосы. Он выглядел величественно — статный, внушительный мужчина, без сомнения, привыкший вызывать всеобщее уважение и восхищение, где бы он ни появился.

И в то же время, подумала Дорина, было в нем еще что-то — какая-то непреодолимая сила и огромный запас жизненной энергии, которые она почувствовала в нем, как только он перешагнул порог их дома. Она подумала с отчаянием, что он уезжает, и больше она никогда его не увидит.

Но забыть его она не сможет. Ей казалось, что их посетило существо из другого мира, и, по сути, так оно и было.

Он приехал из дальних стран, и так мало общего было между ним и ее окружением.

Граф, стоя на ступенях, помахал вслед своему гостю. Керби приподнял шляпу. Дорина увидела, что он улыбался.

Ей показалось, что это торжествующая улыбка человека, который добился того, чего хотел. Глаза его блестели, и она поняла, что он вполне доволен собой.

«Интересно, чему он рад?» — подумала она, но ответ был очевиден.

Максимус Керби приехал в Олдеберн-парк, чтобы найти себе жену, и он ее нашел.

Глава 2

Дорина распаковывала вещи в своей каюте на борту «Осаки».

Это был один из новейших пароходов компании «Пенинсьюлар энд ориэнтал», совершавших плавание в отдаленные восточные колонии. Дорину приятно удивили комфорт и роскошь апартаментов, предоставленных им с Летти.

Они состояли из двух больших спальных кают и гостиной, в которой стояло несколько огромных корзин с экзотическими цветами, доставленными для Летти по распоряжению Максимиуса Керби.

Летти и Дорину приветствовали на борту с пышной торжественностью, словно они были членами королевской семьи. Когда же, низко кланяясь, появилась горничная-китаянка, Дорина вынуждена была признать, что Максимиус Керби позаботился обо всем.

В последнее время Летти была мрачной и на редкость раздражительной. Она постоянно твердила, что не хочет ехать в Сингапур, не хочет выходить замуж и что единственное ее желание — остаться дома с родителями.

Граф так устал от всего этого, что стал уезжать из дому с утра пораньше и возвращаться лишь поздно вечером, зачастую после ужина. Графиня же закрывалась в своей гостиной, заявляя, что у нее болит голова и она не в состоянии слушать жалобы Летти. Таким образом, все, как обычно, ложилось на плечи Дорины.

Летти совсем не интересовали прелестные платья, купленные ей в приданое. Большею частью она даже отказывалась примерять их, и Дорине приходилось делать это за нее.

Обе девушки были одного роста и примерно одинакового сложения, поскольку Летти, обычно более пухленькая, чем Дорина, сильно похудела в последнее время от всех треволнений.

Портнихи примеряли платья на Дорину и заставляли ее неподвижно стоять часами, в то время как она с беспокойством думала о том, что ей еще предстоит сделать.

Граф и графиня отвезли дочерей в Лондон и пробыли там десять дней, чтобы одеть Летти по последней моде. Все купленные туалеты были такими элегантными и явно дорогими, что графиня не раз

подозрительно спрашивала, кто же будет платить за них, но ни граф, ни Дорина не горели желанием просветить ее на этот счет.

В Лондоне Летти была еще более невыносимой, чем обычно, заливаясь слезами всякий раз, когда отец пытался обсудить с ней предстоящее замужество, и не отвечая на поздравления и добрые пожелания их друзей и знакомых.

— Если Керби увидит Летти в таком состоянии, — потихоньку сказал граф Дорине, — он тут же пойдет на попятную. Остается рассчитывать лишь на то, что он ослеплен ее красотой и не попытается вступить с ней в длительные беседы, пока обручальное кольцо не окажется у нее на пальце.

Дорину не покидало чувство, что в некотором смысле они обманывают «некоронованного короля Сингапура». Но она пыталась убедить себя, что он сам в этом виноват!

Она была уверена, что ему по какой-то вполне определенной причине потребовалась жена, и была полна решимости выяснить эту причину.

Вспоминая его, Дорина приходила к выводу, что в мире найдется множество женщин, готовых с восторгом принять его предложение и подарить ему свою любовь.

Почему же тогда он приехал в Англию и выбрал Летти, совершенно ничего не зная о ней? Дорина думала, что это связано с общественным положением ее отца.

Пусть они относительно бедны, но имя Олдебернов принадлежит истории Англии, и в течение многих веков их семья была могущественной и почитаемой всеми.

Олдеберны находились при дворе королевы Елизаветы, проявив себя выдающимися государственными деятелями, Олдеберны были сторонниками Реставрации во времена Карла II, Олдеберны занимали высокое положение в годы правления королевы Анны.

Они честно и бескорыстно служили своей стране, и богатства, которые доверяли им монархи, никогда не оседали в их собственных карманах.

Слава Богу, думала Дорина, ее отец позаботился хотя бы о том, чтобы подыскать себе богатого зятя.

В Лондоне Дорина всячески старалась узнать что-либо еще о Максимусе Керби.

Ей было нетрудно заставить отца навести справки у министра колоний и даже у самого премьер-министра о состоянии дел в Сингапуре.

— Я хочу попытаться пробудить в Летти интерес к тому, чем занимается ее будущий муж, прежде чем она встретится с ним, папа, — сказала она отцу, и граф охотно раздобыл нужную ей информацию.

Среди всего прочего она узнала, что именно благодаря Максиму Керби была осуществлена успешная реконструкция порта в Сингапуре, который, как еще в начале века предвидел другой выдающийся молодой англичанин, приобрел огромную роль в развитии торговли.

Сэр Томас Рафлз, родившийся на борту торгового судна, которым командовал его отец, с четырнадцати лет служил клерком в Ост-Индской компании (*Ост-Индская компания — крупная коммерческая компания, существовала с 1600 по 1958 г.*). Когда ему исполнилось двадцать четыре года, его направили в Пенанг, где он быстро продвинулся по службе. После того как англичане завоевали Яву, ему доверили пост губернатора. Когда он ушел в отставку, местные жители говорили, что они лишились своего самого большого друга.

Еще в 1818 году у него зародился план подорвать неограниченное влияние Голландии в Стрейтс-Сетлментс (*Стрейтс-Сетлментс — до 1946 года колония Великобритании у полуострова Малакка в Юго-Восточной Азии.*), объявив Сингапур свободным портом. Несмотря на сильное сопротивление и трудности, с которыми ему пришлось столкнуться, шестью годами позже он осуществил эту идею.

— Говорят, Керби практически покончил с пиратами, — рассказывал граф Дорине. — Одно время они так свирепствовали в тех краях, что торговля почти остановилась, несмотря на то, что правительство посылало даже военные корабли, чтобы навести порядок.

— Военные корабли? — зачарованно спросила Дорина.

— В 1830 году туда было направлено несколько крейсеров, а специальная флотилия, созданная для борьбы с пиратами, просуществовала еще двадцать лет, — ответил граф. — Я слышал забавную историю о том, как в 1837 году пароход «Диана» направился в Сингапур и дал бой пиратам.

— Расскажи мне о нем, — попросила Дорина.

— Первый лорд адмиралтейства с энтузиазмом говорил об этом, по-видимому, одном из важных эпизодов в истории флота.

— А что случилось с «Дианой»?

— Это был первый пароход, построенный в Индии, водоизмещением в сто шестьдесят тонн, способный развивать скорость в пять узлов. Команда состояла из трех европейцев и тридцати малайцев.

— Продолжай же, папа, — нетерпеливо сказала Дорина.

— «Диана» отправилась в свое первое плавание вместе с «Волком», военным парусным судном, состоящим на службе Ее Величества. Они увидели шесть больших прау (*Прау, прао (малайск.)* — общее название индонезийских судов разнообразнейших типов.) (так китайские пираты называют свои суда), нападающих на джонку.

Дорина слушала, затаив дыхание, а граф продолжал:

— Пираты, завидев валивший из труб «Дианы» дым, решили, что горит парусное судно, и, почуяв легкую добычу, устремились туда. — Граф рассмеялся. — Представь себе их ужас, когда они увидели, что корабль полным ходом идет против ветра к ним навстречу! Проходя мимо прау, «Диана» дала полный залп, затем развернулась и повторила маневр.

— Надо полагать, что после этого от пиратских судов мало что осталось, — заметила Дорина.

— От них не осталось ничего, — уточнил граф.

— И таким образом с пиратством было покончено? — удивилась Дорина.

— Не сразу, — ответил граф. — Но эта операция показала местным властям, что можно кое-что предпринять для того, чтобы изменить создавшееся положение. Ведь многие крупные фирмы уже начали угрожать, что они вовсе покинут Сингапур.

— Но все это, очевидно, происходило задолго до того, как мистер Керби приобрел такое влияние в Сингапуре, — заметила Дорина.

— Еще ребенком он должен был не раз слышать эти истории, — ответил граф. — И как только у него появилась возможность, он принялся воплощать в жизнь свои идеи.

— Какие идеи?

— Керби выяснил, что хотя пираты и стали бояться выходить в открытое море, они продолжали нападать на суда, стоявшие на якоре в небольших гаванях или курсировавшие вдоль берега в редко посещаемых местах.

Граф замолчал, словно вспоминая что-то.

— Похоже, — продолжил он, — они действовали всегда одинаково — тихо взбирались на борт, обычно по ночам, и вырезали всю команду и пассажиров прежде, чем те успевали позвать на помощь.

— И что же смог предпринять мистер Керби? — спросила Дорина.

— Он создал свой небольшой флот из маленьких, быстроходных патрульных судов, хорошо вооруженных, но гораздо более маневренных, чем военные корабли. Первый лорд адмиралтейства говорил мне, что в результате пиратство почти прекратило свое существование в Малаккском проливе.

Дорина запоминала малейшие подробности этих рассказов и искренне пыталась заинтересовать Летти, но это было безнадежно.

Стоило ей лишь упомянуть имя Максимуса Керби, как Летти принималась плакать и причитать, что она не хочет выходить замуж. В конце концов она впала в такое отчаяние, что Дорина вынуждена была обратиться к отцу.

— Папа, что мне делать, если по приезде в Сингапур Летти откажется выйти замуж за мистера Керби?

— Она должна выйти за него! — воскликнул граф, стукнув кулаком по столу. — Бог мой, Дорина, неужели ты не можешь растолковать ей все преимущества этого брака?

Дорина лишь молча посмотрела на отца, и спустя минуту он сказал уже совсем другим тоном:

— Я знаю, что это трудно. Возможно, я ставлю перед тобой невыполнимую задачу. Но если она откажется, мы все пропали, уж в этом можешь быть уверена. Мне придется вернуть не только одолженные десять тысяч фунтов, но и те деньги, которые Керби выслал сейчас.

— Неужели от них ничего не осталось? — спросила Дорина.

— Ни единого пенни, — ответил ее отец.

Теперь Дорине стало понятно, откуда появились три новые скаковые лошади в конюшнях Олдеберн-парка.

Тем не менее ее отец проявил большую щедрость в отношении приданого Летти. Когда платья были наконец доставлены, все домашние, за исключением будущей невесты, с восхищением разглядывали их.

— Ты будешь в них такой красивой, — говорила Дорина сестре.

— Я хочу выглядеть красивой лишь для папы, — отвечала Летти.

— Но если ты любишь папу, ты должна сделать так, как он хочет, — пыталась увещевать ее Дорина.

Летти, без сомнения, была очень привязана к отцу, и это был единственный козырь, используя который, Дорина могла уговорить ее отправиться в Сингапур.

Накануне их отъезда из Олдеберн-парка Летти устроила настоящую истерику и пыталась закрыться у себя в комнате.

Дорине удалось предотвратить это и убедить ее наутро покинуть дом, лишь нарисовав перед ней ужасающую картину того, как граф вынужден будет продать имение и лошадей, и все они станут влачить нищенское существование.

— Ты не можешь поступить так жестоко с папой, если ты и вправду его любишь, — сказала Дорина.

— Я люблю... папу... правда... люблю, — упрямо твердила Летти.

— Тогда докажи свою любовь и помоги ему, — твердо сказала Дорина. — Если ты сейчас подведешь его, он может не захотеть больше тебя видеть. Как сможет он вынести, что его родная дочь ведет себя так недостойно?

Увидев, что Летти внимательно слушает, Дорина добавила:

— Если сейчас расторгнуть помолвку, это не только поставит папу в неловкое положение, но навлечет на него бесчестие!

Когда они наконец прибыли в Гилбери, Летти согласилась взойти на борт «Осаки» лишь после длительного, душераздирающего прощания, оставив на берегу потрясенных, побледневших родителей.

— Будет лучше, если вы не станете ждать отплытия, — предупредила Дорина отца. — Попрощайтесь и уходите. Я уверена, что когда она осознает, что корабль вот-вот отчалит, ее охватит паника,

а если вы все еще будете здесь, она может даже попытаться сойти на берег.

Как всегда, Дорина была права. Когда ударили в корабельный колокол и объявили, что провожающих просят покинуть корабль, Летти впала в неистовство.

— Я не поеду... не поеду! Я хочу домой! Я хочу к папе! — кричала она.

— Уже поздно, — пыталась утихомирить ее Дорина. — Папа сейчас на пути в Лондон и очень счастлив и доволен твоим поведением.

Кое-как Дорине удалось успокоить сестру, и, измученная переживаниями, та заснула прежде, чем корабль успел отойти от пристани.

Задернув занавески, чтобы свет не разбудил Летти, Дорина направилась в свою каюту.

Горничная-китаянка уже успела распаковать багаж Летти и предложила свои услуги Дорине, но та отказалась, предпочитая сама разложить по местам то небольшое, что она захватила с собой.

Новые платья светло-серого цвета с белыми воротничками и манжетами очень подходили к роли компаньонки и делали ее незаметной, как она того хотела.

Но гораздо больше новых платьев ее интересовали книги, лежавшие в ее дорожном сундуке. Некоторые из них она купила в Лондоне, другие недавно обнаружила в библиотеке Олдеберн-парка.

Когда они были в Лондоне, она ухитрилась найти время не только для того, чтобы зайти в книжный магазин на Сент-Джеймс-стрит, но и чтобы посетить Британский музей.

Дорине было лет двенадцать, когда она начала понимать, что природа наделила ее недюжинным умом. Однажды она услышала, как гувернантка говорила ее отцу:

— Беда в том, милорд, что мне нечему больше научить леди Дорину. Она обладает такими способностями, что схватывает все с полуслова. Какая жалость, что она не родилась мальчиком.

Дорина подумала, что со стороны гувернантки очень бестактно напоминать об этом, но граф лишь ответил:

— Если я вас правильно понял, мисс Гринвей, вы хотите сказать, что Дорине нужно дополнительно нанять учителей?

— Будет очень обидно, если при ее одаренности все ее образование ограничится тем немногим, чему я могу ее научить, — ответила мисс Гринвей. — Когда меня нанимали, я объяснила ее светлости, что мои возможности весьма ограничены.

Граф не отвечал, и мисс Гринвей продолжала:

— Мне будет грустно покидать Олдеберн-парк, милорд, но я не исполнила бы свой долг, если бы откровенно не сказала вам, что Дорина нуждается в более опытных учителях, чем я.

— Ни один мужчина не хочет иметь слишком умную жену, — с ноткой раздражения в голосе сказал граф. — Я вполне доволен тем, как вы воспитываете моих дочерей, мисс Гринвей, и я не имею ни малейшего намерения тратить деньги на то, чтобы дать им более широкое образование, которое приведет лишь к тому, что они будут испытывать неудовлетворенность.

Он помолчал, а потом твердо добавил:

— Все, что нужно знать женщине, — это как быть хорошей женой и хорошей матерью. Всему остальному она научится у мужа, когда таковой у нее появится.

С этими словами граф вышел из классной комнаты, в то время как Дорина вошла в другую дверь. Взглянув на мисс Гринвей, она увидела, что у той подозрительно блестели глаза, как будто она готова была расплакаться.

— Я пыталась сделать для тебя все, что могла, Дорина, — сказала она, — но у меня ничего не вышло. Теперь тебе придется самой заняться своим образованием.

Именно мисс Гринвей открыла ей, что книга не только источник знаний, она может приносить радость и утешение.

Когда Дорина окончательно убедилась, что ее болезнь неизлечима, только благодаря книгам она научилась забывать о своих бедах и мысленно переноситься в волшебный мир, где подобные вещи не имели значения.

Один из докторов, к которым возила ее графиня, как-то сказал ей:

— Я часто замечал, что люди, страдающие экземой, отличаются острым умом. Насколько я помню, Юлий Цезарь всю жизнь страдал от этой болезни.

— Юлий Цезарь был мужчиной, — тихо ответила Дорина.

Но слова доктора немного утешили ее, и она надолго запомнила их.

Обнаружив свое невежество в том или ином вопросе, она всячески старалась восполнить этот пробел.

Прежде всего, чтобы доставить удовольствие отцу, она основательно изучила вопросы, касающиеся разведения и объезды лошадей; она знала наизусть родословные победителей всех важнейших скачек.

Она была единственной из домашних, с кем граф делился своими планами и к кому он приходил за утешением, когда его лошади не оправдывали возложенных на них надежд.

Крытая галерея для музыкантов, где Дорина сидела во время званных обедов, невидимая для всех, также сослужила ей большую службу.

Обычно разговоры за столом сводились к спорту, но как-то ее отец пригласил в гости известного американского сенатора, и после этого Дорина прочитала все, что смогла найти об истории Соединенных Штатов.

Иногда в Олдеберн-парке гостили дипломаты из разных европейских стран, и Дорина внимательно изучала обычаи этих стран и родословные правящих монархов.

Ее интересовало все, что она видела вокруг. Она с любопытством наблюдала за птицами, а когда узнала, как они строят гнезда, выращивают птенцов и совершают длительные перелеты, ей стала нестерпима мысль о том, что их убивают на охоте ради забавы. Дорина с интересом следила и за политическими событиями. Она была единственной в Олдеберн-парке, кто от корки до корки прочитывал «Таймс»; она выискивала интересные статьи в тех газетах и журналах, которые ее отец выписывал лишь ради отчетов о скачках.

И теперь из кожаных дорожных сундуков она вынимала одну за другой книги, которые специально отобрала в дорогу. Почти все они были о китайской культуре.

Одна из книг была о нефрите, другая — о китайской керамике. Несколько томов были посвящены китайской живописи.

Ей нелегко было отыскать интересующие ее книги, а когда продавец в книжной лавке наконец нашел то, что ей нужно, она пришла в ужас, узнав, сколько это будет стоить.

Сократив расходы на новые платья, которые она хотела купить в дорогу, она набрала необходимую сумму. Кроме того, в библиотеке Олдеберн-парка ей посчастливилось найти две книги, рассказывающие об истории полуострова Малакка.

Дорина нежно коснулась пальцами книг. Один их вид уже наполнял ее восторгом. В них таилось столько всего, что она хотела узнать и понять.

Перед отъездом она посетила Китайский зал Британского музея. Она долго рассматривала рисунки на шелке и свитках, и ее начало охватывать смутное волнение. У нее возникло такое чувство, будто между ею и этими рисунками существует некая связь.

Казалось, они пытались что-то донести до нее. Может быть, пробудить давно забытое воспоминание или открыть какую-то тайну.

С трудом Дорина заставила себя распаковывать остальные вещи. Книги, лежавшие на столе, манили и притягивали ее. Ей страстно хотелось открыть хотя бы одну из них и погрузиться в сладостный волшебный мир.

Даже новые впечатления от пребывания на корабле не уменьшили желания скорее узнать, что таят в себе эти книги.

Прибравшись в каюте, Дорина накинула на плечи теплый дорожный плащ с капюшоном и вышла на палубу. Они направлялись в открытое море, но земля еще не исчезла из виду.

День был холодным и серым, потемневшее небо предвещало либо дождь, либо снег. Дорина увидела, как волны ударяют о борт корабля и рассыпаются брызгами, и у нее перехватило дыхание.

Ее ждут неведомые приключения. Она отправляется в чужие страны. Ей предстоит увидеть Сингапур.

Но только ли в этом была причина ее волнения?

Она знала ответ, хотя боялась признаться в этом. Но какой был смысл лгать самой себе?

Она хотела снова увидеть Максимус Керби. Больше всего на свете ей хотелось встретиться с ним!

Едва они вышли в Английский канал, как начало штормить. Когда корабль повернул на юг и пошел вдоль побережья Франции, погода совсем испортилась, море разыгралось не на шутку.

Летти, сильно мучившаяся от морской болезни, была крайне напугана.

— Я уверена, что корабль затонет! Мы все... пойдём ко дну! — причитала она.

Трое суток Дорина почти не отходила от нее, пока не вмешался судовой врач.

— Дальше так не может продолжаться, мисс Хайд, — сказал он Дорине. — Я попрошу кого-нибудь помочь вам ухаживать за леди Легацией, не то у меня на руках окажутся не один, а два пациента.

— Но я прекрасно справляюсь, доктор Джонсон, — запротестовала Дорина.

— Сколько вы спали прошлой ночью? — спросил он.

Дорина ничего не ответила, и он заключил:

— Я не намерен спорить с вами, мисс Хайд. Я уже поговорил с сестрой Терезой, и она с радостью согласилась помочь вам. Мы все очень хорошо ее знаем. Она замечательная женщина и очень известна и почитаема в той части света, куда вы направляетесь.

— Она сиделка? — спросила Дорина.

— Она миссионер, — ответил доктор Джонсон. — Не знаю, насколько успешно она обращает аборигенов в христианство, но она оказывает им неоценимую медицинскую помощь. Она превосходная сиделка и в случае необходимости не уступит любому врачу.

Когда Дорина увидела сестру Терезу, то поняла, что у нее нет оснований усомниться в словах доктора Джонсона. Сестре Терезе было уже за сорок, и ее спокойствие и уверенность в себе вызвали доверие, где бы она ни появилась.

Ее черная монашеская одежда и белый накрахмаленный апостольник внушали бы благоговейный трепет, если бы не лукавая улыбка и яркие, лучистые глаза.

— Доктор сказал мне, что вам тяжело приходится с леди Летицией, — сказала она Дорине. — Позвольте мне помочь вам ухаживать за ней. Я привыкла к этому.

— Вы так добры, — ответила Дорина. — Но леди Летиция очень плохо сходится новыми людьми.

— Она быстро привыкнет ко мне, — спокойно заверила ее сестра Тереза.

К изумлению Дорины, так оно и случилось.

Летти почти сразу же прониклась расположением к сестре Терезе. Дорина с огромным облегчением наблюдала, как Летти выполняет все ее указания и готова беспрекословно подчиняться ей во всем.

К большой радости Дорины у нее теперь освободилось время не только для сна, но и для чтения.

Из-за сильной качки было невозможно выходить на прогулку, и хотя Дорина заставляла себя хотя бы дважды в день подниматься на палубу, ее вполне устраивало лежать, уютно устроившись с книгой на диванчике в их гостиной.

Когда они миновали Бискайский залив и вошли в спокойные воды Средиземного моря, было уже ясно, что Летти вполне счастлива в обществе сестры Терезы. Она даже с удовольствием слушала, когда сестра Тереза читала ей, чего никак не могла добиться Дорина.

— Я так признательна вам, доктор Джонсон, — сказала Дорина этому веселому, добродушному человеку, который, как она уже успела выяснить, был известной личностью в пароходной компании.

— Я еще ни разу не видел, чтобы сестре Терезе не удалось пробудить в пациенте волю к жизни или заставить капризного ребенка хорошо есть, — ответил доктор Джонсон. — Кстати, это мне напомнило, мисс Хайд, что у вас теперь нет оснований не спустаться к обеду в столовую.

Дорина почувствовала себя неловко.

— Я предпочитаю есть у себя в каюте, доктор, — ответила она, удивляясь про себя, что у доктора не хватает такта понять, как ей неприятно, когда на нее таращат глаза.

— Ну что ж, у вас, безусловно, достаточно удобная каюта, — заметил доктор.

Этим вечером сестра Тереза попросила Дорину сходить к доктору Джонсону за микстурой, которую он обычно готовил для Летти.

— Это лекарство помогает леди Летиции от тошноты, — сказала она. — Я еще утром предупредила доктора, что у нас почти ничего не осталось.

— Хорошо, я сейчас схожу, — ответила Дорина.

Она направилась вниз в приемную, где доктор Джонсон принимал своих пациентов, но там никого не оказалось.

Стюард, встретив Дорину у дверей, сказал, что доктор, скорее всего, отправился к эконому.

Дорина поднялась на верхнюю палубу. Она постучала в дверь каюты эконома, и когда тот открыл, объяснила цель своего визита.

Доктор Джонсон сидел в кресле, держа в руке стакан.

— Входите же, мисс Хайд, — весело сказал он, вставая. — Вы еще не встречались с нашим экономом, а между тем он мечтает познакомиться с вами.

Дорина с удивлением взглянула на эконома, мужчину лет пятидесяти с суровым, обветренным лицом.

— Он интересуется вашей подопечной, — улыбнулся доктор Джонсон. — Вы, наверное, догадываетесь, что весь корабль судачит о ней.

— О леди Летиции? — спросила Дорина.

— О ком же еще? — удивился доктор. — Будущая невеста Максимуса Керби! Он пользуется большим влиянием в Сингапуре, как вы, без сомнения, знаете.

— Пожалуй, я лучше пойду, — чувствуя себя неловко, сказала Дорина. — Если можно, дайте мне то лекарство, которое вы обещали сестре Терезе.

— Ну, ну, мисс Хайд, — укоризненно проговорил доктор, — вам не удастся так просто от нас отделаться. Как врач, я предписываю вам стакан мадеры и небольшую дружескую беседу. С самого начала плавания вы очень необщительны.

Дорина пыталась воспротивиться, но тщетно. Она не смогла устоять перед дружеской настойчивостью доктора Джонсона и приняла из рук эконома стакан мадеры.

К тому же ей пришло в голову, что ее собеседники смогут рассказать ей о Керби, и скоро она убедилась, что они способны долго говорить на эту тему.

— А вы встречались с Могущественным Максом? — спросил ее доктор Джонсон.

— Нет, я с ним не знакома, — ответила Дорина. — А что, его обычно так называют?

— Большинство жителей Сингапура называют его Всемогущим, — рассмеялся эконом. — И это очень подходящий эпитет. Он правит там железной рукой в бархатной перчатке. Вы не

найдете ни одного китайца, который не был бы готов лечь на землю и лизать ему сапоги, если бы Керби только приказал.

— А почему они так восхищаются им? — спросила Дорина.

— Во-первых, он принес им процветание, — ответил доктор, — а во-вторых, он как раз человек того типа, которому они готовы поклоняться.

— А какой он? — спросила Дорина.

Мужчины переглянулись и рассмеялись.

— Ну что ж, попробуйте, опишите его, — предложил доктор эконому.

— Не могу, — признался эконом. — Я думаю, «эксцентричный» будет самым точным описанием.

— Можете добавить «легендарный», «великолепный», «ошеломляющий», «властный», «непреклонный»! Я готов согласиться с любым из этих эпитетов, — со смехом сказал доктор.

— Мне интересно, — заметил эконом, — знает ли леди Летиция, на что она идет? Все женщины готовы будут выцарапать ей глаза за то, что она увела Макса у них из-под носа!

Дорина с тревогой переводила взгляд с одного собеседника на другого.

Она понимала, что они так свободно говорят при ней лишь потому, что считали ее всего только компаньонкой леди Летиции.

К тому же из-за ее уродства люди не воспринимали ее как обычную молодую женщину.

Они охотно делились с ней своими переживаниями и поверяли ей свои секреты просто по той причине, что она каким-то непонятным образом стояла как бы в стороне от окружающих.

Поскольку она выглядела не так, как обычная девушка, люди говорили ей такие вещи, о которых при других обстоятельствах не упоминали бы.

Все жители деревни в Олдеберне делились с ней своими тайнами, все слуги в поместье смотрели на нее как на друга.

— А как выглядит невеста? — спросил эконом.

— Она прелестна! — ответил доктор. — Я никогда не видел такой красивой девушки! Так что сингапурских дам можно только пожалеть. Она их попросту затмит.

Дорина улыбнулась.

— Я рада это слышать, доктор.

— Чтобы удержать Макса, одной красоты недостаточно, — заметил эконоом.

— Что вы имеете в виду? — спросила Дорина.

— Ну, мы с доктором Джонсоном за эти годы повидали немало его подружек, — сказал эконоом, отхлебнув виски из высокого стакана.

— Это верно, — согласился доктор. — Ты помнишь «Несравненную Жемчужину»? Бог мой, сколько денег Макс потратил на эту женщину!

— Она стоила того, клянусь Богом! — ответил эконоом. — Божественное создание. Ее имя как нельзя более шло к ней.

— А кто она такая? — спросила Дорина, стараясь не выдать охватившего ее мучительного любопытства.

— Китайка! — пояснил доктор. — Макс нашел ее в Гонконге. Вы никогда не видели такой экзотической, утонченной красоты!

— Макс позаботился о том, чтобы ее внешний вид соответствовал ее имени, — заметил эконоом. — Он дарил ей жемчужины величиной с голубиное яйцо — целые нити жемчуга! Я всегда удивлялся, как они умещались на такой тонкой шейке!

— Зато Голди обожала бриллианты, — сказал доктор.

— Голди! — воскликнул эконоом и погрозил доктору пальцем. — Уж вы-то не забудете тех вечеринок! Бог мой, как же было весело! Помните ту попойку, которая длилась три дня? Когда я наконец добрался до корабля, мне казалось, что моя голова вот-вот расколется.

— А кто такая Голди? — очень тихо спросила Дорина.

— Австралийка, — ответил доктор. — Очень хорошенькая. Волосы — как чистое золото, слегка смуглая кожа и смех, напоминающий звон колокольчиков!

— А что случилось с Несравненной Жемчужиной и с Голди? — поинтересовалась Дорина.

— Максу они надоели, — ответил эконоом. — Он быстро пресыщается. Он любитель приключений, всегда ищет что-то новое, образно говоря, всегда жаждет открывать новые земли.

— Надо признать, он не встречает особого сопротивления, — засмеялся доктор.

Эконоом бросил быстрый взгляд на Дорину и отвел глаза в сторону.

— Нас всех очень интересует, мисс Хайд, сможет ли юная леди заставить Макса остепениться.

— Я думаю, он сам этого хочет, — сказал доктор.

— Макс хочет остепениться? — эконом хмыкнул: — Я поверю в это лишь тогда, когда увижу собственными глазами.

— Мне кажется, он немного подражает своему герою, сэру Томасу Рафлзу. Если помнишь, у Рафлза была замечательная жена, которая всегда поддерживала и вдохновляла его.

— Может, ты и прав, — серьезно ответил эконом. — Это как раз в стиле Макса — резко поменять галс. Должно быть, он решил, что ему пора обзавестись семьей и нашел себе жену, которая затмит всех женщин, каких он когда-либо знал.

— Леди Летиция, безусловно, будет самой прекрасной женщиной, которую видел Сингапур, — задумчиво сказал доктор.

При этих словах Дорина подумала, знает ли доктор о том, насколько Летти инфантильна. Чуть позднее она поняла, что у него уже сложилось определенное мнение на этот счет.

— Хорошая жена во многом сможет помочь Макс, — медленно сказал доктор. — Главное — чтобы эта женщина ему подходила во всех отношениях.

— И как раз такая женщина сейчас находится у нас на борту! — с энтузиазмом воскликнул эконом. — Мисс Хайд, вы должны выпить за это, я вам налью еще немного.

— Нет, нет, мне уже достаточно. Прошу вас извинить меня, но мне пора возвращаться к себе. Благодарю вас, доктор.

Дорина выразительно посмотрела на доктора, словно пытаясь дать ему понять, что она и в самом деле решительно настроена уходить, и доктор с трудом поднялся с кресла.

— Я принесу микстуру в вашу гостиную, мисс Хайд, — сказал он.

— Я вам очень признательна, доктор, — ответила Дорина и, повернувшись к эконому, добавила: — Спасибо за гостеприимство.

— Заходите ко мне в любое время, когда вам захочется с кем-нибудь поговорить, — сказал эконом. — Как только море совсем успокоится, мы устроим вечеринку.

— Вы очень любезны, — ответила Дорина, — но я никогда не хожу на вечеринки.

Эконом не стал настаивать, и было ясно, что он понимает, почему она предпочитает одиночество.

Она вернулась в свою каюту и принялась обдумывать все услышанное. Взглянув правде в глаза, Дорина вынуждена была признать не только то, что предстоящее замужество Летти обречено на неудачу, но и то, что в сделке с Максимусом Керби ее отец, используя его любимое выражение, попросту надул молодого человека.

Керби не мог подозревать, что ум Летти настолько незрел. Он видел ее в Олдеберн-Парке лишь в обществе ее родителей. Очевидно, как и множество других мужчин до него, Керби объяснял себе молчаливость Летти ее застенчивостью.

Дорина знала, что ее отец пытался продемонстрировать сестру в самом выгодном свете. К тому же Летти была искренне восхищена подаренными ей попугайчиками, и в таком настроении она производила впечатление милой и сговорчивой девушки, каковые качества, без сомнения, и искал мистер Керби в будущей жене.

Что он почувствует, когда узнает, как капризна и раздражительна может быть Летти, как она безнадежно бестолкова и не в состоянии поддержать разговор даже на самые простые бытовые темы.

Достаточно ли будет Летти только ее красоты, спрашивала себя Дорина, чтобы справляться с ролью хозяйки на многочисленных приемах, которые устраивал Керби?

Разве не будет он разочарован, увидев, что жена может провести целый день, бессмысленно играя с котенком или любуясь на своих птичек, не проявляя ни малейшего интереса к его планам и заботам, которыми ему захочется поделиться с ней?

«Я должна заставить ее понять, что от нее требуется», — с отчаянием думала Дорина.

Она осознавала, что добиться этого за столь короткий срок — все равно что совершить подвиг, достойный Геркулеса.

Войдя в каюту Летти, она увидела сестру Терезу, которая читала Летти вслух. При виде Дорины она прервала чтение и спросила:

— Вы взяли лекарство, мисс Хайд?

— Доктор обещал принести его через несколько минут, — ответила Дорина.

— Ты нам мешаешь, Дорина, — сказала Летти. — Продолжайте же, сестра Тереза, я хочу услышать конец этой истории.

В голосе Летти послышались капризные нотки, предвещавшие слезы и вспышку гнева, если ей будут перечить. Дорина улыбнулась с извиняющимся видом.

— Продолжайте, пожалуйста, — сказала она сестре Терезе. — Я подожду в гостиной.

Через несколько минут послышался стук в дверь, и вошел доктор.

— Как наша пациентка? — спросил он.

— Полностью поглощена историей, которую читает ей сестра Тереза, — ответила Дорина. — Если не возражаете, лучше ее не беспокоить. Я никогда не видела, чтобы Летти привязалась к кому-нибудь так быстро, как к сестре Терезе.

— Я говорил вам, что сестра Тереза просто волшебница, — улыбнулся доктор. — Скоро леди Летиция совсем поправится.

— Я вам очень благодарна, — сказала Дорина.

— Вы хлопчете вокруг этой юной леди, как наседка, — заметил доктор. — Вы давно ее знаете?

— О да, — ответила Дорина. — С рождения.

— Этим объясняется ваша привязанность, — сказал доктор. — Ей повезло с вами.

— И с сестрой Терезой!

— Бесспорно, — улыбнулся доктор. — Нам всем повезло, что она плывет этим же рейсом. Могу сказать вам по секрету, что и капитан, и эконом были в ужасе — вдруг леди Летиция серьезно расхворается, тогда Всемогущий Макс обрушит на них свой гнев!

Дорина рассмеялась.

— Неужели он такой всемогущий?

— Даже более, чем я могу сказать.

Доктор слегка заколебался, а потом сказал извиняющимся тоном:

— Надеюсь, наши рассказы вас не шокировали? Я только потом спохватился, что в присутствии леди не следовало бы вести такие разговоры.

— Не беспокойтесь, вы можете быть вполне откровенны со мной, — ответила Дорина.

— Просто мы пытались объяснить вам, что Максимус Керби действительно выдающийся человек. Поэтому все ожидают, что его

жена тоже окажется незаурядной личностью.

Дорина спросила:

— Вы хотите сказать, доктор, что вам кажется, будто леди Летиция — неподходящая жена для Максимуса Керби?

Доктор несколько мгновений молчал, а затем медленно произнес:

— Я ничего не утверждаю и никого не критикую, мисс Хайд. Леди Летиция самая красивая девушка из всех, кого я когда-либо видел. Но я не могу не спросить себя — что, кроме этого, она может предложить Могущественному Максусу?

Глава 3

— Леди Энсон шлет свои наилучшие пожелания, и поскольку ее светлость нездорова и не может нанести визит леди Летиции, она просит передать, что будет крайне признательна, если леди Летиция сочтет возможным сама навестить ее.

Стюард выпалил все это на одном дыхании, словно опасался забыть или перепутать что-нибудь.

Дорина, отложив в сторону книгу, внимательно выслушала его и улыбнулась.

— Пожалуйста, поблагодарите леди Энсон и передайте ей, что, к сожалению, леди Летиция не очень хорошо себя чувствует и пока не выходит из своей каюты.

— Слушаюсь, мисс.

Стюард вышел, и Дорина снова взяла в руки книгу.

Этот необычный обмен любезностями происходил почти каждый день с тех пор, как море немного успокоилось. Дорина понимала, что леди Энсон честно пыталась выполнить данное ей мистером Керби поручение, несмотря на то, что с самого начала плавания была выведена из строя морской болезнью.

Но в настоящий момент не могло быть и речи о том, чтобы Летти встречалась с кем-либо, помимо сестры Терезы.

Девушка мучилась не только от морской болезни; она страдала от разлуки с родными и тоски по дому, и все вместе привело ее в состояние нервного и физического истощения.

— Не пытайтесь заставлять ее что-либо делать, — сказал доктор Джонсон Дорине. — Дайте ей возможность расслабиться. Увидев солнышко, она сразу же почувствует себя лучше.

Он говорил так, будто солнечный свет был панацеей от всех болезней, но Дорина сомневалась, что климат каким-либо образом повлияет на настроение Летти.

Тем не менее, она была глубоко признательна сестре Терезе за то, что та помогала ей ухаживать за Летти. Благодаря сестре Терезе Дорине не приходилось вставать к больной по ночам чаще одно-двух раз.

Сама Дорина чувствовала себя вполне счастливой, пока у нее была возможность читать.

Теперь, когда они оказались в более спокойных водах, она выходила на прогулку рано утром, когда на палубе еще никого не было, за исключением двух-трех энтузиастов, которые считали необходимым проделать пешком несколько километров хотя бы два раза в день.

Дорина пришла к выводу, что большинство пассажиров довольно скучны.

Это были плантаторы и их жены, впервые направляющиеся в Малайю, служащие, собирающиеся приступить к работе в Ост-Индской компании, и коммерсанты, проводившие большую часть дня и ночи либо в баре, либо в курительной комнате.

Дорина не чувствовала себя одинокой оттого, что ей почти не с кем было поговорить. Ей нравилась сестра Тереза, и она находила ее общество очень интересным.

Как-то сестра Тереза вошла в гостиную, прикрыв за собой дверь каюты Летти. — Она спит? — спросила Дорина.

Сестра кивнула.

— Не хотите ли выпить чего-нибудь прохладительного?

— Нет, благодарю вас, — сказала сестра Тереза. — Сегодня пятница, и я пощусь.

— Но что-то вы, наверное, все-таки едите? — спросила Дорина.

— Как можно меньше, — ответила сестра. — Я нахожу, что во время плавания я становлюсь слишком избалована регулярным питанием и излишествами, к которым я не приучена.

— Расскажите мне о своей работе, — попросила ее Дорина.

Сестра опустилась в одно из мягких глубоких кресел, но Дорина обратила внимание, что она старается держаться очень прямо, словно никогда не позволяя себе расслабляться.

— Я работаю в Стрейтс-Сеттлментс уже двенадцать лет, — сказала она. — А перед этим я несколько лет провела в Индии.

— А сейчас вы живете в Сингапуре?

— Нет, — сестра покачала головой. — Я помогала строить миссионерские католические школы в Сингапуре, а теперь переехала в Саравак (*Саравак — бывшая колония Великобритании на северо-западном побережье острова Борнео.*). Там очень много

работы. Мы начали строительство не только школы, но и небольшого госпиталя, в котором местные жители испытывают крайнюю нужду.

— Я слышала, что в Сараваке все еще есть «охотники за головами». Вам не страшно? — поинтересовалась Дорина.

Сестра Тереза рассмеялась.

— Уверю вас, моя голова им не нужна, — сказала она. — К тому же, как вы, наверное, знаете, в Сараваке правит белый раджа. Сэр Чарльз Брук очень хорошо относится к миссионерам, и в трудную минуту мы всегда можем обратиться нему.

— Мне жаль, что вы не останетесь в Сингапуре, — грустно заметила Дорина.

Она подумала, как Летти будет не хватать сестры Терезы. Живи она здесь, каким облегчением было бы знать, что в городе есть хотя бы один человек, который пользуется доверием и привязанностью Летти.

— Я задержусь в Сингапуре на две-три недели, — сказала сестра Тереза. — И мне непременно нужно будет познакомить вас с отцом Пьером Парисом, нашим католическим священником. Он завоевал всеобщую любовь в этих краях.

Она улыбнулась и добавила:

— Нет человека в Сингапуре, который не узнал бы отца Париса, когда тот появляется на улице с палкой в одной руке и китайским зонтиком в другой!

Дорина рассмеялась.

Она легко представила себе, насколько необычно должен выглядеть католический священник в длинной черной сутане и с китайским зонтиком в руке.

— Я полагаю, что большинство детей, с которыми вы имеете дело — китайцы? — спросила она.

— В Сингапуре живут люди по меньшей мере двадцати восьми национальностей, — ответила сестра Тереза, — но китайцев сейчас там насчитывается более восьмидесяти тысяч, что составляет подавляющее большинство населения.

— Так много! — удивленно воскликнула Дорина.

— Сингапур — большой и все еще растущий город, — сказала сестра Тереза, — скоро вы сами в этом убедитесь.

— Я хотела бы поблагодарить вас за все, что вы сделали для леди Летиции, — мягко сказала Дорина.

Она секунду поколебалась, а потом добавила:

— Может быть, вы смогли бы помочь мне внушить ей, как важно для нее содействовать Максимуму Керби в его работе и во всем, что он делает на благо и процветания колонии?

— А вы встречались с Максимумом Керби? — спросила сестра Тереза.

— Нет, — ответила Дорина, — но много о нем слышала.

— Он очень необычный, выдающийся человек, — медленно произнесла сестра Тереза, как бы с трудом подбирая нужные слова. — У него сильный, решительный характер, и в Сингапуре он пользуется огромным уважением.

— Мне говорили... — начала было Дорина, но сестра Тереза уже поднялась со своего кресла и, не сказав больше ни слова, вышла из каюты.

Дорина молча смотрела ей вслед. У нее было такое ощущение, будто сестра Тереза хотела о чем-то предупредить ее.

Пыталась ли она дать понять, что именно Керби будет ожидать от своей жены, или просто намекала на то, что она не считает Летти подходящей кандидатурой на эту роль?

Дорине казалось, что корабль плывет слишком быстро, неумолимо приближая тот момент, когда она неизбежно столкнется с ситуацией, к которой она не готова и на которую у нее не будет возможности повлиять.

Она медленно пересекла гостиную и тихо отворила дверь в каюту Летти.

Летти спала, и, глядя на нее, Дорина подумала, что трудно представить себе более восхитительное создание.

Летти с ее разметавшимися по подушке волосами была похожа на сказочную принцессу. Ее ресницы казались очень темными, кожа — белоснежной, а прелестно очерченные губки были капризно изогнуты.

«Разве может какая-нибудь другая девушка выглядеть такой романтической, женственной и очаровательной?» — подумала Дорина.

И сейчас же рядом с лицом Летти она представила выразительное лицо Максимуса Керби.

Это было лицо человека действия! Человека, который, как сказала сестра Тереза, обладает сильным, решительным характером, человека,

который способен потребовать от жизни все, что он захочет, и бороться за то, чтобы это получить!

Дорина принялась молиться, чтобы Летти принесла ему счастье.

Но как смогут два человека, живших в столь разных условиях и не имеющих ничего общего, ужиться между собой?

С тяжелым вздохом Дорина подумала о том, насколько Летти беспомощна и эгоистична.

Вернувшись в свою каюту, Дорина снова взяла в руки книгу, но ей почему-то расхотелось читать.

Она подошла к открытому иллюминатору и выглянула наружу.

Слепящее солнце сверкало на гладкой, спокойной поверхности моря. Трудно было поверить, что совсем недавно их корабль раскачивало и швыряло из стороны в сторону с такой силой, что невозможно было удержаться на ногах.

Теперь же ветер был совсем слабым, паруса беспомощно повисли, и судно шло под парами.

Вечером, когда сестра Тереза сидела с Летти, Дорина поднялась на палубу. Темное небо было усеяно звездами.

Дорина с восторгом ощутила, что ей совсем не холодно без плаща, в одном тонком платье, и хотя к вечеру температура воздуха немного упала, было все еще очень жарко. Горячий воздух был насыщен влагой, что служило источником непрерывных жалоб Летти все последние дни.

— В Красном море всегда очень душно, — успокаивала ее сестра Тереза. — Когда мы выйдем в Индийский океан, станет намного легче.

«А мне нравится такая погода!» — подумала Дорина.

Это было правдой. Она обнаружила, что горячий влажный воздух почти полностью излечил ее от насморка, который доставлял ей мученья в течение всей зимы.

Ее нос больше не был заложен, исчезла привычная ломота во лбу. Она могла свободно дышать, и это принесло ей громадное облегчение.

— Зимой все страдают от насморка, — как-то сказала ее мать, — поэтому не думай, что ты сильно отличаешься от других.

— Я так и не думаю, мама, — ответила Дорина. — Просто я упомянула об этом, потому что мне очень трудно дышать.

— Терпеть не могу, когда жалуются на малейшее недомогание! — резко оборвала ее графиня.

Хотя Дорине было обидно, что мать не проявила сочувствия к ней, она все же могла ее понять.

Летти жаловалась и ныла по любому поводу, к тому же сама графиня каждую зиму страдала от ревматизма, и не желала слушать про чужие болезни, потому что ей хватало своих.

Отец, однако, проявил больше внимания.

— Возьми понюшку моего табаку, Дорина, — сказал он. — Когда у меня насморк, я всегда так делаю, и мне это очень помогает.

Дорина попробовала сделать, как он советовал, но от этого у нее лишь сильнее заложило нос.

У нее было подозрение, что это не обычный насморк, а следствие экземы, так изуродовавшей ее лицо.

Если это было так, она отлично понимала, что ей ничто не поможет. Она давно уже прекратила употреблять какие-либо лекарства от своей болезни, окончательно убедившись в их абсолютной неэффективности.

Теперь же, глядя на море, она глубоко вздохнула и почувствовала, что ее нос дышит намного легче.

Она прошла по палубе, почти безлюдной в это время суток. Из курительной доносились взрывы хохота, и ей стало ясно, где коротают время пассажиры, которые не хотят рано ложиться спать.

Прислушиваясь к хриплым голосам, она подумала, как мало знает о мужчинах.

Однако же ей приходилось решать так много чужих проблем и выслушивать такое количество тайных признаний и от деревенских жителей, и от слуг в Олдеберн-парке, что она неплохо разбиралась в человеческой психологии.

Люди, одетые в роскошные туалеты и вращавшиеся в высших слоях общества, тем не менее продолжали оставаться просто людьми.

Они рождались и умирали. Они хотели быть счастливы так же, как и простая судомойка или мальчишка, работающий на конюшне.

Дорина с завистью подумала о сестре Терезе.

Ее жизнь была посвящена тому, чтобы помогать другим, и Дорина была убеждена, что именно вера позволяла ей найти правильные ответы на все вопросы. Вера вдохновляла ее, это было видно по выражению ее глаз, по тому, как она разговаривала. Когда она не

читала Летти, она задумчиво перебирала четки, и Дорина знала, что она молится.

«Я уверена, что ее молитвы помогут Летти, — сказала себе Дорина. — Может быть, они сотворят чудо, и она станет такой же, как все окружающие. Возможно, замужество совсем изменит ее».

Она пыталась представить себе Летти в роли жены и матери, но это было очень трудно.

«Я уверена, что все будет хорошо», — пыталась убедить себя Дорина.

Она знала, что когда она беспокоилась о будущем, ее волновало счастье не только Летти, но и Максимуса Керби.

Она хотела, чтобы он был счастлив.

Она подумала, что он заслуживает семейного счастья. Как это, должно быть, тяжело для мужчины, несущего такое бремя ответственности, не находить отрады и покоя в своем доме.

Дорина взглянула на звезды и внезапно подумала, как замечательно было бы оказаться на месте Летти и знать, что скоро ты станешь женой самого привлекательного мужчины на свете.

Если бы ее ждало такое будущее, она сейчас, в эту самую минуту, обращала бы к нему свои мысли, веря, что они долетят до него через все моря и океаны, которые пролегали между ними.

Душой она была бы рядом с ним, хотя их разделяли долгие мили пути.

В своих мечтах она разговаривала с Максиму́сом Керби, слышала его голос. Увлекаемая своим воображением, она представила, как он сжимает ее в объятиях! И, испугавшись этой мысли, она внезапно вернулась к действительности.

«Как только это могло прийти мне в голову»? — спросила она себя.

Но тут же с грустной улыбкой решила, что мечты не могут никому повредить.

Она вовсе не предавала Летти, потому что в конце концов какое имеет значение, думает ли она о Максиму́се Керби или мечтает о нем.

Он не узнает об этом, а когда она вернется в Англию, все, что у нее останется, — это мечты.

«Мне очень посчастливилось», — сказала себе Дорина.

Она не могла сдержать нараставшее волнение и трепет восторга оттого, что скоро окажется рядом с ним.

Мысли о нем преследовали ее с того момента, как она увидела его выходящим из фаэтона, в котором отец привез его в Олдеберн-парк.

— Я так хочу снова увидеть его! — прошептала она.

И внезапно она почувствовала, как эти слова на крыльях понесли через океан навстречу Максимуму, туда, в неведомую даль, где он ждал Летти, свою будущую жену.

На следующее утро Дорина поднялась очень рано, чтобы, как обычно, прогуляться по палубе.

На корабле никогда не бывало тихо. Помимо шума парового двигателя и скрипа мачт, на палубе были слышны отрывистые команды и быстрые шаги матросов. Часто оттуда, где размещались пассажиры четвертого класса, доносилась музыка, а теперь, когда стало так жарко, многие из них спали ночью прямо на палубе.

Дорина с удовольствием прислушивалась к этим звукам. Они напоминали птичий гомон, который будил ее по утрам в Олдеберн-парке.

Умывшись, она быстро оделась, желая скорее выйти на палубу. По непонятной ей самой причине она чувствовала прилив сил и радостное возбуждение.

Она надела самое легкое из своих платьев, сшитое из серого муслина. Белый воротничок и манжеты придавали ему строгий, почти монашеский вид.

Утро стояло такое теплое, что не было нужды накидывать плащ или шаль, как прежде.

Температура воздуха уже почти достигла той, что отмечалась накануне днем, и Дорина знала, что когда поднимется солнце, жара усилится, и Летти, да и многие другие пассажиры примутся стонать и жаловаться.

Дорина застегнула платье и присела у туалетного столика, чтобы привести в порядок волосы. Они всегда были очень тонкими и прямыми, и, давно отказавшись от попыток как-то улучшить их внешний вид, Дорина просто зачесывала их назад и собирала в гладкий пучок на затылке.

Не было смысла пытаться сделать модную прическу, как у Летти, у которой была пушистая вьющаяся челка и длинные волнистые волосы, которые она носила уложенными высоко на голове в виде короны.

Что только не пыталась предпринимать Дорина, чтобы заставить свои волосы виться хоть самую малость, но все было напрасно!

Когда она была маленькой, ее няня на ночь закручивала у нее на голове множество папильоток. Это было ужасно неудобно, но со временем Дорина приучилась спать с ними, хотя и они не давали желаемого результата.

Через несколько минут после того, она выходила на открытый воздух, ее закрученные волосы повисали прямыми безжизненными прядями, и с ними ничего нельзя было поделать.

— У меня всегда были роскошные волосы, — недовольно говорила графиня, — и у твоего отца такая густая и блестящая шевелюра. Не могу понять, в кого ты уродилась!

Дорине нечего было на это ответить, и со временем она оставила все попытки сделать что-нибудь со своими волосами, следя лишь за тем, чтобы они были аккуратно зачесаны и заколоты.

Она взяла щетку и принялась торопливо причесываться, стремясь скорее оказаться на свежем воздухе. Обеими руками она скрутила в жгут длинные волосы уложила их в тугий узел низко на затылке, аккуратно закрепив шпильками.

Затем, уже приподнимаясь со стула, она рассеянно взглянула в зеркало, чтобы убедиться, что все в порядке, и внезапно замерла.

Она зажмурилась, потом снова открыла глаза и уставилась на свое отражение.

Это не могло быть правдой! Должно быть, что-то случилось с зеркалом!

Она схватила носовой платок, лежавший на туалетном столике, и протерла стекло. Затем снова принялась разглядывать себя.

Она решила, что либо сошла с ума, либо бредит. Из зеркала на нее смотрело чужое, незнакомое лицо. Кто это мог быть? Кто эта девушка с испуганными глазами на нежном округлом лице с чистой, безупречной кожей?

У незнакомки был гладкий лоб без единого пятнышка, маленький прямой носик и серо-зеленые глаза, которые были так широко

раскрыты от изумления, что казались слишком огромными для ее лица. Ее прелестно очерченные нежные губы слегка дрожали.

Издав невнятное восклицание, Дорина поспешно закатала рукава платья. Затем она уставилась на свои руки. Кожа была белой и чистой. Красные, безобразно шелушащиеся пятна, знакомые ей всю жизнь, отсутствовали!

Они исчезли!

Она подняла юбки и сняла чулки. Ее ноги тоже были почти совсем чистыми. Осталось лишь несколько небольших отметин в местах, которые она нещадно расчесывала, потому что зуд был нестерпим.

— Этого не может быть, — прошептала она.

Натянув чулки, она выбежала из каюты и помчалась по коридору к приемной доктора.

Она постучала в дверь. Не дождавсь ответа, постучала снова.

Она знала, что каюта доктора соединяется с приемной, и через какое-то время услышала его шаги. Дверь открылась.

Доктор был в одной рубашке; по все видимости, она застала его за бритьем, так как одна щека у него была в мыле.

— Что случилось, мисс Хайд? Леди Летиция?..

— Вы нужны мне, доктор! — запыхавшись, выпалила Дорина. — Взгляните... взгляните на мое лицо! Что случилось? Я ничего не могу понять!

Поскольку она стояла в темном коридоре, доктор не мог как следует рассмотреть ее. Он шире распахнул дверь, и она шагнула в приемную.

Он взглянул в ее огромные, перепуганные глаза и улыбнулся.

— Вы получили дозу самого лучшего лекарства от экземы, которое не смог бы вам дать ни один доктор, мисс Хайд.

— Я... не понимаю... — пробормотала Дорина.

— Воздух, моя дорогая, — пояснил он. — Влажный, горячий воздух может творить чудеса, в чем вы сами теперь убедились.

— Я не могу в это поверить! — воскликнула Дорина, и голос ее зазвенел от слез. — Это правда? Действительно правда? Все... прошло?

— Взгляните сами, — ответил доктор Джонсон. — Я встречался с подобными случаями, но ни разу не видел столь быстрого исцеления.

— Так, значит, действительно все прошло! — вскричала Дорина.

Она подошла к небольшому зеркалу, висевшему на стене.

— Это правда, — прошептала она, — мое лицо совсем чистое, а руки...

Ее голос прервался, по щекам заструились слезы.

— Я надеюсь, это слезы счастья, — проговорил доктор Джонсон. — Я не хотел раньше упоминать об этом, но как долго вы болели?

— С раннего... детства.

— Ну что ж, значит, теперь вы начнете новую жизнь, — сказал доктор. — Сядьте, мисс Хайд. Стюард только что принес мне кофе. Я налью вам чашечку. Подобные вещи зачастую могут вызвать шок.

— Со мной... все в порядке, — пробормотала Дорина.

В то же время она почувствовала слабость и с благодарностью опустила жесткий стул.

Доктор направился в свою каюту за подносом с кофе, затем достал из шкафа еще одну чашку.

Пока Дорина мелкими глотками пила кофе, доктор внимательно разглядывал ее.

— Это самый удивительный случай, когда-либо виденный мною, — признался он. — Как правило, требуется несколько дней, чтобы кожа окончательно очистилась.

— Я очень долго простояла вчера ночью на палубе, — сказала Дорина.

— Вероятно, все дело в этом, — согласился доктор. — Итак, позвольте мне сказать вам, мисс Хайд, что теперь вы очень привлекательная молодая женщина. Это открывает перед вами много возможностей, не правда ли?

Дорина смотрела на него, широко открыв глаза.

— Теперь у вас не будет причин есть у себя в каюте, — улыбаясь, продолжал доктор. — Вы обнаружите, что людям нравится смотреть на вас, и это не будет вас смущать.

Дорина с трудом перевела дыхание.

— Я не могу поверить в это! — сказала она, глядя на свои руки. — Неужели это прошло совсем?

В ее голос неожиданно прозвучал страх.

— Трудно сказать, — ответил доктор Джонсон. — У одних пациентов, когда они снова оказываются в холодном, сухом климате,

случаются рецидивы. Для других исцеление бывает окончательным. Это вам предстоит выяснить со временем.

— А если... экзема возвратится? — спросила Дорина.

Доктор улыбнулся.

— В таком случае вам придется остаться жить в этой части света, — сказал он, — и я готов поспорить, что найдется немало мужчин, которые с радостью предложат вам это!

Дорина поставила чашку на стол.

— Спасибо вам за вашу доброту и внимание.

— Я и сам подумывал, что может случиться что-нибудь в этом роде, — сказал доктор, — но я ничего не говорил вам, чтобы не волновать понапрасну. Ведь экзема — это одно из самых непредсказуемых заболеваний, относительно которого трудно делать какие-либо прогнозы.

— Значит, в моем случае лекарство найдено, — еле слышно прошептала Дорина.

— Я хочу дать вам еще один совет, — продолжал доктор. — Ежедневно принимайте внутрь по несколько чайных ложек оливкового масла и втирайте немного масла в кожу головы перед мытьем. Вы увидите, как изменятся ваши волосы.

— Спасибо, — сказала Дорина с сияющими глазами, — спасибо вам за все! Я так счастлива! Я не могу поверить, что это правда! Я боюсь смотреть в зеркало!

— Как раз это вам необходимо сделать, — заявил доктор. — Сядьте напротив зеркала и познакомьтесь с новой мисс Хайд — она может удивить вас!

Дорина застенчиво улыбнулась ему, а затем поспешила к себе в каюту.

Она закрыла за собой дверь и с волнением села за туалетный столик.

Это было правдой!

У девушки в зеркале была чистая кожа. Чистая и очень белая.

Дорина знала, что участки кожи, не обезображенные экземой, были у нее необычно белыми.

Один из врачей, которым показывала ее мать, сказал ей, что люди, страдающие экземой, отличаются исключительно нежной кожей. Она

становится бледной и изумительно красивой в те периоды, когда болезнь ненадолго отступает.

Дорина обнаружила, что больше всего у нее изменились глаза. Она догадалась, что из-за насморка, который, по всей видимости, был одним из проявлений ее болезни, веки у нее распухали, отчего глаза казались меньше, чем они были на самом деле.

Она внимательно посмотрела на свой нежный, округлый подбородок, на прелестный овал лица.

Слезы снова хлынули у нее из глаз, и она прошептала:

— Господи, благодарю тебя... благодарю!

Летти и сестра Тереза, сидевшие за завтраком, пришли в восторг при виде Дорины, когда она зашла к ним чуть позже.

— Ой, Дорина, какая ты хорошенькая! — воскликнула Летти.

А сестра Тереза сказала:

— Бог благословил вас, моя дорогая, и я не могу выразить, как я счастлива!

Все утро Дорина каждые пять минут подбегала к зеркалу, чтобы убедиться, что экзема прошла окончательно, и каждый раз ее отражение казалось ей все более привлекательным.

Она рассказала сестре Терезе, что посоветовал ей доктор относительно ее волос.

— Он прав, — подтвердила сестра. — Малайцы всегда так делают, и в результате у них пышные, вьющиеся волосы, а китайцы мажут волосы маслом, чтобы придать им блеск.

— Боюсь, что жирные прямые пряди меня не очень украсят, — рассмеялась Дорина.

— Втирайте масло кончиками пальцев лишь в самые корни, — предложила сестра Тереза. — Это именно та часть, которая была поражена экземой. Теперь, когда вы выздоровели, ваши волосы станут гуще и пышнее.

Дорина последовала этому совету и через несколько дней стала замечать, что ее волосы словно ожили. Впервые за много лет ей удалось уложить их волнами.

Она была слишком стеснительна, чтобы принять предложение доктора и начать есть вместе со всеми в столовой. Но она перестала

шарахаться от других пассажиров, которые при встрече здоровались с ней.

Она даже не заметила, как это случилось, но вскоре люди стали останавливаться и заговаривать с ней.

Сначала она думала, что обязана этим любопытству, которое окружающие испытывали в отношении Летти, но обнаружила, что это вовсе не так, и новые знакомые охотно беседовали с ней на совершенно другие темы.

Дамы стали приглашать ее на чашечку чая, и она с удовольствием принимала эти приглашения.

В то же время она чувствовала себя немного виноватой оттого, что оставляла Летти одну.

— Вставай, Летти, давай выйдем на палубу, — уговаривала она сестру. — Ты прогуляешься, помотришь, как прыгают и резвятся дельфины.

— Слишком жарко, — жаловалась Летти.

В конце концов Дорине и сестре Терезе сообща удалось уговорить ее встать, одеться и дойти до палубы, где она тут же улеглась в стоявшее в тени под навесом кресло, обложившись подушками.

При виде Летти всех собравшихся на палубе охватило любопытство.

Они ходили мимо нее взад-вперед, и вскоре те, кто уже был знаком с Дориной, стали останавливаться рядом с ними, чтобы перекинуться словом.

Дорина представила Летти некоторых из пассажиров. Поскольку в основном это были пожилые люди, Летти вела себя с ними очень мило.

— Я слышал, ваша подопечная очаровала всех и вся, — сказал вечером доктор Джонсон Дорине.

— Леди Летиция чувствует себя намного лучше, — ответила Дорина. — Теперь основная наша задача — полностью восстановить ее силы к тому моменту, когда мы прибудем в Малайю.

— Эконом предупредил вас, что Максимум Керби будет встречать вас там? — спросил доктор.

— Я слышала, что в Малакке мы пересядем с корабля на яхту мистера Керби, которая и доставит нас в Сингапур, — ответила Дорина.

— Вас ждет поистине триумфальное шествие! — улыбнулся доктор. — А когда вы войдете в порт, там устроят что-то вроде парада лорда-мэра (*Парад лорда-мэра лондонского Сити — пышная процессия в день его вступления в должность, проходит ежегодно во вторую субботу ноября.*) .

— О, нет! — в ужасе воскликнула Дорина.

— Уж вы мне поверьте, — сказал доктор. — Чего еще вы ждали от Керби? Он большой любитель пышных церемоний, и уверяю вас, его свадьба затмит даже коронацию!

— Откуда вы это знаете? — спросила Дорина.

— Я хорошо знаком с Максом, — ответил доктор. — Он никогда ничего не делает тихо. Запомните мои слова, это будет самое блистательное зрелище, какое когда-либо видел Сингапур. Мне так жаль, что я не смогу на нем присутствовать!

У Дорины сжалось сердце.

Если это правда, что скажет Летти?

Она так разволновалась, что решила поделиться с сестрой Терезой.

— Доктор твердо уверен, что мистер Керби непременно устроит грандиозные торжества по поводу своей свадьбы, — сказала она.

— Я очень удивлюсь, если это будет не так, — улыбнулась сестра Тереза. — Это то, чего ждут от него его китайские друзья, не говоря уже об остальной колонии.

— Но Летти... — начала было Дорина, но тут же поняла, что ей нет нужды продолжать.

Улыбка исчезла с лица сестры Терезы.

— Я знаю, — сказала она. — Но я думаю, ей будет интересно, если заранее объяснить ей, чего ожидать. Я уверена, что именно неожиданности больше всего выбивают ее из колеи.

— Вы правы, — согласилась Дорина.

Она вспомнила, каким это было для Летти шоком, когда ее так внезапно поцеловали на балу, или когда отец без всякой подготовки заявил ей, что через несколько недель она отплывает в Сингапур.

К тому же ее вывели из состояния равновесия прощание с родителями и морская болезнь.

— Помогите мне, сестра Тереза, — порывисто вскричала Дорина. — Оставайтесь с Летти до свадьбы! После этого я вернусь

домой, и ей придется справляться самой со своими проблемами. Но до тех пор, пожалуйста, останьтесь с нами! Я уверена, что мистер Керби не будет возражать!

— Мы давние друзья с Максимусом Керби, — ответила сестра Тереза. — Он не раз оказывал мне неоценимую помощь. Он поддержал меня, когда я собиралась основать миссионерскую школу для китайских девочек, в то время как все остальные были убеждены, что эта затея обречена на провал.

— Тогда, пожалуйста, останьтесь, не только ради леди Летиции, но также и ради него, — настаивала Дорина.

Сестра Тереза улыбнулась.

— Мне кажется, вы вот-вот скажете, что это мой долг.

— Несомненно! — твердо заявила Дорина. — Я уверена в этом!

День за днем Дорина пыталась объяснить Летти, как важно, чтобы в будущем она помогала своему мужу в его усилиях превратить Сингапур в большой, процветающий портовый город.

— Это имеет огромное значение для всего мира, Летти, — убеждала ее Дорина. — А как замечательно знать, что ты можешь принести пользу в таком важном деле! Возможно, в один прекрасный день тебе даже поставят памятник, как сэру Томасу Рафлзу.

— Мою статую? — спросила Летти, и в ее прекрасных глазах мелькнул интерес.

— Да, большую, белую статую, — подтвердила Дорина, — и, может быть, они изобразят тебя держащей в руке маленького попугайчика.

— Мне очень хотелось бы этого, — сказала Летти. — Сестра Тереза говорила мне, что в Сингапуре я увижу много красивых птичек!

— Ты увидишь там крохотных ракш и пегих зимородков, ярко окрашенных трогонов и больших аистов, сидящих на крышах, — принялась рассказывать Дорина. — Я читала о них в книге.

— Столько прелестных птичек! — воскликнула Летти.

— Представь: ты сидишь среди цветов в своем собственном саду, — продолжала Дорина, — а с деревьев доносится птичий гомон. Ты будешь кормить пестрых какаду, а может быть, даже сможешь завести у себя райских птиц.

Летти захлопала в ладоши. Увидев, что она заинтересовалась, Дорина принесла из своей каюты несколько книг и, пока они сидели в тени на палубе, читала ей о птицах Малайи.

— Я уверена, что все будет в порядке, — сказала она сестре Терезе, когда им осталось всего несколько дней пути.

— Я молюсь за леди Легацию, — ответила сестра Тереза. — Она самая красивая девушка, которую я когда-либо встречала.

Дорина чувствовала, что сестра Тереза, так же как и она сама, пыталась выказать оптимизм, которого на самом деле не было, но даже друг другу они не осмелились бы признаться в своих сомнениях.

Корабль сделал остановку в Пенанге, где они распрощались с леди Энсон.

Ее встречал муж, генерал-майор сэр Арчибалд Энсон, ветеран крымской войны, который, как было известно Дорине, прекрасно зарекомендовал себя на посту губернатора и пользовался всеобщей любовью.

После Пенанга их путь продолжался вдоль береговой линии, и Дорина смогла составить первое впечатление о Малайе.

Она видела вдали огромные вулканы, покрытые пышной зеленью, спускающейся к самому подножию. Когда они подходили ближе к берегу, она могла рассмотреть странные дома, которые малайцы строили на деревьях.

— Они делают это, чтобы спрятаться от жары, — пояснил ей доктор Джонсон. — И они настолько практичны, что по возможности выбирают с этой целью фруктовые деревья, которые дают им не только тень, но и пищу!

В первый раз увидев работающих среди деревьев женщин в огромных шляпах, Дорина не смогла сдержать радостного восклицания.

— Это очень разумный и практичный народ, — рассказывал ей доктор Джонсон. — Китайцы ничего не делают просто так, без достаточных на то оснований.

Больше всего Дорину поразило огромное количество детей, которых она видела в этой сравнительно малонаселенной части страны.

Среди них встречались малайские мальчишки, купающиеся в море или сидящие на спинах буйволов, китайские ребятишки, работавшие вместе со взрослыми на своих огородах.

— Для местных жителей, независимо от их национальности, не иметь детей — это самое большое горе, — объяснил доктор. — Уровень рождаемости здесь необычайно высок, и дети составляют сорок пять процентов всего населения, что намного больше, чем у нас в Англии.

— Они прелестны, — заметила Дорина, глядя на блестящие коричневые фигурки, пышные черные волосы и огромные любопытные глаза.

— Однако, по моему мнению, нет ничего прелестнее, чем китайские ребятишки, — сказал доктор. — Непременно попросите сестру Терезу показать вам миссионерскую школу, прежде чем она уедет.

— Она рассказывала мне о ней, — ответила Дорина.

— Эта женщина просто святая, и это не пустые слова, — продолжал доктор. — Она, как тигрица, сражается за своих питомцев, но в то же время сама готова выносить любые неудобства и лишения.

— Я очень благодарна вам за то, что вы познакомили нас с ней, — сказала Дорина, — и за помощь, которую вы оказали леди Летиции.

— Завтра увидим, насколько эта помощь была эффективна, — сухо ответил доктор.

У Дорины замерло сердце, когда она вспомнила, что завтра они прибудут в Малакку.

Максимус Керби будет ждать их, и в первый раз у нее нет причины бояться встречи с ним. Ей не нужно будет прятаться, не нужно будет тайком наблюдать за ним.

Она выглядит теперь, как нормальная молодая женщина, и она сможет встретиться с ним на равных.

«Хотя вовсе не проблема равенства между нами волнует меня больше всего», — вынуждена была честно признаться себе Дорина.

Глава 4

Так же как и сам капитан, Дорина полагала, что Максимус Керби будет ждать их у причала в Малакке, но когда они на всех парах вошли в Малаккский пролив, поразительное зрелище открылось им. Они увидели странный и прекрасный корабль с розовыми парусами.

Это была яхта, но так необычно украшенная, что Дорина чуть не усомнилась, не было ли это плывущее навстречу судно всего лишь игрой ее воображения.

— Это «Морской дракон», — услышала она за спиной голос доктора.

Дорина повернулась к нему, и он пояснил, подтверждая ее догадку:

— Судно принадлежит Максимусу Керби. Это его паровая яхта.

Трудно было поверить, что это обычный корабль.

Мачты были убраны гирляндами флажков, а ярко-розовые паруса украшены эмблемой, на которой красовалось сердце с порхающими над ним двумя пухлыми купидонами.

Сам корабль больше походил на цветник. Специальные надстройки, полностью скрывавшие трубу, застилал живой ковер из ярких цветов всех сортов и оттенков — даров Малайи.

Цветочные гирлянды свисали также с бортов, поручни были увиты лианами, осыпанными малиновыми бутонами. Эти вьющиеся растения делают джунгли непроходимыми.

На палубе возвышались огромные цветочные помосты, на которых покоились большие золоченые клетки с птицами.

— Летти, взгляни скорее, какие птички! — воскликнула Дорина.

Даже с большого расстояния она могла разглядеть пестрые хохолки длиннохвостых попугаев и какаду.

— Такие же попугайчики, как у меня! — пришла в восторг Летти, и Дорина поняла, что трудно было доставить ей большее удовольствие.

Было очень характерно для Максимуса Керби (судя по тому, что слышала о нем Дорина) запомнить, как Летти обрадовалась попугайчикам, которых он подарил ей в Англии. Теперь в честь ее прибытия он многократно повторил свой первый подарок.

Дорине предстояло узнать через несколько минут, что он помнил все, что доставляло удовольствие Летти, даже лучше, чем она предполагала.

«Морской дракон» торжественно пошел впереди «Осаки», ведя ее за собой в гавань.

Она была невелика, и поскольку у самого берега было слишком мелко для больших кораблей, длинный причал выдавался далеко в море.

Яхта подошла к южной стороне причала, а «Осака» — к северной. Они пристали почти напротив друг друга, и пассажиры «Осаки» могли легко разглядеть цветы, порхающих птиц в золоченых клетках и ярко-розовые паруса, которые слегка обвисли, не наполняемые больше ветром.

— Я говорил вам, что он необычный человек, — сказал стоявший рядом с Дориной доктор Джонсон.

— Как умно с его стороны придумать все это, — ответила она.

— Что ж, Керби умен, очень умен, — подтвердил доктор.

Во всяком случае во всем, что касалось Летти, этого нельзя было отрицать.

Стоя на палубе «Осаки», она казалась неправдоподобно красивой.

Последнюю неделю она чувствовала себя намного лучше во всех отношениях, и Дорина даже начала думать, что молитвы сестры Терезы и ее собственные наставления наконец-то начинают приносить плоды.

В первый же день знакомства покорила всех пассажиров (как считал доктор), Летти продолжала так мило вести себя с окружающими, что все только и говорили о том, какая из нее получится прекрасная жена для Максимуса Керби.

Теперь же, в одном из своих самых прелестных платьев из розового крепа, она показалась бы идеалом любому мужчине.

Платье в соответствии с модой обтягивало ее стройную девичью фигурку, а от колен пышными сборками падало до самого пола, образуя сзади небольшой шлейф. Спереди оно было украшено крохотными бирюзовыми атласными бантиками, и тем же бирюзовым атласом была отделана маленькая соломенная шляпка, венчавшая копну золотых волос.

В руке Летти держала миниатюрный зонтик, по моде, введенной королевой; это было элегантно сооружение из розовых и бирюзовых оборочек.

Сначала Керби не было видно на яхте, но когда «Морской дракон» наконец причалил, Дорина увидела, как он поднялся на палубу.

Великолепно сшитый белый костюм выгодно подчеркивал его широкоплечую стройную фигуру, но Дорина не заметила этого, не в силах отвести глаз от его незабываемого лица.

Он был более загорелым, чем в Англии, и оттого его темно-синие глаза казались еще ярче.

Дорина подумала, что ни одна женщина, глядя на него, не обратила бы внимания на что-либо, кроме его дерзкой улыбки и торжествующего выражения на лице — в точности, как у пирата, который только что захватил ценную добычу!

Толпа, собравшаяся на пристани, приветственно махала пассажирам «Осаки», которая стала на якорь.

Когда был спущен трап, Дорина увидела стоящий внизу очень необычный почетный караул.

Он состоял из малайских и китайских ребятишек, одетых в национальные костюмы.

На малайских мальчиках поверх саронга были надеты красные хлопчатобумажные куртки, доходившие до колен. Они были введены в употребление португальцами еще в шестнадцатом столетии, и до сих пор все малайцы носили их.

Китайские мальчуганы были в черных брюках, ярко расшитых куртках и больших конусообразных шляпах, из-под которых выглядывали длинные косички.

Каждый из детей держал в руках маленькую, сплетенную из прутьев клетку, в которой сидел длиннохвостый попугайчик.

Наконец закрепили трап, Керби сошел с «Морского дракона» и, пройдя сквозь возбужденно гомонящую толпу, медленно приблизился к «Осаке».

Его сопровождали двое ребятишек, малаец и китаец; каждый из них держал в руке птичью клетку с ее пестрым обитателем.

Когда Керби поднялся на палубу «Осаки», Дорина, охваченная волнением, наконец увидела его совсем близко — высокого, статного и очень привлекательного.

С непокрытой головой он подошел к Летти и, взяв ее обтянутую перчаткой ручку, поднес ее к своим губам.

— Мне кажется, я целую вечность ждал этого момента, когда смогу приветствовать вас на малайской земле.

У него был низкий, глубокий голос.

Летти мило улыбнулась ему, и Дорина с облегчением подумала, что, по крайней мере, в данный момент сестра не испытывает страха перед своим будущим мужем.

Максимус Керби повернулся к Дорине.

— А вы, должно быть, мисс Хайд, — сказал он. — В телеграмме граф сообщил мне, что вы любезно согласились сопровождать леди Летицию.

Дорина присела в реверансе.

Ей трудно было взглянуть в глаза Максимусу, и ее опущенные ресницы казались совсем темными на фоне белоснежной кожи.

Увидев сестру Терезу, Максимус протянул ей обе руки.

— Мой самый любимый и почитаемый миссионер! — воскликнул он. — Все еще пытаетесь спасти души «охотников за головами», вместо того чтобы заняться моей?

— Я давно отказалась от этой неблагодарной работы, — рассмеялась сестра Тереза.

— Не могу даже выразить вам, как добра была к нам сестра Тереза, — вмешалась Дорина. — Она выхаживала леди Летицию, когда та страдала от морской болезни, и я надеюсь, что, с вашего позволения, она не покинет нас до тех пор, пока мы не прибудем в Сингапур.

— Вы хотите совершить с нами плавание на «Морском драконе»? — спросил Максимус. — Ничто не может доставить мне большего удовольствия!

— Благодарю вас, — промолвила сестра Тереза. :

— Вы не должны меня благодарить, — ответил Максимус. — Все, чем я владею, — ваше!

Это было традиционное восточное обращение хозяина к гостю, но сестра Тереза лукаво сказала:

— Будьте осторожны! Я могу поймать вас на слове!

— Я уверен, что вас мне не нужно опасаться, — улыбнулся Максимус Керби.

Он протянул руку доктору Джонсону, который сказал:

— Мисс Хайд уже говорила вам, как мы все признательны сестре Терезе. Нас здорово потрепало в Бискайском заливе.

— Я подозреваю, что в благодарность мне придется оказывать всевозможную помощь «охотникам за головами», которых надлежит оберегать и охранять любой ценой, чтобы они и впредь могли продолжать заниматься своим гнусным ремеслом! — с притворным ужасом воскликнул Максимус.

Раздался взрыв хохота, но Дорина заметила, что в то время, как все присутствующие столпились вокруг Максимуса, Летти продолжала стоять рядом с детьми, которые подарили ей птичек.

Ребятишки были совсем еще маленькие и такие милые, что Дорине был понятен ее интерес. В то же время ей хотелось бы, чтобы Летти уделила больше внимания своему будущему мужу.

Как раз в этот момент, словно только что заметив, что Летти не присоединилась к их группе, Максимус направился к ней.

— Если вы готовы, — сказал он, — может быть, мы пройдем на мою яхту? Я горю нетерпением показать вам птиц, которые у меня там есть. Я думаю, они вам понравятся.

— Я обожаю птиц! — воскликнула Летти. — Можно, я оставлю у себя всех тех, которых принесли эти дети?

— Уверю вас, на борту «Морского дракона» вы и так найдете предостаточно птиц, — ответил Максимус. — Так же как и в саду возле нашего нового дома.

Он предложил ей руку, и она рассеянно оперлась на нее, не сводя глаз с длиннохвостых попугайчиков, сидящих в маленьких клетках, которые держали дети.

Дорина и сестра Тереза попрощались с капитаном, доктором Джонсоном и другими пассажирами.

— Не волнуйтесь, — сказал доктор Джонсон, беря Дорину за руку. — Я уверен, что все будет замечательно. Старайтесь лишь поддерживать ее в спокойном расположении духа, и главное — никаких неожиданностей!

— Я никогда не смогу отблагодарить вас за все, что вы для нас сделали! — сказала Дорина.

— И помните, вам не мешает немного развлечься! — продолжал он. — Если последуете моему совету и решите остаться в этих краях,

обещаю быть у вас частым гостем!

Дорина улыбнулась, и доктор заметил, что на щеке у нее появилась ямочка. Она процитировала:

— А что, если «Никто меня не пригласил, она произнесла»?

— Этого никогда не случится! — с уверенностью предсказал доктор.

Спohватившись, что Летти, возможно, нужна ее помощь, Дорина сбежала по трапу и поспешила за Максимусом и Летти, поднимавшимися на борт яхты.

Они сразу же направились осматривать огромные золотые клетки.

Никогда прежде Дорина не видела такого огромного количества великолепных экзотических птиц с разноцветными хохолками на головках.

Едва только нога Летти коснулась палубы, как заиграл оркестр. Музыканты играли на местных национальных инструментах, но музыку исполняли европейскую.

Дорину это удивило, и она обратилась за разъяснением к сестре Терезе.

— Вам не понравилась бы китайская или малайская музыка, — ответила та, — хотя малайцы — неплохие музыканты и импровизаторы.

— Почему же тогда мне не понравилась бы их музыка? — спросила Дорина.

— Во-первых, в ней трудно проследить какую-либо мелодию, — пояснила сестра Тереза. — Они просто скользят зажатым между пальцами кусочком железа вверх-вниз по струнам, что порождает самые необычайные звуки.

Она рассмеялась.

— Играющий может облюбовать какую-нибудь струну и часами извлекать из нее одну и ту же ноту.

— Это звучит довольно неинтересно, — призналась Дорина. — В то же время они прекрасно исполняют европейскую музыку.

— Благодаря своим соседям-португальцам они освоили скрипку, — сказала сестра Тереза, — и теперь используют ее наравне с тамтамами и другими местными инструментами. Самый распространенный из них по звуку напоминает волынку.

Очевидно, Максимус настоял, чтобы оркестр, играющий на борту «Морского дракона», ограничился исполнением вальсов и мелодий из самых популярных в Лондоне опер.

Летти, казалось, не слышала музыки. Она была поглощена созерцанием птиц в золотых клетках.

Максимус стоял рядом с ней, и, глядя на них, Дорина подумала, что трудно найти более красивую пару.

Она была уверена, что все оставшиеся на «Осаке» говорят то же самое. Когда «Морской дракон» отошел от причала, палубы парохода были заполнены пассажирами, приветливо машущими им вслед.

Дорина и сестра Тереза помахали им в ответ, но Летти была, по-видимому, слишком поглощена птицами, а Максимус — ею, чтобы замечать происходящее вокруг.

Было раннее утро, и поскольку солнце еще не палило так, как днем, они на некоторое время задержались на палубе.

Позже они спустились в большой, уютный салон, который, казалось, занимал весь центр яхты. Похожие на паруса опахала ритмично покачивались, вызывая движение воздуха и создавая иллюзию прохлады.

Несмотря на то, что они позавтракали на «Осаке», все снова с удовольствием сели за стол.

Им подавали разнообразные фрукты, охлажденные коктейли из фруктовых соков, всевозможные сладости, основными компонентами которых были орехи и мед.

Максимус пожелал узнать подробности их путешествия, и пока сестра Тереза рассказывала о шторме, разыгравшемся сразу же, как только они вышли из Тильбери, Дорина с тревогой наблюдала за Летти.

Теперь, вдали от птичек, она казалась уже не столь оживленной, как в тот момент, когда Керби впервые ступил на борт «Осаки».

Дорина наклонилась к ней и спросила:

— Тебе понравились эти прелестные ребятишки?

— Сестра Тереза рассказывала мне о китайских детях, — ответила Летти. — Когда мы прибудем в Сингапур, я собираюсь отправиться посмотреть на них. Они похожи на кукол.

— Ты права, — согласилась Дорина. — Они действительно напоминают миниатюрных кукол.

Она с радостью подумала, что у Летти появился новый интерес.

Когда с трапезой было покончено, Дорина предложила подняться на палубу, чтобы посмотреть на детей, играющих на берегу.

Она видела множество детей накануне, и ее уверенность, что и сегодня им повстречается немало малышей, за которыми Летти могла бы наблюдать, оправдалась.

«Морской дракон» мог подойти гораздо ближе к берегу, чем «Осака», и теперь они с любопытством рассматривали прибрежные джунгли, спускавшиеся прямо к воде.

На берегу росли манго, казуарины, бамбук и пальмы всевозможных видов.

— Я никогда не подозревала, что пальмы могут достигать такой высоты, — заметила Дорина сестре Терезе, не рассчитывая, что Максимус услышит ее слова.

— Существует более ста пятидесяти видов пальм, — вмешался он, — но в этих местах вы можете увидеть лишь некоторые из них, такие как кокосовые, саговые, сахарные пальмы или арека.

— Мне они все кажутся совершенно одинаковыми, — сказала Дорина.

— Со временем вы научитесь различать их, — ответил он. — Малайя славится самым большим разнообразием деревьев на земле.

— И, судя по восхитительным украшениям вашей яхты, — улыбнулась Дорина, — самым большим разнообразием цветов.

— Особенно орхидей, — подтвердил он. — Здесь растет великое множество орхидей, одна красивее другой.

— Леди Летиция очень любит птиц, — сказала сестра Тереза, — а я, должна признаться, отдаю предпочтение животным.

— Ну уж наверняка не тиграм! — воскликнул Максимус. — Или в вашем сердце и для них нашелся уголок?

— Только не для тигров-людоедов, — согласилась сестра Тереза. — Их слишком много развелось в последнее время, как вам хорошо известно.

— Я прилагаю все усилия, чтобы контролировать их численность, — сказал Максимус Керби.

— Вы их отстреливаете? — поинтересовалась Дорина.

Сестра Тереза расхохоталась.

— Да вы же имеете честь беседовать с самым метким стрелком Малайи, — воскликнула она. — Если бы он захотел, он мог бы увешать все стены своего дома шкурами убитых им тигров.

— Когда я впервые попал в эти края, тигры были настоящим бедствием, — сказал Максимус. — Не проходило и дня, чтобы тигр не задрал кого-нибудь или не стащил ребенка из деревни.

— Это звучит устрашающе, — согласилась Дорина. — В то же время тигр такое красивое животное, и будет жаль, если их полностью истребят.

— Ну, это нам не грозит еще много лет, — ответил Максимус. — Сестра Тереза подтвердит вам, что зачастую плантаторы не могут нанять работников в тех местах, где тигры особенно свирепствуют.

— Мистер Керби говорит сущую правду, — сказала сестра Тереза. — Вот почему правительство назначило награду в сто пятьдесят долларов за каждого убитого тигра, доставленного в полицейский участок.

— Мне уже начинает казаться, что эта страна — слишком опасное место, — заметила Дорина.

— Со мной вы можете чувствовать себя в полной безопасности, — решительно заявил Максимус, и она подумала, что готова была бы довериться ему во всем.

Пока они плыли вдоль побережья, Дорина выслушала множество историй о леопардах, тапирах и виверрах, населявших здешние джунгли.

Во время их разговора Летти, устав смотреть на детей, плескавшихся в море или поспешно спускавшихся из своих домов на деревьях, чтобы помахать вслед яхте, отошла к одной из огромных птичьих клеток.

Дорина надеялась, что Максимус не заметит, как непросто Летти сосредоточиться на чем-то одном или в течение достаточно продолжительного времени принимать участие в общем разговоре.

Мысли Летти всегда были заняты тем, что ее увлекало в данный момент. Сейчас птицы полностью поглощали ее внимание, и она была неспособна говорить о чем-либо другом.

Сестра Тереза, словно почувствовав беспокойство Дорины, предложила Летти вымыть руки и привести себя в порядок перед

ленчем, который должны были подать в двенадцать часов.

Дорина и Максимус остались одни на палубе.

— Я вам очень признателен за то, что вы согласились сопровождать леди Летицию в этой поездке, — учтиво сказал он.

— Это самое захватывающее приключение в моей жизни! — ответила Дорина.

— Вы прежде никогда не путешествовали?

— Нет.

— И как вам это понравилось?

— Меня переполняет возбуждение и любопытство, — ответила Дорина. — Одно дело — читать о чем-то в книге, совсем другое — увидеть это собственными глазами.

— А вы читали о Малайе?

— Все, что только могла найти, — сказала Дорина. — К сожалению, о ней написано до обидного мало.

— Вы правы, — подтвердил он. — Может быть, вы, мисс Хайд, вернетесь домой и напишете книгу о Сингапуре!

— После такого непродолжительного визита? — усмехнулась Дорина. — Представляете, какой жестокой критике подвергнутся малейшие ошибки с моей стороны? Единственный человек, который мог бы со знанием дела написать о Сингапуре, — это вы, мистер Керби.

— Я уже подумывал об этом, — признался он, — но у меня нет времени.

— Это я могу поднять, — сказала Дорина. — Но безусловно, когда вы станете старше, вы сможете осуществить эту идею. Говорят, это самое подходящее занятие для тех, кто удалился от дел.

— Вы так скоро решили меня похоронить? — спросил он.

Она покачала головой.

— Вы не можете умереть в расцвете лет, потому что вы слишком нужны здесь сейчас.

— Иными словами, вы фаталистка и верите в то, что пока человек не выполнил своего предназначения, его не отпустят в иной, и если верить христианам, лучший мир?

— Вы очень точно сформулировали то, что я пыталась сказать, — улыбнулась Дорина.

Она подумала, как легко разговаривать с ним. Она не чувствовала смущения или скованности и только не могла заставить себя смотреть ему прямо в глаза.

Когда Керби гостил у них в Олдеберн-парке, она подолгу просиживала на галерее для музыкантов, и ей было известно, каким интересным собеседником он был.

Но она не подозревала, что он обладает редким чувством юмора, пока за ленчем он не заставил ее и сестру Терезу смеяться до слез над его рассказами о китайцах в Сингапуре, о напыщенности правительственных чиновников, об уловках китайских воришек.

— Их последняя выдумка заключается в том, — говорил он, — что они вплетают в косичку рыболовные крючки, и если кто-то пытается поймать их за нее, то обнаруживает, что это далеко не безболезненно!

Было совершенно очевидно, что Летти не слышала ни слова из того, о чём говорили за столом.

Словно исчерпав весь запас любезности в момент прощания с пассажирами «Осаки» и встречи с Максимусом Керби, она теперь впала в состояние тупого безразличия.

Как только ленч закончился, Дорина предложила всем отдохнуть, и сестра Тереза увела Летти в ее каюту.

— На корме натянут тент, — сказал Максимус Дорине. — Если вы своей каюте предпочтете удобное кресло, там вам будет намного прохладнее.

Он оказался прав.

Дул легкий бриз, тент закрывал от солнца всю корму, и было так восхитительно сидеть, вытянув ноги и положив под голову мягкую подушку, и наблюдать за плывущим мимо берегом.

Дорина была слишком возбуждена, чтобы заснуть, а спустя полчаса Максимус подошел к ней.

— Вы позволите присоединиться к вам? — спросил он.

— Конечно.

Он растянулся в плетеном кресле, больше похожем на маленькую походную кровать. Спинку легко было, по желанию, приподнять или опустить, а ноги удобно покоились на подставке, которая выдвигалась снизу из-под сиденья.

— Я надеюсь, мисс Хайд, — сказал Максимус, — что вы задержитесь в Сингапуре до нашей свадьбы. Я уверен, что леди Летиция захочет, чтобы вы участвовали в торжествах!

— Я ожидала, что вы пригласите меня.

— Планируется очень пышная церемония, и я уверен, что вы получите удовольствие.

— Вы мне расскажете немного об этом?

Если, как она и опасалась, все задумывалось с огромным размахом, единственное, что ей оставалось, — это попытаться заранее выяснить, какие намечаются мероприятия, чтобы успеть подготовить Летти.

— Леди Летиция направится к собору Святого Андрея в экипаже «виктория», который я специально купил для этого случая, — начал Максимус. — Он должен выглядеть очень внушительно с запряженными в него шестью белыми лошадьми с золотыми уздечками и пышными плюмажами. Верх экипажа будет поднят.

Дорина молчала, и через мгновение он продолжил:

— Обряд, разумеется, совершит епископ, а хор будет состоять по меньшей мере из ста певчих. Меня беспокоит лишь одно — чтобы собор вместил всех моих друзей.

Он улыбнулся.

— Вас должен заинтересовать этот собор, мисс Хайд. Это одно из самых величественных зданий в Сингапуре. Его строили каторжники.

— А что еще у вас задумано? — поинтересовалась Дорина.

— У меня приготовлено много сюрпризов, — ответил Максимус, — например, я уверен, леди Летиция получит удовольствие, когда, выйдя после церемонии из собора, она увидит пятьсот белых голубей, которых в эту минуту выпустят из башни.

— А возвращаться вы будете вместе в одном экипаже? — спросила Дорина.

— Да, но верх будет опущен и украшен лилиями. Мы поедем обратно через весь город, чтобы все могли полюбоваться красотой моей невесты. Вдоль дороги будут стоять дети с букетами и бросать их в карету, так что когда мы доберемся до дому, то будем утопать в цветах!

— А потом?

— Потом будет большой прием на открытом воздухе. Танцы, разнообразные увеселения, которые доставят гостям удовольствие помимо радости любоваться несравненной красотой моей жены.

Дорина вспомнила рассказ доктора о вечернике, которая продолжалась трое суток, и невольно вздохнула.

Она была уверена, что Летти не вынесет такой нагрузки.

— Я еще не продумал все детали, — продолжал Максимус, — но я планирую установить два фонтана — из одного будет бить шампанское, а из другого — экзотические духи, сделанные из малайских цветов. Один из моих друзей поднимется на воздушном шаре над садом и будет сверху сбрасывать подарки собравшимся гостям.

Он говорил с таким азартом, что Дорина даже не смела заикнуться о том ужасе, который все больше овладевал ею, по мере того как она узнавала об этих приготовлениях.

Она понимала, что это было как раз то, чего ждали его китайские друзья. Большой праздник для всех жителей Сингапура, которые получают огромное удовольствие и которым будет о чем поговорить впоследствии.

Но как быть с Летти?

— Когда вы увидите мой сад, вы поймете, что это самое подходящее место для такого приема, — говорил Максимус. — Ночью цветы, деревья и кусты будут подсвечиваться. Вокруг танцевальной площадки будут расставлены светильники, а «волшебные фонарики», как вы их называете в Англии, будут освещать тропинки, ведущие к маленьким зеленым беседкам, где мои гости смогут посидеть и отдохнуть, взявшись за руки.

Он рассмеялся.

— Или, быть может, более откровенно проявить свою симпатию друг к другу.

— Все это звучит...

Дорина замолчала, пытаясь подобрать нужное слово.

— ...впечатляюще, — закончил за нее Максимус. — Именно такой я и задумал нашу свадьбу — блистательным событием, о котором будут вспоминать еще много лет.

Пока Дорина пыталась найти слова, чтобы выразить, что она на самом деле думает о его замыслах, он поднялся с места.

— Я забыл предупредить вас, мисс Хайд, — сказал он, — что сегодня к обеду я жду гостей. Мы встанем на якорь в небольшой бухточке у побережья Джохора (*Джохор — княжество в Малайе, расположенное на полуострове Малакка.*) . Я пригласил султана, моего старинного друга, и еще нескольких человек, проживающих в этой провинции, отобедать с нами. Они жаждут познакомиться с моей будущей женой и счастливы, что им первым выпала эта честь.

— Я предупрежу Летти, — сказала Дорина и направилась вниз.

Летти спала, и Дорина зашла к сестре Терезе, чтобы рассказать ей обо всем, что она узнала от Керби.

— Я ожидала чего-нибудь в этом роде, — задумчиво произнесла сестра Тереза. — Но вы не беспокойтесь. Леди Летиция стала гораздо уравновешеннее и спокойнее с тех пор, как я внушила ей, что прежде всего она должна заботиться о благе своих ближних, а потом уже о своем собственном. И к тому же я научила ее молиться.

— Я очень рада.

— Я объяснила ей, что молитва должна идти от самого сердца, — продолжала сестра Тереза. — Для этого вовсе не нужно заучивать слова, написанные много столетий назад каким-нибудь монахом; молитва должна быть произвольным естественным выражением наших самых глубоких чувств.

Она говорила с такой убежденностью, что Дорина не захотела признаться ей, как часто ее мучили сомнения в том, способна ли Летти вообще испытывать какие-либо чувства, кроме самых эгоистичных.

Тем не менее заверения сестры Терезы настолько успокоили ее, что, когда пришло время переодеться к обеду, она была несколько не удивлена, застав Летти в прекрасном расположении духа.

Летти решила надеть прелестное платье из бирюзового шифона. Легкие, летящие юбки пенились вокруг ее ног, на обнаженные плечи был наброшен шарф из такого же материала.

Она была так хороша, что Дорина не могла удержаться от восклицания:

— Ты кажешься более яркой и красивой, чем твои птички, и это не пустой комплимент.

— Я — синяя птица, — ответила Летти. — Сестра Тереза говорит, что синяя птица приносит счастье.

— Это действительно так, — подтвердила Дорина, — и ты будешь очень счастлива, Летти, я в этом уверена!

Летти улыбнулась ей.

— Теперь, когда ты так хорошо выглядишь, почему бы тебе не надеть одно из моих платьев? — спросила она.

Несколько мгновений Дорина молча смотрела на нее в глубоком изумлении.

В первый раз Летти пришло в голову сказать что-либо подобное или сделать такой щедрый жест.

— Спасибо, Летти, — ответила Дорина, — очень мило с твоей стороны предложить мне это, но я уже одета, и к тому же мне хотелось бы, чтобы сегодня все присутствующие смотрели только на тебя.

Но тут же Дорина подумала, что, как бы она ни оделась, все равно все будут смотреть только на Летти.

В то же время она не могла не признать, что ее скромное серое вечернее платье выгодно подчеркивало изящную линию ее груди и тонкую талию.

У нее было всего два вечерних платья, фасоны которых она скопировала с роскошных туалетов, которые заказали для Летти на Бонд-стрит.

Ее кожа казалась необычайно белой на фоне дымчато-серого материала, и за последние недели состояние ее волос значительно улучшилось. В них появился живой блеск, которого прежде никогда не было.

Хотя Дорина по-прежнему расчесывала их на прямой пробор и укладывала в большой пучок на затылке, ее волосы больше не казались тусклыми и безжизненными. Мягкими волнами они обрамляли ее высокий лоб.

В салоне Максимус Керби представил султану и нескольким прибывшим с ним супружеским парам сначала Летти, а потом Дорину.

Сестра Тереза, как оказалось, была уже знакома со всеми присутствующими.

Завязалась оживленная беседа, и все, как мужчины, так и женщины, разглядывали Летти с нескрываемым восхищением.

Однако Дорина заметила, что одна дама не сводит глаз с Максимуса.

Это была хорошенькая молодая англичанка, значительно моложе своего мужа. Она лишь недавно приехала в Джохор и, как догадалась Дорина, была из тех кокетливых женщин, которые считали каждого встречного мужчину своей собственностью.

Не будь здесь Летти, она казалась бы самой привлекательной из присутствующих женщин. Звали ее миссис Томпсон.

В продолжение всего обеда Дорина с усмешкой наблюдала, какие она прилагает усилия, чтобы привлечь внимание Максимуса Керби.

Поскольку ее муж занимал достаточно высокое положение, она сидела за столом слева от хозяина, а Летти — справа от него. По другую сторону от Летти сидел султан, а рядом с ним — Дорина.

Ко второй перемене блюд стало очевидно, что Летти решила ограничиться милыми улыбками и даже не пыталась внести посильную лепту в общий разговор.

Султану оставалось только разговаривать с Дориной, которая попросила его рассказать немного о его провинции и о причинах, побудивших его семью переехать из Индии в Малайю.

Дорина с интересом слушала все, что он ей рассказывал, но в то же время не могла не заметить, что молоденькая кокетка, сидящая слева от Керби, пускает в ход всяческие уловки, чтобы завладеть его вниманием.

Но было совершенно очевидно, что ее попытки заинтересовать Максимуса не приносят успеха. Не обращая на нее внимания, он беседовал с мужчиной, сидящим слева от нее.

Дорина изо всех сил пыталась включить Летти в их беседу с султаном, но это было нелегко, поскольку она не получала никакой поддержки от своей сестры.

После обеда, состоявшего из самых изысканных блюд, большинство из которых Дорина пробовала впервые, столы были убраны, некоторые из гостей сели играть в триктрак, а остальные устроились поудобнее и продолжили беседу.

Дорину позабавило, что сестра Тереза с видимым удовольствием уселась за один из карточных столов, приготовленных для желающих играть в бридж. Правда, она оговорила, что не играет на деньги.

Удивительнее всего было то, что собравшиеся были непринужденно веселы, оживлены и, казалось, исполнены энергии, что совсем не было характерным для подобных вечеринок в Англии.

Все объяснилось, когда одна дама сказала Дорине:

— Не могу даже передать вам, какой это для нас праздник. Мы месяцами не видим ни одного нового лица, но когда появляется Макс, все меняется, словно по волшебству. Я ни за что на свете не хотела бы пропустить сегодняшний вечер!

Когда все гости нашли себе занятие по вкусу, Дорина услышала, как Максимус тихо обратился к Летти:

— Вы не хотите подняться на палубу посмотреть на звезды?

— А птички все еще там? — спросила она.

— Их спустили с помостов, — ответил он, — но они все еще на палубе.

— Я хочу взглянуть на них, — заявила Летти. — Дорина, где ты? Я хочу, чтобы ты пошла с нами.

Дорина заколебалась.

Она понимала, что Максимус будет крайне недоволен, если она не даст ему побыть наедине с будущей женой. С другой стороны, если он попытается поцеловать Летти, один Бог знает, что может произойти.

Ни она, ни сестра Тереза еще не пытались подготовить ее к этому!

— Пойдем же, Дорина, прошу тебя! — настаивала Летти.

По ее голосу Дорина поняла, что Летти не хочет оставаться наедине с Максимусом.

— Боюсь, вам трудно будет отказаться, — с улыбкой заметил он, и Дорина послушно поднялась с ними на палубу.

Небо было усеяно звездами, похожими на огромные бриллианты, рассыпанные на бархате. Тонкий серп месяца мерцал в вышине, и от этой невероятной красоты у Дорины перехватило дыхание.

Чувствуя себя лишней, она подошла к перилам, стараясь остаться незаметной.

Она услышала, как сзади Максимус обратился к Летти:

— Я хотел бы кое-что преподнести вам, но никак не мог найти подходящего момента.

— Что это? — спросила Летти.

— Кольцо, — ответил он. — Обручальное кольцо с камнем, которое, я надеюсь, вам понравится.

Не поворачивая головы, Дорина услышала, как Летти равнодушно сказала:

— Очень хорошенечкое. А теперь можно я взгляну на птичек?

— Я думал, вы сначала захотите показать кольцо мисс Хайд, — заметил Максимус.

— Да, конечно, — согласилась Летти и подошла к Дорине. — Дорина, посмотри, какое у меня миленькое колечко.

Она протянула руку, и Дорина увидела у нее на пальце огромный сверкающий сапфир, окруженный бриллиантами.

Это было изумительное кольцо и, несомненно, очень дорогое.

— В Сингапуре, — сказал Максимус, — вас ждет такое же ожерелье и браслет.

Дорина поняла, что Летти даже не слышала его.

— Ах, какая прелесть! — воскликнул она. — Я понимаю, как трудно тебе найти нужные слова, чтобы выразить свою благодарность мистеру Керби.

Она крепко сжала руку Летти, и та поняла намек.

— Большое спасибо, — сказала она безо всякого выражения. — Это прекрасный подарок. Могу я теперь взглянуть на птичек?

Она отправилась на корму, и Максимус последовал за ней.

Дорина стояла, глядя на небо, на деревья, плотным кольцом обступившие маленькую бухточку, но не замечала окружавшей ее красоты.

Как скоро, размышляла она, Максимус догадается, что Летти совершенно равнодушна ко всем тем вещам, которые представляют интерес для всех нормальных людей.

Они недолго оставались на палубе, и, спустившись вниз, Дорина с облегчением увидела, что сестра Тереза, заметив утомленный вид Летти, повела ее спать.

Чувствуя себя неловко оттого, что ее сестра так быстро покинула общество, которое собралось в ее честь, Дорина приложила все усилия, чтобы быть очаровательной и любезной с гостями.

Она внимательно выслушивала все, что ей рассказывали, смеялась над всеми шутками и в первый раз в жизни по сути играла роль хозяйки.

Если бы ее не мучило беспокойство о Летти, она веселилась бы от души. Это была как раз такая вечеринка, легкомысленная и

беззаботная, в которой она всегда мечтала принять участие, но из-за ее болезни ей никогда не предоставлялась такая возможность.

Теперь, когда здесь не было Летти, приковывавшей к себе взгляды всех присутствующих мужчин, они с удовольствием осыпали Дорину комплиментами, а женщины, у которых не было особых причин для ревности, доверительно болтали с ней, как с давней знакомой.

Когда султан наконец поднялся, собираясь откланяться, Дорина с изумлением обнаружила, что уже далеко за полночь. Остальные гости вынуждены были последовать его примеру, хотя и не скрывали своего сожаления.

— Мы были счастливы видеть ваше высочество в числе наших гостей, — сказал Максимус Керби султану.

— На следующей неделе я устрою прием в вашу честь и в честь вашей прелестной невесты, — ответил султан. — Когда намечена ваша свадьба?

— Через две недели, — сказал Керби.

Дорина покачнулась, словно от удара.

Всего две недели, чтобы успеть подготовить Летти к тому, что ждало ее впереди! Всего две недели, которые ей самой дано провести в этом новом, волшебном мире!

Пока султан и большинство гостей прощались с хозяином, двое джентльменов задержались, увлекшись игрой в триктрак.

— Я не могу так уйти, Макс, — воскликнул мистер Томпсон, тот самый, у которого была хорошенькая жена. — Я только что потерял тридцать фунтов и намерен отыграть их.

— Вы отлично знаете, что вам незачем спешить, — ответил Максимус Керби. — Еще слишком рано, чтобы ложиться спать.

— Это верно, — сказал другой джентльмен. — Если вы намерены остаться, Томпсон, то мы с Биллом тоже сыграем партию, а потом победители сыграют между собой. Согласны?

— Согласен! — воскликнул Томпсон, его партнер также поддержал эту идею.

Попрощавшись с султаном, Дорина направилась в каюту к Летти, но та крепко спала. Она заглянула к сестре Терезе и увидела, что та тоже переделась и собирается лечь в постель.

— Гости все еще здесь? — спросила сестра Тереза.

— Кое-кто остался.

— В таком случае не беспокойтесь о нас. Идите и развлекайтесь, дитя мое. Я видела, как вам было весело сегодня.

— Мне действительно было весело, — подтвердила Дорина.

Она вернулась в салон. Обнаружив там только мужчин, увлеченных игрой, она тихо выскользнула за дверь, решив, что им, возможно, не понравится, если она будет стоять у них за спиной.

Ей захотелось выйти на свежий воздух, насладиться красотой ночи, всмотреться в темноту таинственных джунглей.

Она поднялась на палубу.

Было очень тихо, но не успела она сделать и двух шагов, как увидела мелькнувшее впереди светлое платье, и поняла, что она не одна.

На носу корабля под тентом стояли два человека.

Дорина заколебалась, не решаясь подойти к ним. Она была уверена, что миссис Томпсон, а там была именно она, не обрадуется ее появлению.

Дорина стояла в нерешительности, не зная, что предпринять, как вдруг миссис Томпсон обвила руками шею Максимуса Керби (а вторым был именно он) и притянула его к себе.

Дорина, не в силах пошевелиться, увидела, как он сжал ее в объятиях и прильнул к ее губам.

Прежде Дорине не доводилось видеть страстно целующихся мужчину и женщину. Что-то в их застывших фигурах, в том, как белокурая головка миссис Томпсон склонилась на плечо Максимуса Керби, заставило ее затаить дыхание.

Она не могла объяснить даже самой себе, что именно она испытывала в этот момент.

Одно дело мысленно представлять себе пылкие объятия любовников, другое — видеть это своими собственными глазами. Неожиданно у нее промелькнула мысль, что, должно быть, Максимус так же искусен в любви, как и во всем остальном.

Глядя на непринужденную грацию его фигуры, изящный наклон головы, она подумала, что его поцелуи должны быть какими-то особенными...

И тут она поняла, что, по сути, шпионит за ним, и если он увидит ее, то сочтет ее поведение бестактным и назойливым.

Очень тихо Дорина вернулась в салон, с удивлением сознавая, что вместо отвращения и негодования она испытывает нечто совсем другое.

Игра только что закончилась. Мистер Томпсон расплачивался со своим партнером, а двое других джентльменов потягивали виски из высоких стаканов.

— Нам пора, — сказал мистер Томпсон. — Боюсь, шум голосов мешает спать леди Летиции.

— К тому же мне вставать ни свет ни заря, — заметил его партнер. — Я могу позволить себе поздно ложиться лишь по субботам.

Один из джентльменов бросил фразу, которую Дорина не расслышала, и все громко расхохотались. Как раз в этот момент в салон вошла миссис Томпсон в сопровождении Максимуса Керби.

На его лице было загадочное выражение, и Дорине показалось, что его губы слегка кривились в циничной усмешке. В голубых глазах миссис Томпсон она прочитала торжество, на ее губах порхала довольная улыбка.

«Она добивалась этого весь вечер, — подумала Дорина. — Она получила что, что хотела, и теперь вполне удовлетворена!»

Гости еще раз поблагодарили хозяина и пожелали спокойной ночи. Затем их на лодке отвезли на берег, где, как было известно Дорине, ожидали лошади и экипажи, а возможно, мальчишки-рикши, которые доставят их домой на плантации.

Дорина стояла у перил, глядя, как лодка с фонарем на корме постепенно растворяется в темноте. Миссис Томпсон махала рукой, пока они окончательно не скрылись из виду.

Затем она увидела, как на берегу среди деревьев вспыхивают огоньки, но в яркости они уступали звездам, усыпавшим небо, и месяцу, который разгорался все сильнее.

Любуясь волшебной красотой, Дорина на мгновение забыла, что она не одна.

Но вдруг она услышала, как Максимус насмешливо произнес:

— Я жду!

Глава 5

— Ждете? — с изумлением спросила Дорина. — Но чего?

— Когда вы приметесь читать мне нравоучения!

Дорина не отвечала, и Максимус с насмешкой продолжал:

— Безусловно, ваша святая обязанность, как компаньонки, сделать мне выговор! Неужели вы ограничитесь банальным «оставляю это на вашей совести»?

— У меня нет никакого права критиковать или осуждать вас, мистер Керби.

Последовала непродолжительная пауза, а затем он спросил:

— Я вас шокировал?

Его тон изменился, и она вполне серьезно ответила ему:

— Не знаю... Не думаю, чтобы шокировали... Мне кажется... я вас понимаю...

При свете месяца ей почудилось, что его губы вновь скривила циничная усмешка, как в тот момент, когда он входил в салон вместе с миссис Томпсон.

Она видела, что он ждет объяснения ее слов, и почувствовала, что обязана дать ему искренний и правдивый ответ.

— Я вспоминаю, — медленно начала она, — как много лет назад мой отец отправился с одним своим довольно бесшабашным приятелем на скачки в Дерби. Этот джентльмен выиграл много денег, и когда мой отец подвозил его домой в своем фээтоне, тот принялся швырять в толпу серебряные и золотые монеты, которыми были набиты его карманы. Это вызвало целый переполох, и мой отец спросил у него: «Зачем ты это делаешь?» Тот ответил: «Они их хотят, а у меня они есть!»

Дорина старалась не смотреть на Максимуса. Она устремила взгляд прямо перед собой, туда, где на фоне ночного неба едва вырисовывался силуэт горной цепи.

— Значит, вы считаете, что я очень щедро раздариваю свои поцелуи? — заметил Максимус. — Вы необычная девушка, мисс Хайд.

Она подумала, что он смеется над ней.

— Не знаю, почему вы так решили.

— У меня такое чувство, — сказал он, — хотя я не могу объяснить, даже себе, чем оно вызвано, будто вы пытаетесь казаться не той, кто вы есть на самом деле. За этим серым платьем и строгой внешностью скрывается, возможно, что-то совсем другое.

Дорина молчала.

«Он слишком пронизателен», — подумала она, но в то же время ей показалось удивительным, что он вообще заметил ее.

— Вас когда-нибудь целовали? — неожиданно спросил он.

Дорина почувствовала, как ее щеки залил румянец; она лишь надеялась, что он не заметит этого в темноте.

— Вы не должны задавать мне подобных вопросов, мистер Керби, — сухо сказала она.

— Вы на самом деле так же суровы, как цвет ваших платьев, — продолжал он, — или правду говорят, что английские мужчины холодны и не умеют ухаживать за женщинами?

— Я думаю... мне лучше пойти спать, — тихо сказал Дорина.

— Я почти уверен, — продолжал Максимус, будто не слыша ее слов, — что под этой пуританской внешностью скрывается горячее сердце и огонь, который еще пока никто не смог разжечь. Мне лишь хотелось бы знать почему.

— Мы говорили о вас, мистер Керби, а не обо мне!

Он тихо рассмеялся.

— Я же говорил, мисс Хайд, что вы отличаетесь от других женщин. Я пока еще не встречал ни одной, которая не хотела бы говорить о себе.

— Это означает, что в конце концов основной темой разговора все равно становились вы! — сказала Дорина и тут же пожалела о вырвавшихся у нее словах.

Максимус снова рассмеялся.

— Как я вижу, вы девушка с характером! Я начинаю узнавать очень интересные вещи о вас, мисс Хайд!

— Боюсь, что я не оправдаю вашего интереса, — сказала Дорина, стараясь говорить равнодушным тоном. — В любом случае, у вас слишком мало времени, потому что через две недели состоится ваша свадьба, а после этого я вернусь в Англию.

Он не отвечал. Хотя он не двинулся с места, Дорина внезапно ощутила его близость.

Сердце бешено колотилось у нее в груди, и поскольку этот разговор взволновал ее, она чувствовала странное возбуждение, какого прежде никогда не испытывала.

— Во всем, что бы я ни делал, — сказал Максимус спустя какое-то время, — я всегда доверял своей интуиции. И сейчас она подсказывает мне, что я должен любым способом помешать вам вернуться в Англию, хотя сам не знаю зачем.

— Ну что ж, значит, у вас будет, над чем поломать голову, хотя боюсь, вам все равно не найти ответа, — с деланной легкостью сказала Дорина.

Только сейчас она обратила внимание на то, что пока они разговаривали, начался прилив, и яхту развернуло течением, так что теперь они смотрели не на гавань, а на море.

Внезапно она увидела, что с моря к ним направляются несколько небольших суденышек с квадратными парусами.

Их форма была необычна, и Дорина вспомнила, как доктор рассказывал ей, что эти паруса натягивают на бамбуковую раму и устанавливают на бамбуковую мачту, сделанную в форме треноги.

Но приближающиеся суда не занимали ее сейчас, она думала о том, что ей сказать дальше.

Ей хотелось продолжить их разговор, но в то же время она понимала, что ей давно следовало бы уйти к себе в каюту.

Она рассеянно наблюдала за подплывавшими все ближе судами, заметив, что на них есть и гребцы. Она насчитала по девять весел с каждого борта.

— Мне казалось, что столь легкого бриза недостаточно для того, чтобы они могли двигаться с такой скоростью, — заметила она.

Максимус Керби посмотрел на море. Внезапно она почувствовала, как он замер на месте.

— Прау! — воскликнул он.

— Вы хотите сказать, что это пираты? — спросила Дорина.

Он не ответил. Схватив ее за руку, он оттащил ее от перил и увлек за собой к трапу.

— Спускайтесь вниз!

Это был приказ, но пока Дорина стояла в нерешительности возле рубки, Керби уже исчез. Дорина снова взглянула на прау, которые быстро приближались к яхте.

Она пыталась вспомнить все, что ей рассказывали о пиратах. Насколько она знала, обычно их суда были вооружены пушками.

Ей не было страшно. Эти шесть прау, быстро и бесшумно приближавшиеся к ним, казались почти нереальными. Не было слышно даже плеска весел, которые ритмично взмывали в воздух и снова погружались в воду.

Стоя между стеной и створкой открытой двери, Дорина почувствовала, что вокруг нее началось какое-то движение.

Матросы, передвигаясь по-пластунски, занимали свои места на палубе.

Она догадалась, что приближавшиеся пираты не могут видеть их из-за пышных лиан, которыми были увиты перила.

Со своего места она могла разглядеть один из помостов, украшенных цветами, на котором днём стояла огромная клетка с попугайчиками.

На ночь, как и говорил Максимус, клетку сняли с помоста и надежно закрепили рядом с одной из мачт. Дорина полагала, что это было сделано на тот случай, если поднимется сильный ветер, который мог опрокинуть ее.

Дорина увидела, как чьи-то руки быстро срывают с помоста цветы, под которыми оказались пушки.

«Они, должно быть, установлены на вращающемся лафете, — подумала Дорина, — чтобы можно было выстрелить по пиратам, с какой стороны они ни приблизились бы к кораблю».

Она вспомнила, как доктор рассказывал ей, что обычно пираты, обнаружив стоящий в какой-нибудь небольшой бухточке корабль, тихо взбирались на борт и безжалостно вырезали всю команду и пассажиров.

На этот раз их ждал сюрприз, потому что палуба была заполнена вооруженными матросами.

У тех, кто оказался рядом с ней, она разглядела в руках крисы — кинжалы со змеевидными изгибами лезвия и резной рукоятью, которыми китайцы пользовались с незапамятных времен.

Первая прау подошла вплотную к яхте, и Дорина увидела, что верхняя часть ее паруса приходится вровень с перилами, украшенными лианами.

Затем подошли еще две прау, и Дорина догадалась, что три другие подплыли к другому борту «Морского дракона».

И за все это время она не услышала ни единого звука!

Ей казалось почти сверхъестественным, что суда смогли подплыть так близко и при этом совершенно бесшумно.

Она услышала, как позади нее кто-то поднимается по трапу. Догадавшись, кто это мог быть, она еще сильнее вжалась в стену, надеясь остаться незамеченной.

Максимус был в одной рубашке, в правой руке он держал пистолет, в левой — крис.

Он шагнул на палубу и закричал:

— Огонь!

Его голос показался особенно громким и грозным в царившей зловещей тишине.

Что тут началось!

Не успел Максимус Керби отдать приказ, как над перилами показались головы пиратов, пытающихся взобраться на борт.

При свете луны Дорина могла хорошо разглядеть их. У них были длинные волосы, которые они специально перед боем расплетали, чтобы иметь более устрашающий вид.

Пираты один за другим перелезали через перила, помимо копий и крисов они держали в руках бамбуковые щиты.

У некоторых были мушкеты, но в поднявшейся суматохе они палили наугад, не успевая прицелиться. Кто-то, едва успев подняться на борт, тут же падал в море мертвым или раненым.

Дорине казалось, что в пылу битвы Максимус Керби умудрялся находиться во многих местах одновременно.

Очевидно, он уже расстрелял все патроны и теперь орудовал крисом, нанося удары налево и направо.

Вскоре вся палуба была усеяна мертвыми, окровавленными телами, а оставшиеся в живых пираты поспешно отступили и судорожно орудовали веслами, чтобы скорее отдалиться от яхты, к которой они незадолго до этого плыли с такой уверенностью в успехе своего предприятия.

И тут в ход были пущены скрытые под грудями цветов пушки. Они стреляли очень точно и неторопливо, и прау одна за другой шли ко дну.

Раздалось несколько ответных выстрелов, но, очевидно, стрелявшие были до того перепуганы, что практически ни один из выстрелов не достиг цели.

Один или два раза ядро ударило в борт яхты, и она немного покачнулась, но пушки пиратов были не чета тем, которыми вооружил свое судно Максимус Керби.

Пять прау затонули уже через несколько минут после того, как началась перестрелка, и Дорина видела, как пираты пытались вплавь добраться до берега.

Последняя прау уже почти успела отплыть на безопасное расстояние, но в этот момент особенно удачный выстрел настиг ее. Суденышко сначала подбросило вверх, затем оно опрокинулось, пираты оказались в воде и лихорадочно пытались выплыть на поверхность.

Все происходившее казалось таким фантастичным, что Дорина даже не успела испугаться, когда все уже было кончено.

Стрельба затихла, и команда яхты принялась осматривать лежащих повсюду убитых пиратов. Дорина вышла из своего укрытия.

— Молодцы! — сказал Керби своим людям. — Я горжусь вами!

Все они были китайцами или малайцами, за исключением капитана-англичанина. Они смотрели на Максимуса Керби с восторженными улыбками.

Затем Максимус перевел взгляд на Дорину.

Она решила, что сейчас он примется отчитывать ее за то, что она не выполнила его приказа, как вдруг увидела, что его рубашка разорвана на плече и на ней выступила кровь.

— Вы ранены! — воскликнула она.

И в этот момент раздался пронзительный крик Летти.

Было очень жарко, и Дорина стояла палубе, глядя на проплывавший мимо берег. Казалось, все случившееся прошлой ночью было лишь плодом ее воображения.

Когда она пробудилась утром, крепко проспав всю ночь, чего она никак не могла ожидать, все свидетельства ночного сражения уже исчезли.

Тела убитых убрали, палуба была надраена до блеска, и ей даже показалось, что те цветы, которые оказались помяты или сломаны,

заменяли новыми.

Однако плечо Максимуса было забинтовано, и сестра Тереза заставила его надеть перевязь, чтобы рана снова не начала кровоточить. Только это и то, что кое у кого из команды были видны свежие царапины на лице, напоминало о нападении пиратов. Дорине и сестре Терезе пришлось перевязать тех, кто был ранен более серьезно.

— Вам вовсе незачем этим заниматься, — резко сказал Максимус, увидев, что Дорина, стоя на коленях возле раненого матроса, пытается остановить кровь, хлещущую из глубокой раны, нанесенной ножом или саблей.

Она подняла голову и одарила его лучезарной улыбкой.

— А что, по-вашему, я должна делать? — спросила она. — Устроиться поудобнее в салоне и послать слугу за прохладительными напитками?

В ее словах прозвучал сарказм. Он ничего не ответил, а обратился к китайцу, которого она перевязывала:

— Ты храбро сражался, мой мальчик!

Прежде, чем Максимус отошел от них, Дорина успела заметить обожание в устремленных на него темных раскосых глазах.

Сама яхта не пострадала, за исключением двух пробоин над ватерлинией, которые можно будет заделать, когда они вернутся в порт.

Главное, было очевидно, что пиратам преподали жестокий урок. В следующий раз они не будут так глупы, чтобы нападать на судно, принадлежащее Максимусу Керби!

— Их, несомненно, сбilo с толку то, что не было видно дымовой трубы, — сказал Керби. — Это сурабайские пираты, которые в последнее время очень свирепствуют у побережья Явы. Должно быть, они решили, что мы ослабили бдительность в районе Сингапура.

Однако, как хорошо было известно Дорине и сестре Терезе, самые печальные последствия нападения пиратов были связаны с Летти.

Пушечные выстрелы так перепугали ее, что она продолжала пронзительно кричать еще долго после того, как закончился бой. Они никак не могли успокоить ее, и сестре Терезе пришлось дать ей настойку каких-то трав, чтобы заставить уснуть.

На следующее утро Дорина даже не пыталась уговорить Летти встать. Когда она зашла к ней в каюту, Летти лишь взглянула на нее опухшими глазами и тихо, нерешительно пробормотала:

— Я хочу... домой, Дорина. Мне не нравится здесь.

— Ну, ну, Летти, не стоит так переживать из-за того, что случилось прошлой ночью. Это было большой неожиданностью для всех, потому что мистер Керби почти полностью покончил с пиратством в этих краях!

— Я слышала их! Я слышала... как пираты напали на нас! — ответила Летти. — Они хотели... убить нас!

— У них не было ни малейшего шанса на успех, — твердо сказала Дорина. — Ведь мы были под защитой мистера Керби. Он очень храбро сражался, Летти, и ты должна им гордиться!

— Я хочу домой, — упрямо повторила Летти.

Дорина поняла, что сейчас бесполезно спорить с ней, и вышла из каюты, надеясь, что Летти снова уснет. Она поднялась на палубу, исполненная решимости по возможности скрыть от Максимуса правду о состоянии Летти.

— Боюсь, леди Летиция немного возбуждена, — сказала Дорина в ответ на его расспросы. — Ей было гораздо страшнее внизу в каюте, чем мне, ведь я, по крайней мере, могла видеть, что происходит.

— Вы не имели права оставаться наверху, — сурово сказал он. — Я приказал вам спуститься вниз, и я привык, чтобы мои команды исполнялись!

— Это звучит очень грозно! — улыбнулась Дорина. — Понимаете ли вы, как нам повезло, что в тот момент мы стояли на палубе?

— Если бы даже нас там не было, все равно кто-нибудь стоял бы на часах, — ответил Максимус. — Когда я ухожу спать, всегда кто-нибудь заступает на вахту.

Он увидел, что Дорина готова возразить, и добавил:

— Но в любом случае вы правы! Впредь после наступления темноты я буду выставять усиленную охрану, но уверяю вас, навряд ли еще раз произойдет что-либо подобное! В наше время такое случается очень редко.

— Нам очень не повезло, что леди Летиция присутствовала при этом.

Поскольку на это нечего было ответить, Максимус промолчал.

Яхта вновь продвигалась вдоль побережья. Дорина выяснила, что к вечеру они рассчитывают прийти в Сингапур, и была очень рада, что Летти не придется еще раз ночевать на борту яхты.

По мере того как шло время, Дорина начинала все больше беспокоиться из-за Летти, которая настаивала на том, что хочет непременно вернуться домой.

Она была крайне возбуждена и жалась к сестре Терезе, вздрагивая от каждого звука. Было совершенно очевидно, что все достижения последних дней пошли прахом.

Дорина поняла, что нельзя допустить, чтобы Максимус видел Летти в таком состоянии. Она решила поговорить с ним и попросить, чтобы он проявил побольше заботы и терпения в отношении ее сестры.

В любом случае она собиралась поговорить с ним об этом перед свадьбой, как просил ее отец.

Но опасаясь, что Максимус может попытаться поцеловать Летти или каким-либо образом напугать ее прежде, чем она свыкнется со своим новым положением, Дорина решила, что дольше этот разговор откладывать нельзя.

Возможность предоставилась ей в тот же день, когда сестра Тереза и Летти отправились отдохнуть в свои каюты, а Дорина поднялась на палубу и удобно расположилась в тени огромного тента.

Какое-то время она сидела там одна, затем к ней присоединился Максимус.

Он с удовольствием вытянулся в одном из шезлонгов.

— Как ваше плечо? — поинтересовалась она.

— Пустяки, царапина, — ответил он. — Сестра Тереза любит поднимать шум из-за пустяков. Как и всем женщинам, ей нравится, когда мужчина оказывается в ее власти!

— Обычно женщины говорят то же самое о мужчинах, — заметила Дорина.

Он поднял на нее глаза, искрящиеся лукавым смехом, и она тихо пробормотала:

— Я... хотела бы поговорить с вами... о леди Летиции.

— Она очень встревожена?

— Все это было для нее таким потрясением, — ответила Дорина. — В Англии она вела очень спокойный образ жизни и не привыкла к таким неожиданностям.

После продолжительного молчания она, стараясь не смотреть на Максимуса, запинаясь, произнесла:

— Я хотела попросить вас... до того, как вы женитесь на леди Летиции... Чтобы вы были как можно более ласковы и терпеливы с ней.

— Не собираетесь ли вы, мисс Хайд, дать мне указания, как мне вести себя с будущей женой? — поинтересовался Керби.

— Нет... Конечно же, нет! — воскликнула она, чувствуя, что выглядит очень глупо. — Я просто пытаюсь объяснить вам, что леди Летиция относится к замужеству не совсем так, как другие девушки...

Ее объяснения казались нелепыми даже ей самой, и Максимус спросил:

— Вы пытаетесь дать мне понять, мисс Хайд, что леди Летиция не желает выходить за меня замуж?

Дорина поспешно ответила:

— Нет... конечно же, нет! Просто... она так далеко от дома... и она так плохо знает вас. Ваше знакомство с ней ограничивается лишь теми двумя днями, когда вы гостили в Олдеберн-парке.

— Из слов ее отца я заключил, что она с удовольствием приняла предложение стать моей женой, — сказал Максимус Керби.

Если бы Дорина не была так обеспокоена, возможно, ее позабавило бы, что, видимо, впервые женщина не бросается на шею Максимуму Керби еще до того, как он сам обратит на нее внимание.

— Я уверена... что все будет прекрасно, если только вы проявите немного терпения, — пробормотала Дорина. — Если дадите ей время привыкнуть и привязаться к вам, прежде чем...

— Я отлично понимаю, что именно вы хотите мне сказать, мисс Хайд, — резко перебил Керби.

Он поднялся со своего кресла и решительно удалился.

Дорина с отчаянием смотрела ему вслед.

Неужели она все испортила? Может быть, было ошибкой с ее стороны пытаться говорить с ним на эту тему? Не навела ли она его на мысль, что дело обстоит не совсем так, как он предполагал, прежде чем он сам догадался об этом?

Но ей не представилось возможности возобновить этот разговор.

К вечеру на горизонте показался Сингапур. Дорине очень хотелось посмотреть, как яхта войдет в большую бухту, одну из красивейших в мире, но ей пришлось помогать сестре Терезе.

Было непросто убедить Летти одеться, но привести ее в хорошее расположение духа и заставить проявить интерес к тому, что ждет ее впереди, казалось совсем невыполнимой задачей.

Лишь в тот момент, когда они должны были бросить якорь, Дорина смогла выйти на палубу и взглянуть на корабли, входящие в порт или покачивающиеся на волнах у причала.

Единственным утешением ей, пропустившей самое интересное, служило то, что Летти выглядела прелестно в белом муслиновом платье, отделанном розовыми лентами. На голове у нее была широкополая шляпа, украшенная венком из роз.

Когда Максимус поднес к губам руку Летти, в его глазах мелькнуло непритворное восхищение.

— Надеюсь, вы чувствуете себя намного лучше, — сказал он. — Мне очень жаль, что прошлой ночью вы были так напуганы.

— Я... не люблю моря... Здесь так страшно, — капризно сказала Летти.

— Мы уже сходим на берег. Вам долго не придется выходить в море, — заверил ее Максимус Керби.

Летти ничего не ответила. Дорина видела, что ей хотелось лишь одного — как можно скорее покинуть корабль и забыть все то страшное, что связано с ним.

Дорина попрощалась с капитаном и с командой. Летти уже стояла в стороне, надув губки, и было ясно, что она ждет не дождется, когда спустят сходни.

Максимус помог ей сойти по трапу, и они направились к поджидавшим их двум элегантным экипажам с большими гофрированными тентами, защищавшими пассажиров от палящего солнца.

По замыслу Керби один из экипажей предназначался для него и Летти, другой — для Дорины и сестры Терезы.

Но Летти не пожелала расстаться ни с одной из них.

— Надеюсь, вы поедете со мной? — спросил Максимус Летти улыбкой, способной, по мнению Дорины, заставить любую женщину отправиться с ним на край света босиком.

— Я хочу сесть в экипаж с Дориной и сестрой Терезой, — ответила Летти. — Я без них не поеду.

Максимус безропотно подчинился ее желанию, и они вчетвером уселись в первый экипаж, который, впрочем, был достаточно просторным.

Дорина с интересом смотрела по сторонам, и первые впечатления о городе не обманули ее ожиданий.

Они ехали по узким улочкам, мимо высоких домов с черно-красными вывесками, на которых золотом были выведены китайские иероглифы.

Витрины магазинов были украшены полосами красной бумаги, на которых, как пояснила сестра Тереза, были написаны цветистые изречения из классической китайской поэзии.

Дорина с интересом разглядывала китайцев в национальных костюмах с длинными рукавами, мелко семенящих в своей необычной обуви на толстой подошве, держа в руках большие зонты.

У женщин прически были украшены большими серебряными и золотыми булавками, а на лицах, покрытых толстым слоем белил, выделялись ярко накрашенные губы.

Китайцы выглядели богатыми и преуспевающими, в то время как большинство малайцев были в лохмотьях и в основном занимались тяжелым физическим трудом. Они подметали улицы, мыли витрины магазинов или переносили на головах огромные тяжелые корзины.

Лошади бежали так быстро, что Дорине удалось составить лишь весьма поверхностное впечатление о городе. Дорога начала подниматься в гору, туда, где располагались богатые кварталы с большими красивыми строениями, многие из которых были весьма примечательны как в отношении архитектуры, так и окружающего ландшафта.

Наконец они остановились у дома Максимуса Керби, возвышавшегося почти на самой вершине холма, откуда открывался великолепный вид на гавань.

Дорина пришла в восторг, увидев, что крыша дома покрыта желтовато-зеленой черепицей, а по углам крыши, согласно китайским традициям, свисают фарфоровые драконы изумительно тонкой работы.

К фасаду здания примыкала большая крытая галерея, которая защищала подъезжавшие экипажи и выходящих из них пассажиров от солнца и дождя, а длинная пологая лестница вела к парадному входу.

Дорина и сама не знала, что она рассчитывала увидеть. Но, безусловно, она не ожидала, что дом, который Керби построил для Летти, будет таким величественным и прекрасным.

Внутри царила прохлада, и после слепящего солнца снаружи в большой комнате, куда они вошли, казалось почти темно.

Когда же глаза Дорины привыкли к полумраку, она обнаружила, что ее окружают разнообразные сокровища — огромные китайские вазы, инкрустированная мебель, картины, которые Керби, должно быть, привез из Европы; повсюду стояли букеты орхидей всевозможных расцветок.

Забыв о хороших манерах, Дорина, широко раскрыв глаза, рассматривала все это великолепие, как вдруг послышался голос Летти, в котором прозвучали так хорошо знакомые ей плаксивые нотки:

— Я хочу лечь... я плохо себя чувствую.

— Да, конечно, — поспешно ответила Дорина. — Я уверена, что кто-нибудь сейчас покажет нам, где находятся наши комнаты.

Как и следовало ожидать, их комнаты оказались отделаны с отменным вкусом. Они были не слишком перегружены мебелью и очень уютны. Стены в комнате Летти были оклеены китайскими обоями с розовыми цветами и экзотическими птицами. Но Летти уже трудно было отвлечь разговорами о птичках.

— Я больна. Я хочу домой... в Англию.

Летти, как попугай, снова и снова повторяла эти слова. В какой-то момент Дорине начало казаться, что она этого больше не вынесет.

Наконец, когда Летти раздели и уложили в большую кровать с длинным пологом, сестра Тереза дала ей выпить какой-то настой, от которого та быстро заснула.

— Я всегда была противницей успокоительных средств, — сказала сестра Тереза, — но я дала ей самое легкое снотворное, что же еще остается делать в этом случае?

— Вы правы, — ответила Дорина. — Вчерашнее нападение пиратов — это настоящая трагедия. Летти была так хорошо настроена и даже проявляла желание увидеть новый дом и сад.

— Она всегда была такой? — спросила сестра Тереза.

Дорина слегка заколебалась, но потом честно призналась:

— Иногда лучше, иногда хуже. Вы же сами видите, как ей трудно на чем-либо сосредоточить внимание. А заинтересовать ее могут лишь какие-нибудь пустяки — куклы или птицы.

— И тем не менее ее отец решил, что она вполне подходит в жены такому человеку, как Максимус Керби! — воскликнула сестра Тереза.

Дорина не ответила, потому что ей просто нечего было сказать. Когда она с сестрой Терезой встретились с Максимусом Керби за обедом, Дорину охватило чувство неловкости и вины.

Хотя Максимус превосходно справлялся с ролью любезного хозяина, Дорина, которая всегда тонко улавливала настроения окружающих, видела, что он очень удивлен поведением Летти.

Поэтому она изо всех сил старалась смягчить возникшую напряженность.

Когда обед закончился, сестра Тереза извинилась, сказав, что хочет зайти проведать Летти, а затем пораньше лечь спать.

Максимус не удерживал ее, и она отправилась наверх, оставив Дорину посреди расположенной в центре дома огромной гостиной, в которую выходили двери почти всех комнат.

Дорина подошла к окнам в дальнем конце комнаты. Уже стемнело, но когда они подъезжали к дому, она успела заметить возле него деревья и кустарники в цвету и огромное количество орхидей.

— Сейчас слишком темно, чтобы пытаться разглядеть что-нибудь за окном, — заметил Максимус, подходя к ней. — Может быть, вы хотите осмотреть дом?

— О, с удовольствием! — откликнулась Дорина с энтузиазмом.

Она надеялась, что ее интерес хотя бы немного сгладит неловкость, возникшую из-за отсутствия Летти.

Она представляла, какое он должен испытывать разочарование при мысли о том, что Летти, для которой он построил такой чудесный дом, не захотела даже взглянуть на него!

Хотя дом был построен в китайском стиле, здесь имелись все удобства, типичные для английских домов, — ваннные комнаты и современная кухня.

Прохладные внутренние дворики с резными каменными бассейнами, в центре которых били фонтаны, были просто очаровательны.

Во двор выходили крытые балконы в спальнях на втором этаже. Каждая из комнат была украшена произведениями искусства, достойными любого музея.

Дорина почему-то не ожидала, что Керби обладает таким безупречным вкусом. Эта грань его личности оказалась совершенно неожиданной для нее.

Старинная черепица, фарфоровые скульптуры и резные украшения придавали дому необычный и величественный вид, а внутреннее убранство дополнялось картинами и коврами, которые, очевидно, подбирались в течение многих лет.

Они переходили из комнаты в комнату, и Дорина с удивлением обнаружила, что к новому дому примыкает часть старого.

— Когда я приехал в Сингапур, я купил дом, стоявший на этом же месте, — объяснил Максимус. — И хотя мне пришлось снести большую его часть, некоторые комнаты я оставил в их прежнем виде.

Что-то в его тоне подсказало Дорине, что эти комнаты были для него чем-то особенным.

— Можно мне взглянуть на них? — спросила она.

Ей показалось, что он на секунду заколебался, прежде чем ответить:

— Если это доставит вам удовольствие.

Они перешли из просторной современной части дома в более старую, среди которой находился маленький дворик. В центре его стояла магнолия, усыпанная цветами; вокруг нее росли карликовые деревья.

Дорина подумала, что, должно быть, этим деревьям уже несколько сотен лет, и ей захотелось получше рассмотреть их при свете фонарей, висевших на железных столбиках, но Максимус увлек ее за собой в одну из комнат, где, как она сразу догадалась, хранились его самые дорогие сокровища.

Там были древние изделия из бронзы, самые старые из которых относились к XIII веку до нашей эры. Когда же Дорина увидела коллекцию нефрита, у нее вырвался возглас восхищения.

— Вы что-нибудь знаете о нефрите? — спросил ее Максимус Керби.

— Я читала, что китайцы считают его священным камнем, излучающим жизненную энергию, — ответила Дорина.

— Верно, — сказал Максимус. — Считается также, что он обладает целебными свойствами и может даже даровать бессмертие.

Дорина взяла в руки кусочек нефрита, зеленого, как море на рассвете.

— Мне нравится поверье, будто нефрит прогоняет злые мысли, — улыбнулась она.

— Вы в это верите? — спросил он.

— Мне очень хочется в это верить, — ответила Дорина. — Может быть, когда-нибудь у меня будет кусочек нефрита, и тогда всякий раз, когда мне в голову придет дурная мысль, я буду дотрагиваться до него и прогонять ее.

Сказав это, она тут же испугалась, что он может истолковать ее слова как намек на то, что она желает получить подарок, и поспешно добавила:

— Я вижу, позади этой комнаты есть еще одна. Можно я посмотрю?

Снова ей показалось, что Максимус заколебался, но потом он, не произнеся ни слова, отодвинул расшитую портьеру, служившую перегородкой, и Дорина очутилась в необычной, странной комнате.

Она была убрана совершенно по-восточному, на полу лежали подушки, заменявшие стулья, а на низеньких столиках стояло лишь несколько изделий из китайского фарфора. Дорина взглянула на них и не смогла сдержать радостного восклицания.

Она узнала одну из статуэток теплого терракотового цвета, изображавшую лошадь.

— Это же Танг, да? Один из хранителей усыпальниц!

— Откуда вы знаете о них?

— Я очень много о них читала, — ответила Дорина, — и так мечтала увидеть хотя бы одну фигурку!

Она дотронулась кончиками пальцев до статуэтки, нежно погладив красиво изогнутую шею.

— В ее позе столько жизни и энергии, — сказала она, обращаясь больше к самой себе, — кажется, она вот-вот сорвется с места.

— Я хочу, чтобы вы взглянули на мои картины и сказали мне, что вы о них думаете, — проговорил Максимус.

Дорина с трудом оторвалась от лошади и увидела, что на стенах висят три больших свитка. Одного взгляда на них было достаточно,

чтобы понять, что они очень старинные. Рисунок был нанесен тонкими, изящными штрихами и казался почти черно-белым.

На одной картине был изображен тихий, застывший пруд, берега его заросли цветами. Над ним возвышалась высокая, голая скала, мрачная и неприступная. На самой ее вершине стояло дерево, согнутое ветром; казалось, ветви слишком тонки, чтобы выдержать его стремительный напор.

Дорина долго смотрела на картину, пока Максимус Керби наконец не спросил ее очень тихо:

— Что вы видите?

— Я знаю, что китайские художники всегда пытались выразить духовную сущность, скрывающуюся под материальной оболочкой, — ответила она.

Помолчав немного, Дорина медленно произнесла:

— Я думаю, что пруд и цветы — это наша повседневная, обыденная жизнь.

— Продолжайте...

Ей показалось, что в его глазах промелькнуло удивление.

— Возможно, я ошибаюсь, — сказала она, — но мне кажется, что вместо того, чтобы мирно сидеть у пруда среди цветов, мы должны... попытаться взобраться на эту скалу. Это трудно и опасно, и ледяной ветер будет пронизывать нас насквозь, но только так мы сможем раскрыть свою истинную сущность и выполнить свое предназначение.

В наступившей тишине Дорина внезапно почувствовала, что Максимус словно стал ей намного ближе.

Затем он взял ее за руку и подвел к другой картине.

— Расскажите мне, что она означает.

От прикосновения его руки ее вдруг охватил непонятный трепет. Он всего лишь взял ее за руку, но ей показалось, что в этот момент она стала безраздельно принадлежать ему.

В нем была какая-то сила, какая-то огромная внутренняя энергия, и она неожиданно почувствовала себя слабой и беспомощной. Ей хотелось опереться на него и знать, что он защитит ее.

Он убрал руку, и усилием воли она заставила себя не думать о нем, а сосредоточиться на картине.

Казалось, что снова художник пытался немногими скупыми штрихами выразить очень глубокую мысль.

На картине был изображен мост, а под ним — стремительно несущаяся река. Повсюду росли цветы, деревья сгибались под тяжестью плодов. По небу плыло облако, а над ним возвышались заостренные вершины гор, сверкающие на солнце. Дорина долго разглядывала картину, но ее взгляд невольно возвращался к этим блистающим вершинам.

— Как вы думаете, что это означает? — спросил Максимус.

— Я... не уверена... — ответила Дорина. — Мне кажется... что для разных людей эта картина имеет разный смысл... но я не знаю, как выразить то, что я чувствую.

Она помолчала, а потом добавила:

— Может быть, вы мне разрешите еще раз посмотреть на нее, и тогда я смогу понять, что она означает для меня.

Он не ответил.

Она еще раз обвела глазами комнату и почувствовала, что здесь царит атмосфера покоя и умиротворенности.

— Я уверена, — медленно произнесла она, — что вы приходите сюда, когда вас что-то тревожит или мучает. Я думаю, что здесь сердце вашего дома.

Едва сказав это, она смутилась, потому что эти слова прозвучали слишком напыщенно и не по-английски. Но они так естественно сорвались с ее губ.

Она испугалась, что Максимус рассмеется. Но он молча повел ее обратно в новую часть дома.

Дорина думала, что он предложит ей посидеть с ним и продолжить их беседу, но он подвел ее к лестнице, и она поняла, что ей пора отправляться к себе.

Она протянула руку.

— Спокойной ночи, мистер Керби. Спасибо вам за то, что вы показали мне ваш замечательный дом.

— Я счастлив, что он вам понравился, — учтиво ответил он.

На его лице было какое-то странное выражение, которого она не могла понять.

Внезапно он стал чужим и холодным, словно она чем-то обидела его. Затем, не глядя на нее, он быстро поклонился и ушел.

Лежа в постели, Дорина долго размышляла о его странном поведении. Она снова и снова перебирала в уме все, что произошло с

того момента, когда она впервые увидела его на борту «Осаки».

«Он непредсказуем», — подумала она.

Она вспомнила, как все, кто знал его, наперебой рассказывали о его экстравагантности и великолепии, о его пристрастии к красивым эффектам! Но ни один человек не обмолвился о том, что Максимус Керби гораздо более образован, чем все знакомые ей мужчины!

Она допускала, что ее отец, такой тонкий знаток английской архитектуры, возможно, был способен оценить китайскую живопись, но он никогда бы не понял ее глубины. Нельзя было даже вообразить, чтобы кого-либо из тех джентльменов, которые гостили у них в Олдеберн-парке, вообще интересовали подобные вещи. Однако, по всей видимости, они интересовали Максимуса Керби.

Каким же он был в действительности, этот странный, удивительный человек, который скоро станет мужем ее сестры?

«Мужем моей сестры!»

Дорина прошептала эти слова и быстро уткнулась лицом в подушку, тщетно пытаясь заглушить внезапную боль, которая пронзила ее сердце.

Глава 6

Дорина медленно обошла большую гостиную, в которой царили прохлада и полумрак, и выглянула в сад.

Над орхидеями порхали многочисленные бабочки, одна ярче другой — малиновые, оранжевые, желтые, ярко-красные и бирюзовые. Они казались более нежными и изящными, чем цветы. За то время, которое она провела в Сингапуре, Дорина успела привыкнуть ко многим вещам, но красота здешних бабочек не переставала приводить ее в восхищение.

Дорина смотрела, как теплые, золотые лучи солнца заливают все вокруг, окутывая горизонт мерцающей дымкой, и внезапно у нее сжалось сердце при мысли о том, что очень скоро ей предстоит вернуться в Англию, где ее ожидают дожди, холод и слякоть.

Ее экзема вспыхнет с новой силой, и она опять, словно тень, станет бродить по Олдеберн-парку, шарахаясь от людей, не смея показаться никому на глаза.

Снова на ее плечи лягут многочисленные домашние дела и заботы. Она явственно услышала голос отца, говорившего:

— Где Дорина? Предоставьте это ей!

Или более мягкие жалобные интонации матери:

— Дорина, пожалуйста, позаботься обо всем сама. Я совершенно не в состоянии разговаривать с поваром, когда он в таком настроении.

Все опять пойдет, как прежде, и через несколько недель она будет чувствовать себя так, словно никуда и не уезжала. Ей не останется ничего, кроме воспоминаний.

Воспоминаний о бабочках, о солнечном свете, о том, какой она была хорошенькой, как непринужденно разговаривала и смеялась с окружающими. Но самыми дорогими останутся воспоминания о Максимусе Керби!

Шел уже шестой день их пребывания в Сингапуре, и, однако, как ни странно, после той первой ночи, когда он показал ей свои сокровища, они ни разу не сказали друг другу ни слова наедине.

За эти дни она начала понимать, как много он работает, сколько это отнимает у него сил и времени.

К ленчу и к обеду у них постоянно бывали гости — проезжие знаменитости, китайские мандарины в длинных национальных костюмах и торговцы, чья европейская одежда была не в силах скрыть их восточное происхождение.

Среди гостей были также служащие Ост-Индской компании, капитаны и офицеры военных судов из разных стран мира, а также представители колониальных властей со всех уголков Малайи и окружающих островов.

Трудно было представить, как у одного человека могли быть столь разные интересы и как он успевал сделать так много за день.

Максимус вставал очень рано, и задолго до того, как его гости начинали просыпаться, он уже был у себя в кабинете или совершал прогулку верхом на горячем жеребце, что, как выяснила Дорина, было его любимым видом спорта.

Он рано вставал и поздно ложился, при этом столько проблем требовали его личного внимания, что зачастую, прислушиваясь за столом к его беседе, Дорина думала, что вряд ли найдется еще человек, отдающий столько сил и энергии своему делу.

— Мистер Керби — выдающийся человек, — сказала она как-то Ли Чанг Ло.

Это был личный секретарь Максимуса Керби, который работал у него еще с тех пор, как тот впервые приехал в Сингапур.

В своих руках с длинными наманикюренными ногтями он держал все нити их небольшой империи.

— Все дело в правильной организации, мисс Хайд, — ответил он на чистейшем английском языке.

Увидев, что Дорина заинтересовалась, он продолжал:

— Мистер Керби старается не терять времени по мелочам, дожидаясь, пока будут выполняться его распоряжения — пока слуги упакуют вещи или подготовят яхты к плаванию.

— Что вы имеете в виду?

— Днем и ночью у дверей стоят экипажи, — ответил Ли Чанг Ло. — Если мистеру Керби понадобится куда-нибудь поехать, они всегда наготове. Ему не приходится посылать человека на конюшню.

— Это очень предусмотрительно! — воскликнула Дорина.

— Обе яхты мистера Керби всегда готовы выйти в море, как только он поднимется на борт, — продолжал Ли Чанг Ло.

— Обе яхты?

— У мистера Керби есть паровая яхта, «Морской дракон», на которой вы прибыли, и парусная яхта «Морская нимфа», которую вы непременно должны попросить его показать вам. Это большая китайская джонка, которую он отбил у пиратов и обставил со всевозможными удобствами.

— Это просто удивительно!

— На борту каждой из яхт имеется полный комплект одежды, — пояснил Ли Чанг Ло, — таким образом, если, находясь в городе, он решит отправиться в любую часть света, он может сделать это без промедления, даже не заезжая домой.

Дорина захлопала в ладоши.

— Это очень хорошо придумано! — воскликнула она. — Вы правы! Теперь я вижу, что ни минуты не теряется на каждодневные мелочи. Это оставляет мистеру Керби больше времени для важных дел, в которых, я уверена, вы оказываете ему неоценимую помощь.

Китаец поклонился и, как будто слова Дорины напомнили ему о его обязанностях, поспешно удалился.

Дорину неизменно удивляло, с каким вниманием относился Максимус к вещам, на первый взгляд незначительным.

Конечно, человек с его положением должен быть очень осторожен в деловых вопросах, стараясь не упустить ни одной детали. Но и по отношению к Летти он проявлял не только щедрость, но и подчеркнутое внимание, тщательнейшим образом выбирая каждый подарок, который собирался ей преподнести.

На второй день после их приезда Летти получила, помимо ожерелья и браслета, которые составили гарнитур с ее обручальным кольцом, изумительно красивую брошь в виде райской птички, грудь и хохолок которой были усыпаны разноцветными драгоценными камнями. Тончайшая работа привела в восхищение Дорину и сестру Терезу.

Но Летти потеряла интерес к этому подарку так же быстро, как и к ожерелью, которое Максимус преподнес ей спустя два дня. Оно было сделано из покрытых эмалью и усеянных бриллиантами и рубинами крохотных бабочек, скрепленных между собой изумрудами.

Его внимание к будущей жене было естественным, но когда он сделал подарки и Дорине, хотя они сильно отличались от тех, которые

он покупал для Летти, она была чрезвычайно растрогана.

Когда Летти получила брошь в виде райской птички, Дорине, как она втайне и ожидала, был подарен небольшой китайский дракончик, сделанный из ярко-зеленого нефрита.

Открыв маленькую коробочку, в которой он лежал, Дорина почувствовала себя крайне неловко, потому что она практически напросилась на этот подарок, но ей не оставалось ничего другого, как принять его с благодарностью.

Она порылась в книгах, которые привезла с собой из Англии, и пришла к убеждению, что этот дракончик был времен династии Чинг. Хотя и не такой старинный, как нефритовые изделия из коллекции Максимуса Керби, он в то же время отличался тонкой работой и более ярким, насыщенным зеленым цветом.

На следующий день она получила резной шарик из слоновой кости с тонким и замысловатым узором. Трудно было поверить, что это творение человеческих рук.

— Вы только взгляните на эти мельчайшие детали! — воскликнула она.

— Китайцы славятся тем, что уделяют огромное внимание деталям, — сказала сестра Тереза. — Я вспоминаю одну даму, которая порвала свой парижский туалет. Хотя место разрыва было аккуратно заштопано, она не хотела больше надевать это платье и отдала его китайскому портному, чтобы он сделал точную копию.

Сестра Тереза рассмеялась.

— Он скопировал его в точности, включая и заштопанное место.

Шарик из слоновой кости лежал в маленькой деревянной коробочке, обтянутой вышитой тканью и обитой изнутри шелком.

— Мне кажется, что подарок, — сказала Дорина сестре Терезе, — кажется еще более приятным, когда он так красиво упакован.

— Китайцы достигли высочайшего мастерства в изготовлении таких коробочек, — ответила сестра Тереза. — К тому же они относятся к подаркам почти с благоговением и помнят их всю жизнь.

— Я всегда буду помнить мои подарки, — сказала Дорина, пытаясь представить себе, как они будут смотреться в ее спальне в Олдеберн Парке.

Каждый день она гладила своего маленького нефритового дракончика, чтобы он отогнал от нее дурные помыслы и чувства,

главным из которых была ревность!

Ей трудно было не испытывать ревности по отношению к Летти не потому, что, став женой Максимиуса Керби, она будет купаться в роскоши, а потому, что она сможет всегда быть рядом с ним.

Что может быть более захватывающим, спрашивала себя Дорина, чем слушать рассказы человека, который знает так много интересного о самых разнообразных вещах? В чьем характере скрыты такие глубины, о которых мало кто догадывается.

Втайне она была очень рада (хотя и корила себя за это), что Максимиус Керби не показывал Летти тех комнат, где он хранил свои самые дорогие сокровища.

Он провел Летти, как в свое время Дорину, по всему новому крылу дома, и Летти сказала все, что от нее ожидали, по поводу украшений, картин и огромных фарфоровых драконов, которые, как сообщил ей Максимиус Керби, охраняли дом от демонов.

— У меня есть и другие охранники, — быстро добавил он, заметив встревоженное выражение ее глаз, — и они стоят на страже днем и ночью. Вам не о чем покоиться! Хотя не думаю, чтобы кто-нибудь в Сингапуре решил предпринять попытку ограбить меня!

По настоянию сестры Терезы Летти стала есть вместе со всеми в столовой, но к вечеру она обычно чувствовала себя слишком утомленной, и за шесть дней она лишь дважды спускалась к обеду.

Дорина пыталась каждый раз рассказывать ей о том, какие интересные гости были приглашены на вечер, но Летти даже не хотела ее слушать.

— Слишком много народу! — решительно заявляла она. — И они так громко разговаривают, что у меня начинает болеть голова!

— Но, Летти, тебе ведь скоро придется принимать их и справляться с ролью хозяйки! — с отчаянием говорила Дорина.

— Нет! — твердо отвечала Летти.

Последние два дня она уже не так часто жаловалась и повторяла, что хочет вернуться домой. Сестра Тереза показала ей миссионерскую школу, и Летти очень заинтересовалась китайскими детьми.

Дорина тоже ходила с ними и нашла, что малыши были просто очаровательны — мальчики с длинными косичками и девочки с темными волосами, собранными в пучок высоко на темени.

Маленькие круглые личики и раскосые глаза делали их похожими, по словам Летти, на куколок. Сестре Терезе с трудом удалось увести ее домой.

С тех пор она ни о чем другом не говорила, и даже когда Максимус подарил ей жемчужное ожерелье, оно не привлекло ее внимания.

— Это очень ценный и красивый жемчуг, — сказала сестра Тереза Дорине.

Ей тут же вспомнился рассказ доктора Джонсона и эконома о любовнице Максимуса Керби «Несравненной Жемчужине», которой он подарил так много жемчуга, что все были удивлены, как ее длинная хрупкая шея не сгибается под его тяжестью.

Она представила, какой прелестной должна была быть «Несравненная Жемчужина», если Максимус увлекся ею.

Здесь, в своих владениях, он мог получить любую женщину, стоило ему лишь пожелать ее, думала Дорина. Она не могла понять, почему в таком случае он собрался жениться.

На следующий день за ленчем она сидела рядом с сэром Хьюго Лоу, резидентом Перака (*Перак — княжество в Малайе, расположенное на западе полуострова Малакка.*) , которому, как ей говорили, это княжество во многом было обязано своим процветанием.

Когда сэр Хьюго занял эту должность, Перак был обременен долгами, оплатить которые казалось невозможным.

Умный и оборотливый сэр Хьюго, с помощью Максимуса Керби, стал поощрять торговлю, что привело в конечном итоге к улучшению дел в княжестве.

— Я даже не могу сказать вам, — сказал он Дорине, — насколько мистер Керби помог мне в осуществлении моих планов.

— Похоже, он помогает всем, — ответила Дорина. — Не могу понять, почему его до сих пор не сделали губернатором Сингапура.

Сэр Хьюго Лоу улыбнулся.

— Мы прилагаем все усилия, чтобы избавиться от теперешнего губернатора.

— Почему?

— Его назначили на эту должность два года назад, — сказал сэр Хьюго, — и он до сих пор ни разу не побывал в Малайе!

— Он ни разу не был здесь? — изумилась Дорина. — Но это просто невероятно! Неудивительно, что кому-то другому приходится выполнять его работу!

— Мы с мистером Керби нажимали на все пружины, и я надеюсь, успешно, чтобы на пост губернатора был назначен сэр Фредерик Уэлд. Одно время он был губернатором Западной Австралии и Тасмании и сможет принести очень много пользы в Сингапуре.

— Но почему не назначить на этот пост мистера Керби? — спросила Дорина.

— Он еще очень молод, — ответил сэр Хьюго. — К тому же, он пока еще неженат, хотя в ближайшем будущем это упущение будет исправлено.

— Вы хотите сказать, что тогда у него появится шанс получить эту должность?

— Сэр Фредерик совершенно ясно дал понять, что не собирается долго занимать этот пост. Он слишком стар, и когда он уйдет в отставку, совершенно очевидно, кто займет его место.

«Теперь понятно, — подумала Дорина, — почему Максимус Керби решил жениться!»

Несомненно, при его образе жизни жена была ему просто необходима.

К тому же, поскольку губернаторов обычно посвящали в рыцари либо перед назначением, либо сразу после него, королева всегда выбирала людей с незапятнанной репутацией, которые вели самый безупречный образ жизни, или хотя бы соблюдали видимость благопристойности.

Связь с такими женщинами, как «Несравненная Жемчужина» и Голди, была недопустима для личного представителя Ее Величества королевы Великобритании, императрицы Индии. Поэтому Максимус Керби и счел нужным жениться!

Теперь, когда Дорина знала, чем он руководствовался в своем решении, ей было нетрудно представить себе, как все произошло.

Керби отправился в Англию, чтобы приобрести оборудование, нанять подрядчиков, купить лошадей и подыскать себе жену.

Он познакомился в клубе с ее отцом. По-видимому, рассказывая Максимусу Керби о великолепных лошадях графа, кто-то упомянул о необычайной красоте его дочери.

Дальше все шло, как по нотам. Он приехал в Олдеберн-парк, и одного взгляда на Летти было достаточно, чтобы он пришел к выводу, что именно такая жена и нужна губернатору Сингапура.

Летти была очень красива, что имело для него большое значение, к тому же ее происхождение и воспитание были безупречны.

Его предложение было принято, и Летти приехала в Сингапур, чтобы выйти за него замуж.

Но что Максимус чувствует теперь, когда встретился с ней, лишенной родительской опеки?

Эта мысль так пугала Дорину, что она старалась гнать ее от себя. Ей было ясно, насколько важна была предстоящая женитьба для его дальнейшей карьеры, и Дорина прикладывала все усилия, чтобы заставить Летти понять, что именно от нее потребуется в будущем.

Иногда Летти, казалось, внимала ее наставлениям, но чаще всего она сидела с отсутствующим видом, явно не слыша ни слова из того, что ей говорили, и даже не пытаясь сосредоточиться.

Когда однажды утром Дорина зашла к Летти, та была сильно не в духе.

— Уходи, Дорина! — заявила она. — Я не желаю тебя слушать! Я хочу побыть с сестрой Терезой, а потом мы с ней опять пойдем к детям!

— Только не сегодня утром!

— Почему? — спросила Летти, мгновенно надувшись оттого, что ей не позволяют поступать так, как хочется.

— Потому что сегодня ленч подадут раньше, чем обычно, — ответила Дорина, — а потом мы поедем посмотреть плантации мистера Керби. Ты же помнишь, он тебе рассказывал о них, и ты обещала побывать там.

Летти передернула плечами.

— Это очень важно, Летти, — настаивала Дорина. — Если эксперименты мистера Керби увенчаются успехом, это будет иметь огромное значение для процветания Сингапура.

— Я не желаю ехать ни на какие плантации!

— Но там очень интересно, — принялась увещевать ее Дорина. — К тому же, ты увидишь множество китайских и малайских ребятишек, которые работают вместе со своими родителями.

— Там будет слишком жарко!

— Мы отправимся позже, когда станет немного прохладнее. У тебя будет время отдохнуть после ленча. Ты поспишь, а когда встанешь, будешь чувствовать себя намного бодрее. Я уверена, что поездка доставит тебе удовольствие. Там, должно быть, очень красиво.

Но Летти была настроена враждебно, и Дорина предпочла удалиться, понимая, что если сейчас вступить с ней в пререкания, она впадет в ярость и устроит сцену. Лучше всего дать ей возможность свыкнуться с мыслью о поездке, и когда придет время выезжать из дому, это не будет для нее неожиданностью.

Дорина спустилась вниз.

Она знала, что на утро у Максимуса назначено несколько встреч в городе, поэтому в доме было очень тихо.

Повинуясь внезапному порыву, она направилась по коридору в старую часть дома. С того первого вечера, когда Максимус показывал ей дом, она больше ни разу не была там.

Она надеялась, что он предложит ей еще раз взглянуть на коллекцию фарфора и на картины, но он ни словом не обмолвился об этом. Как ей казалось, он даже сожалел о том, что показал ей свое святилище.

«Может быть, мне лишь почудилось, что эти комнаты так сильно отличаются от всего остального дома», — подумала Дорина.

С неожиданной для самой себя решительностью она направилась ко внутреннему дворику, который показался ей еще красивее, чем в первый раз.

Она знала, что он называется «дворик для тихих бесед».

Ей представилось, как в давние времена, когда дом был только что построен, жены или наложницы хозяина сидели здесь и тихо разговаривали друг с другом своими нежными, музыкальными голосами.

Дверь в ту комнату, где хранилась коллекция нефрита, была открыта, и Дорина принялась с интересом разглядывать древние сокровища, собранные Максимусом Керби.

Она обратила внимание на вырезанный из зеленого с белым нефрита цветок лотоса. Он был сделан так искусно, что казалось, лепестки вот-вот раскроются.

Потом ее заинтересовали фигурка китайской богини, сделанная из коралла, и диск с выгравированными на нем драконами, который, по

мнению Дорины, был очень старинным, возможно, сделанным еще за много веков до нашей эры.

Она ненадолго задержалась у столика с нефритом, а затем, словно повинувшись неслышному зову, отодвинула расшитую портьеру и вошла в дальнюю комнату.

На нее вновь снизошли покой и умиротворение, и она опять подумала, что именно сюда приходит Максимус Керби всякий раз, когда проблемы, встающие перед ним, кажутся ему неразрешимыми.

У нее было такое ощущение, будто к пылающему лбу приложили холодную руку. Как и в прошлый раз, она сначала посмотрела на маленькую керамическую лошадь, а потом ее взгляд устремился к картинам.

Она была уверена, что не ошиблась в своем понимании той, на которой огромная голая скала так явно контрастировала с застывшим прудом, окруженным цветами.

Она повернула голову и посмотрела на другую картину, где была изображена река с плывущими над ней облаками, а над ними — высокие горные вершины.

Только сейчас она заметила одну деталь, которая в прошлый раз ускользнула от ее внимания. Несколькими скупыми штрихами художник хотел показать, что река образовывалась из двух потоков, которые под мостом соединялись.

Дорина долго стояла, глядя на картину. Ей приходили в голову разные ассоциации, но она не была уверена, какая из них более отвечает замыслу художника.

Наконец с легким вздохом она вышла из комнаты, чувствуя себя, как после посещения церкви, словно какие-то высшие силы помогают ей и поддерживают ее.

Перед ленчем она поднялась в комнату Летти. К своему глубокому изумлению она обнаружила, что ни Летти, ни сестры Терезы там не было!

Они приехали, когда стол уже был накрыт, и все ждали только их. В этот день к ленчу были приглашены гости, но ее Максимус и был раздосадован опозданием Летти, он не подал виду. Встретив ее с улыбкой, он, как обычно, поднес ее руку к губам.

— Я прошу прощения, — сказала сестра Тереза. — У меня сломались часы, и я не знала, что уже так поздно.

— Вижу, мне придется купить вам новые, — ответил Максимус.

— Будет гораздо дешевле починить старые, — возразила сестра Тереза.

— Это тоже нужно сделать, — сказал Максимус. — Не вредно всегда иметь что-нибудь в запасе.

— Как это на вас похоже, Керби! — воскликнул один из гостей. — У вас всегда есть что-то в запасе. В этом секрет ваших успехов!

Все засмеялись и направились в столовую. Летти, в светло-голубом платье, цвет которого так подходил к ее глазам, казалась необычайно хорошенькой. Она была в прекрасном настроении, и, по всей видимости, поход в город с сестрой Терезой вовсе не утомил ее.

Однако ей обязательно нужно было отдохнуть перед поездкой, поэтому как только все встали из-за стола, Дорина увела ее наверх и заставила лечь в постель.

В комнате было прохладно, к потолку были подвешены два опахала, благоухали цветы, стоявшие повсюду в больших вазах. Через открытое окно ветерок доносил из сада аромат цветущих деревьев.

— Постарайся уснуть, Летти, — уговаривала Дорина. — Я хочу, чтобы ты хорошенько отдохнула. Мистер Керби собирается показать тебе столько интересного!

— А ты поедешь с нами? — спросила Летти.

— Да, если ты хочешь, — ответила Дорина. — Но было бы лучше, если бы вы с мистером Керби отправились вдвоем.

— Я хочу, чтобы ты поехала с нами, — упрямо сказала Летти.

— Хорошо, — пообещала Дорина.

Она была бы очень разочарована, если бы ей пришлось остаться, но в то же время с готовностью согласилась бы на это, предпочти Летти поехать вдвоем с Максимусом.

Сестра Тереза сказала, что, пока они будут отсутствовать, она сходит в город, так как у нее накопилось много дел.

— Я помогу вам одеть Летти, — сказала она Дорине, — а потом потихоньку улизну. Боюсь, что мне придется уехать в Саравак, не дожидаясь свадьбы.

— О, пожалуйста, не делайте этого! — взмолилась Дорина. — Я даже не могу представить, как Летти будет без вас обходиться, к тому же я еще ничего не рассказывала ей о предполагающихся торжествах!

Сестра Тереза взглянула на Дорину, на губах у нее промелькнула тень усмешки.

Они обе отлично знали, что Керби каждый день вносит изменения в свои планы, добавляя все новые и новые эффектные детали.

На званом приеме будет столько разнообразных развлечений и аттракционов, что он скорее будет напоминать ярмарку.

Дорина сочла бы все эти пышные торжества вульгарными, если бы не знала, что это именно то, чего ожидают китайцы.

Для них бракосочетание — серьезная и долгая церемония. Сначала профессиональная сваха проводит предварительные переговоры. Затем стороны консультируются у астролога, чтобы узнать, будет ли намечающийся союз удачным.

Если астролог дает благоприятный прогноз, происходит обмен подарками; мужчина посылает будущей невесте золотое кольцо и драгоценности, а девушка в ответ посылает золотую шпильку или драгоценный камень. После этого они считаются помолвленными.

По словам Ли Чанг Ло, от которого Дорина узнала обо всех этих подробностях, китайские женихи почти никогда до свадьбы не знакомятся со своими будущими женами.

К свадебному ритуалу идут самые торжественные приготовления; каждое них имеет особый смысл.

Вступающие в брак обмениваются свечами, бумажными драконами, подносами с рыбой, фруктами, шелковыми и хлопковыми саронгами, двумя утками, жареными поросятами, жареными козлами и еще сотней разнообразных подарков.

После завершения церемонии все собравшиеся провожают невесту в дом жениха, стреляя «на счастье» из хлопушек.

— В течение трех дней после свадьбы, — рассказывал Ли Чанг Ло, — все друзья жениха и невесты шлют им подарки и деньги. По прошествии двенадцати дней родители невесты устраивают пир, на который в качестве почетных гостей приглашаются молодожены.

— И на этом все празднования заканчиваются? — спросила Дорина.

— Нет! Церемонии завершаются лишь концу месяца, когда молодая жена наносит своим родителям официальный визит.

— Все это кажется очень сложным! — воскликнула Дорина. — И так происходит всякий раз, когда китаец берет себе новую жену?

— У него может быть три или четыре жены, — пояснил Ли Чанг Ло, — но, как правило, здесь, в Стрейтс-Сеттлментс, китаец имеет лишь одну жену. Если он приводит в дом других женщин, те выступают в роли наложниц. Но дети всех женщин находятся в равных условиях, и между ними не делается различий.

— А если отец умирает?

— Его состояние делится поровну между всеми отпрысками мужского пола, — ответил Ли Чанг Ло.

Если простые китайцы тратили столько сил и труда на подготовку к свадьбе, можно было представить, чего они ожидали от Максимуса Керби!

Дорина понимала все это, но ей также было ясно, что очень нелегко будет объяснить Летти, зачем необходимы все эти пышные торжества, а уж рассчитывать, что она с готовностью согласится принять в них участие, и вовсе не приходилось.

Узнав, что в день свадьбы, как только стемнеет, будет устроен великолепный фейерверк, Дорина поняла, что должна как-то помешать этому.

На Востоке таким образом традиционно завершали свадебную церемонию, но Летти ненавидела фейерверки, к тому же шум и выстрелы напомнят ей о нападении пиратов.

Дорина рассчитывала на то, что молодожены отбудут в свадебное путешествие до того, как начнется фейерверк. Если же у Максимуса другие планы, ей придется поговорить с ним.

Но Дорина даже не представляла, что она ему скажет!

Она направилась к себе в комнату, чтобы немного почитать в тишине.

Она редко спала после ленча. Ей было жаль тратить время на сон.

«У меня будет достаточно времени отоспаться по дороге домой», — с грустью думала она.

Поэтому обычно вместо сна она читала книги, которые нашла в обширной библиотеке, оборудованной в новом крыле дома.

Если бы она не знала, насколько широк круг интересов Керби, она поняла бы это, взглянув на книги, которые он собрал в своей библиотеке.

Здесь были работы по истории Востока, биографии выдающихся деятелей Запада, древние китайские книги, к сожалению недоступные

ее пониманию, и романы на французском языке, которыми она впервые имела возможность насладиться,

Ее отец всегда отказывался «попусту тратить деньги» на книги, а библиотека ее деда, которая была ее единственной радостью, к сожалению, очень устарела.

Дорина читала быстро, но все равно с отчаянием понимала, что не сможет до своего отъезда просмотреть и сотой доли всех книг, хранившихся в библиотеке Максимуса Керби.

Сейчас, хотя и поглощенная чтением, Дорина все же поглядывала на часы. Она специально оделась пораньше, чтобы у нее осталось достаточно времени помочь собраться Летти.

Еще подходя к комнате сестры, она услышала доносившиеся из-за двери голоса, и поняла, что сестра Тереза спорит с Летти.

— Вы вовсе не устали, — говорила сестра Тереза. — Если вы встанете, то сразу же почувствуете себя намного лучше!

— Я не хочу вставать, — отвечала Летти. — Я готова подняться лишь в том случае, если мы отправимся в миссию поиграть с детьми.

— Сегодня днем там не будет детей, тому же вы обещали мистеру Керби поехать с ним посмотреть плантации.

— Я слишком устала, — непреклонно заявила Летти.

— О, Летти, ты не можешь так обмануть его ожидания! — вмешалась Дорина. — Он так хочет показать тебе свои новые посадки! Он уже несколько дней говорит о них, и я объясняла тебе, какой интересный опыт он проводит.

— Я никуда не поеду! — снова воскликнула Летти.

Она отвернулась к стене и закрыла глаза. По тому, как она поджала губы, Дорина поняла, что вряд ли удастся ее уговорить. Дорина и сестра Тереза всячески умоляли и увещевали ее, но все было напрасно. Она наотрез отказалась ехать на плантации.

В конце концов Дорина была вынуждена спуститься вниз и сообщить Максимусу, ожидавшему их, что Летти нездоровится.

— Боюсь... сегодня было слишком жарко... — нерешительно пробормотала она, не глядя на него, потому что ей не хотелось видеть его огорчения.

— Я считал, что сегодня довольно прохладно, — сухо сказал он.

— Возможно, ей не следовало выходить утром.

— За ленчем мне показалось, что она в отличном настроении, — заметил Максимус. — Ну что ж, если сегодня она не может поехать, отложим это на другой день.

Чувствуя, что он раздосадован, Дорина нерешительно произнесла:

— В следующий раз меня может уже не быть здесь. Может быть... вы согласитесь показать мне плантации сегодня?

— Вы действительно хотите поехать?

— Очень! Если только это вас не затруднит, — ответила Дорина.

— Я специально освободил время, чтобы съездить на плантации, — сказал он. — Честно говоря, у меня есть там кое-какие дела. Так что, если вы готовы сопровождать меня...

— О, пожалуйста, позвольте мне поехать с вами, — попросила она, и глаза у нее загорелись.

— Что ж, отлично, в таком случае мы можем отправляться в путь.

— Дайте мне лишь две минуты, я поднимусь к себе надеть шляпку.

Максимус хлопнул в ладоши и отдал распоряжение. Китайский мальчик побежал наверх и через минуту вернулся, неся шляпу Дорины, ее зонтик и ридикюль, которые она оставила на столе у себя в комнате.

Не потрудившись даже бросить взгляд в зеркало, она быстро надела шляпу и поспешила следом за Максимусом.

У парадной двери под крышей она увидела не экипаж, как рассчитывала, а двухместный фаэтон.

Он сильно отличался от высоких и несколько нелепых фаэтонов, которые она привыкла видеть в лондонских парках. Это была удобная, легкая коляска на рессорах и с большими колесами, способная, судя по всему, развивать большую скорость. В нее были впряжены две лошади.

— В фаэтоне мы сможем путешествовать намного быстрее, чем в экипаже, — объяснил Максимус, словно угадав ее мысли.

Они тронулись и поехали так быстро, что Дорина не могла даже удержать в руках зонтик. По счастью, ее соломенная шляпка была украшена широкими лентами, завязывающимися под подбородком.

Стояла великолепная погода, а поскольку они поднимались все выше и выше в гору, жара вовсе не казалась непереносимой.

Узкими дорогами с обилием цветов по обочинам они двигались на север, направляясь в глубь страны.

Их окружал лес цветущих деревьев, красота которых казалась Дорине просто невероятной.

Спустя час с небольшим они достигли первой плантации Максимуса Керби.

— В свое время я немало экспериментировал с различными культурами, сажая тапиоку, сладкий картофель, саго, табак, сахарный тростник и ананасы, — по дороге рассказывал он Дорине, — но последние девять лет мы пытаемся получить совершенно новую для Малайи продукцию, которая, как я полагаю, будет иметь огромное значение для экономики страны.

— Что это? — поинтересовалась Дорина.

— Каучук! — ответил он.

— Я всегда считала, что каучук добывают именно в этой части света.

— Пока еще нет, — ответил Максимум. — Тот каучук, который известен в Европе, был обнаружен испанцами в Америке.

— Да, конечно. Теперь я вспоминаю.

— Один из испанских священников писал, как ацтеки играют мячами, сделанными из сока особых растений, которые, будучи с силой брошены на землю, тут же высоко подскакивают вверх.

Дорина рассмеялась.

— С тех пор для каучука, бесспорно, нашли более практичное применение

— Одним из самых ценных изобретений, я полагаю, был прорезиненный материал, из которого шьют макинтошы, хотя я не могу представить вас в одном из них, — сказал Максимум.

— Я читала об этом, — отозвалась Дорина, радуясь возможности проявить свою эрудицию, — технологию его изготовления разработал шотландский химик по имени Чарльз Макинтош.

— Возможно, мы с вами почерпнули информацию из одних и тех же книг! Как бы то ни было, я пришел к выводу, что можно с большим успехом выращивать каучуконосы в Малайе, а привез их сюда сэр Чарльз Маркхэм, который, несомненно, является выдающимся человеком!

— Я много слышала о нем, — пробормотала Дорина.

— Он провел ряд экспериментов в Кью-Гарденз (*Кью-Гарденз — большой ботанический сад, находится в западной части Лондона,*

Основан в 1759 г.) , которые убедили его, что каучуконосы можно с успехом разводить в Индии и Малайе. А теперь вы побываете на плантации и сможете сами посмотреть, как выращивают каучуковые деревья.

— Я надеюсь, что ваши опыты увенчаются успехом! — с жаром сказала Дорина.

В глубине души она ни минуты не сомневалась, что его ждет удача. Она чувствовала, что, какими бы дерзкими ни казались его замыслы, он всегда сумеет с успехом воплотить их в жизнь.

«Неудивительно, что судьба так благоволит к нему — ведь она женского рода!» — подумала Дорина.

Она была уверена, что ни одна женщина, за исключением Летти, не смогла бы устоять перед Максимусом. Она не смела признаться даже самой себе в том, какие чувства испытывала, оставаясь наедине с ним!

Они свернули к плантациям.

Повсюду им встречались огромные, тяжеловесные буйволы, издающие странные звуки и похожие на доисторических чудовищ.

Грязь стекала с их боков, когда они, перейдя болото, медленной, тяжелой походкой брели по сухим полям; зачастую их погоняли маленькие малайские ребята, властно покрикивая на них.

— Индийские фермеры предпочитают разводить коров, а китайские — уток и свиней, — заметил Максимус Керби.

Во всех водоемах, даже самых маленьких, плавали стаи белоснежных уток.

«Ими можно накормить тысячи китайцев в Сингапуре!» — подумала Дорина.

Они остановились, и к фэзтону поспешил надсмотрщик, чтобы отчитаться перед мистером Керби о положении дел.

На полях работало множество мужчин и женщин. Огромные конусовидные шляпы защищали их от палящих лучей солнца.

Земля казалась плодородной, и урожай, по всей видимости, обещал быть хорошим.

Дорина с удовольствием поговорила бы с одним из кули, но она знала, что они не поймут ее. Обычно лишь надсмотрщики говорили по-английски.

Плантации были намного обширнее, чем она ожидала, и находились на значительном расстоянии друг от друга.

Дорина понимала, что поскольку его сопровождала она, а не Летти, Максимус мог уделить больше внимания делам, так как ему не приходилось беспокоиться о том, чтобы его будущая жена не переутомилась.

— А сейчас мы увидим мою каучуковую плантацию, — сказал он с некоторой гордостью.

Они проехали немного вперед, туда, где он вырубил часть непроходимых девственных джунглей для того, чтобы посадить свои новые деревья.

— Вас не должно смущать, что деревья еще так малы, — сказал он ей. — Они посажены не так давно, и вам, я думаю, будет интересно узнать, что деревья этого вида зачастую достигают ста двадцати футов в высоту, а обхват ствола у них бывает более восемнадцати дюймов!

— Но это же очень много! — заметила Дорина.

— Конечно, — согласился Максимус. — Но средний рост деревьев составляет примерно от шестидесяти до восьмидесяти футов, что меня вполне устраивает!

— А когда вы будете делать подсочку (*Подсочка — искусственное ранение растущих деревьев для получения живицы (смолы) хвойных пород, каучука гевеи и др., сахаристых соков березы, клена и др.*) ... кажется, это так называется? — поинтересовалась Дорина.

— Да, совершенно верно, но этого нельзя делать, пока деревьям еще нет пяти-шести лет. Когда они достигают этого возраста, тогда с деревьев срезаются тонкие полоски коры, и млечный сок, или как его называют, латекс, собирают в чашки.

Каучуковые деревья были посажены на большом расстоянии друг от друга. Максимус пояснил, что обычно по краям плантацию защищают с помощью кустов кофе или какао, как сделано было и у него.

Они проехали довольно значительное расстояние, и наконец он остановил лошадей возле небольшого бунгало, очевидно построенного совсем недавно. Оно стояло в глубине небольшого сада, и здесь, как поняла Дорина, плантация заканчивалась.

Словно прочитав ее мысли, Максимус сказал:

— Это только начало. Через месяц я собираюсь приступить к расчистке следующего большого участка джунглей. Поэтому я и построил здесь бунгало. По моим планам, оно окажется в центре плантации.

К ним подошел китаец, слишком старый, чтобы работать на плантации. Он взял в руки поводья, чтобы придержать лошадей, пока они выходили из коляски, а затем отвести их в сторону и привязать в тени больших деревьев.

Максимус помог Дорине спуститься на землю и спросил у китадца, где можно найти надсмотрщика. Китаец показал туда, где среди низких деревьев и кустарника они увидели человека, одетого в белые брюки и белую рубашку.

Они направились к нему, и Дорина удивилась, что это единственный надсмотрщик-англичанин, которого они встретили на плантациях Максимуса Керби.

Его представили ей как мистера Лэнгтона.

Это был приятный молодой человек лет двадцати семи, и он с восторгом встретил своего хозяина.

— Как я рад видеть вас, мистер Керби! — воскликнул он. — Я надеялся, что вы заедете сюда. Мне нужно обсудить с вами очень много вопросов.

— Я рассчитывал побывать здесь на прошлой неделе, — ответил Максимус Керби, — но не смог. Есть какие-нибудь проблемы?

Надсмотрщик, державший под мышкой ружье, осторожно поставил его, прислонив к стволу дерева, и достал из кармана какие-то бумаги.

— Я хотел спросить у вас по поводу последнего груза... — начал он.

Не желая мешать им, Дорина отошла в сторону.

Она с интересом принялась рассматривать деревья с гладкими листьями длиной около восемнадцати дюймов и зеленовато-желтыми цветами, которые были собраны в большие гроздья, издали выглядевшие очень красиво.

Она шла все дальше, пока не увидела прямо перед собой высокие стволы и густую зелень джунглей.

Деревья с очень толстыми стволами достигали огромной высоты. Длинные лианы обвивали стволы и ветви, образуя непреодолимую

живую стену.

Дорина узнала пальмы ротанг, о которых много читала. Благодаря загнутым шипам на концах длинных листьев ее тонкие, гибкие стебли взбирались на большую высоту.

Дорина была заворожена необычным зрелищем и подошла поближе, надеясь увидеть одного из пестрых фазанов или очаровательных трогонов.

Она знала, что этих птиц редко можно встретить где-либо, кроме джунглей, в отличие от черно-белых сорок и пегих зимородков, населявших городской сад Максимуса Керби.

Красные цветы лиан были похожи на яркие мазки на фоне темной листвы. Джунгли казались странным, заколдованным местом, где обитали ведьмы и драконы!

Резкий птичий гвалт, раздавшийся сверху, заставил ее вздрогнуть от неожиданности. Раздалось какое-то шуршание, будто маленький зверек пробирался сквозь густую растительность.

Желая увидеть как можно больше, она продвигалась все дальше, забыв об осторожности. Ею овладела жажда приключений.

И вдруг впереди, между стволами деревьев, в гуще лиан мелькнули черно-желтые полосы, и она увидела обращенные к ней горящие зеленые глаза.

Это был тигр!

Глава 7

Дорина застыла на месте. Она не отрывала глаз от огромного зверя. Откуда-то из глубины ее памяти всплыло, что, если стоять спокойно, не шевелясь, хищник не нападет.

Послышалось низкое, глухое ворчание, затем тигр грозно взревел, обнажив острые клыки, и по тому, как выгнулась спина, Дорина поняла, что он сейчас прыгнет.

Но она была настолько парализована страхом, что не могла сдвинуться с места, беспомощно ожидая, когда острые когти вонзятся в ее тело.

Неожиданно рядом раздался звук выстрела, эхом прокатившийся по джунглям.

Тигр с глухим ударом шлепнулся на землю, и тысячи птиц взвились в воздух, подняв оглушительный шум.

У Дорины звенело в ушах; до ее сознания никак не могло дойти, что опасность миновала и на нее больше никто не собирается нападать.

Затем она услышала голос Максимуса, который был явно взбешен:

— Идиотка! Какого черта вас сюда занесло?

Сделав над собой нечеловеческое усилие, она повернулась к нему. Он стоял позади нее с искаженным от ярости лицом.

Он спас ей жизнь!

Ей хотелось протянуть руки и уткнуться ему в плечо.

Но прежде, чем она смогла двинуться с места или произнести хоть слово, между деревьями показался мистер Лэнгтон, который спешил к ним.

— Вы убили его! — воскликнул он. — Отличный выстрел, сэр! Я уже десять дней охочусь за этим тигром. Неделю назад он стащил ребенка из деревни.

Все еще не в силах совладать со своей яростью, Максимус протянул мистеру Лэнгтону ружье.

— Возьмите! — сказал он. — Я провожу мисс Хайд назад в бунгало.

Он взял Дорину под локоть и повел к плантации. Он все еще был очень сердит, а она испытывала слабость от пережитого потрясения и чувствовала, что вот-вот расплачется.

— Не могу понять, как вы могли поступить так безрассудно, — сказал Максимус Керби тоном няньки, отчитывающей непослушного ребенка. — Неужели у вас не хватает здравого смысла понять, что отправляться одной в джунгли очень опасно?

Дорина хотела ответить, но у нее перехватило дыхание, и она не смогла вымолвить ни слова.

— Почему вы пошли туда? — попытался он добиться от нее ответа. — Что вы искали?

Она поняла, что ей придется ответить ему, но если бы она сказала, что пошла в лес, потому что он показался ей волшебным, это прозвучало бы глупо и по-детски. Вместо этого она проговорила тихо и нерешительно:

— Я засмотрелась на деревья... и цветы.

Они подошли к ступенькам веранды, окружавшей бунгало, и Максимус выпустил ее руку.

Затем он взглянул на ее мертвенно-бледное лицо, широко раскрытые испуганные глаза, казавшиеся необыкновенно большими, и сказал совсем другим голосом, в котором звучала усмешка:

— Если вам так хотелось посмотреть на цветы, чем вас не устраивали вот эти?

Он нагнулся и сорвал одну из диких орхидей, которые росли прямо возле лестницы. На тонком стебле покачивалась гроздь из розовых цветков.

В этот момент послышалось шипение, и рядом с его рукой с быстротой молнии промелькнула темная тень.

Все произошло так быстро, что если бы Дорина не следила за тем, что он делал, она даже не поняла бы, что случилось, и не заметила бы извивающееся узорчатое тело, быстро скользящее прочь в высокой траве.

Она вскрикнула от ужаса. Максимус молча снял пиджак и принялся быстро закатывать рукав рубашки.

С наружной стороны руки несколькими дюймами выше запястья на загорелой коже были видны две точки.

Пока он молча смотрел на них, Дорина принялась быстро действовать.

Она схватила его руку, надавила пальцами чуть повыше укуса, чтобы усилить кровотечение, приникла губами к ранке и принялась изо всех сил высасывать яд.

Она услышала, как он издал какое-то восклицание, но руку не отнял. Через секунду к ним подбежал мистер Лэнгтон.

— Что случилось? — спросил он.

— Дабойя (*Дабойя* (цепочная гадюка) — ядовитая змея семейства гадюковых, распространена в Индии, Пакистане, Южном Китае и во всех странах Индокитайского полуострова, а также на ряде островов.) !

Мистер Лэнгтон положил на землю ружье и вытащил из кармана носовой платок. Он крепко, как жгутом, перевязал им руку Максимуса выше места укуса, пока Дорина продолжала высасывать кровь из ранки.

Она почувствовала жгучий вкус яда, когда у нее уже не было больше сил сосать, быстро выплюнула его.

— Хорошо вытрите рот и язык! — резко сказал Максимумс.

Здоровой рукой он протянул ей свой носовой платок, сделанный из тончайшего полотна, от которого слегка пахло одеколоном.

Дорина взяла платок и принялась яростно оттирать язык, чтобы на нем не осталось яда.

Затем она увидела, что в руке мистер Лэнгтон держит нож, сверкающий серебром в лучах солнца.

— Режьте глубже! — тихо сказал Максимумс.

Мистер Лэнгтон сделал два глубоких надреза. Дорина, не отрывавшая глаз от лица Максимуса, увидела, как он сжал губы от боли, но не проронил ни звука.

Из надрезов хлынула кровь, заливая руки мистера Лэнгтона. Он развязал жгут и перевязал своим платком рану.

— Виски, сэр? — спросил он. — Вы не хотите войти в дом?

— Да, конечно.

Максимумс поднялся по ступеням на веранду, а мистер Лэнгтон поспешил вперед, чтобы открыть дверь, которая вела в гостиную.

Это была небольшая комната, очень скромно обставленная. Сбоку на столике стояла почти полная бутылка виски и несколько стаканов.

Мистер Лэнгтон взял бутылку, наполнил до краев один из стаканов и молча протянул его Максимуму. Тот быстро осушил его.

— Вы должны все время ходить, сэр, чтобы не впасть в коматозное состояние.

— Мне это отлично известно! — ответил Максимум Керби.

— Я пошлю мальчика за доктором и прикажу ему спешить изо всех сил.

Максимум не отвечал. Он поставил свой стакан и снова наполнил его.

В первый раз с тех пор, как его укусила дабойя, он взглянул на Дорину.

— Я постараюсь быть не слишком отвратительно пьяным, — сказал он, и на губах его промелькнула тень улыбки.

— Не имеет значения, если вы будете и очень пьяны, — тихо ответила она. — Главное, начинайте ходить. Вы же знаете, что это необходимо.

Когда-то давно отец рассказывал ей о том, как однажды жарким летом одного из его друзей укусила гадюка. Его спасло лишь то, что они отсосали яд из ранки, пустили посильнее кровь, напоили его виски и заставили непрерывно ходить, пока не спал жар и опасность не миновала.

Должно быть, воспоминание об этом заставило ее действовать так быстро, едва лишь она осознала, что Максимуса Керби укусила дабойя. Дабойя принадлежала к тому же семейству змей, что и обыкновенная гадюка, поэтому Дорина была уверена, что до сих пор их действия были совершенно правильными.

Максимум допил второй стакан виски и принялся медленно, но твердо ходить по комнате.

Места для ходьбы было мало, потому что бунгало было совсем крошечным. Дорина увидела еще дверь и открыла ее.

Как она и подозревала, дверь вела в спальню. Дорина решила, что, если она сдвинет стол, Максимум сможет ходить через обе комнаты, удлинив маршрут.

Она передвинула стол в гостиной и отнесла в сторону кресло, стоявшее в спальне. Максимум сразу же понял ее намерение и принялся ходить из одной комнаты в другую.

Вскоре вернулся мистер Лэнгтон.

— Я послал мальчика за доктором, — сказал он. — Он очень резвый бегун, к тому же ему известно, где живет доктор Сенг.

— Сколько времени ему понадобится? — спросила Дорина.

— Около двух часов, — ответил мистер Лэнгтон. — Мы находимся довольно далеко от Сингапура, и он вряд ли успеет дойти туда засветло.

Он взглянул на Максимуса и, заметив, что тот не очень твердо держится на ногах, сказал:

— Положите руку мне на плечо, сэр. Вам будет легче ходить.

Впоследствии Дорина так и не могла вспомнить, в какой момент она заметила, что Максимус стал слабеть, и поспешила к нему на помощь.

Она подняла другую его руку и положила ее к себе на плечо. Едва дотронувшись до него, она почувствовала, что он весь горит. У него начался жар.

Это было то, чего они боялись. Яд успел проникнуть в кровь.

Мистер Лэнгтон уговорил Максимуса допить остатки виски. И они снова принялись ходить по комнатам, с каждым часом все медленнее и медленнее, потому что Максимусу становилось все труднее понимать, где он находится и чего от него хотят.

Дорина видела, что он лишь чудовищным напряжением воли заставляет себя передвигаться, несмотря на лихорадку, которая сотрясала все его тело.

Ни звука не сорвалось с его губ. Через какое-то время он закрыл глаза, и тишину нарушал лишь звук их шагов по полу, не застланному коврами.

Когда наступила ночь, пришел старый китаец с масляной лампой в руках, которую он поставил на стол.

Он что-то сказал мистеру Лэнгтону.

— Вонг говорит, что он распряг лошадей и поставил их на ночь в конюшню.

— Пожалуйста, поблагодарите его, — ответила Дорина.

Она прикидывала, не лучше ли было бы ей самой отправиться в фаэтоне в Сингапур за доктором. Но тут же решила, что навряд ли она справилась бы с резвыми лошадьми, которыми Максимус управлял с таким мастерством; к тому же она не смогла бы найти дорогу. Они

столько путешествовали сегодня, что Дорина уже не представляла, в каком направлении находится Сингапур, и, конечно, она не добралась бы туда до наступления темноты.

Она беспомощно подумала, что они уже сделали все, что могли, и им остается только ждать.

Она почувствовала, как стала тяжелеть рука Максимуса, и ее охватил страх, что он может умереть.

При одной лишь мысли об этом ее пронзила боль, словно это ее укусила змея.

Он не должен умереть! Это невозможно!

Когда они шутя говорили об этом в первый вечер на яхте, она сказала ему, что он не может умереть, потому что ему предопределено сделать еще очень многое.

«Он так нужен здесь! — подумала она. — Что же будет со всеми его начинаниями?»

Теперь страх не покидал ее.

Они непрерывно ходили из гостиной в спальню и обратно. Дорина начала молиться.

«Господи, спаси его! Дай ему силы! Не позволяй ему погибнуть! Он не должен умереть! Не должен!»

И впервые с отчетливой ясностью она осознала, как сильно она его любит!

Она полюбила его с первого взгляда, в тот момент, когда он выходил из фаэтона в Олдеберн Парке. Она любила его, когда пряталась за резной панелью на галерее для музыкантов, прислушиваясь к его речам. Она любила его, когда смотрела, как он поднимается по трапу на борт «Осаки», не замечая никого, кроме Летти.

Она поняла теперь, что чувство, которое она испытала, глядя, как Максимус Керби целует миссис Томпсон, было обычной ревностью. С того самого момента, как они приехали в его дом, она жила лишь ожиданием, когда сможет увидеть его или услышать его голос. Пусть они встречались лишь за столом, этого ей было достаточно!

Когда он отсутствовал, ей казалось, что время остановилось, и она ощущала глубокую внутреннюю пустоту.

«Я люблю тебя! Я люблю тебя!» — мысленно говорила она ему.

Со страстной мольбой, идущей из самой глубины ее существа, она просила Бога о том, чтобы он сохранил ему жизнь.

Медленно тянулся час за часом, а они все продолжали ходить по комнатам.

Лицо мистера Лэнгтона было покрыто потом, его рубашка промокла насквозь. Ее платье тоже было влажным в том месте, где лежала тяжелая рука Максимуса.

Она дотронулась до него и почувствовала, что жар не спал. Взглянув на его лицо, она увидела, что под загаром его кожа приобрела странный мертвенно-бледный оттенок.

— Мне кажется, доктор давно уже должен был приехать! — воскликнула она, и в ее голосе прозвучал страх.

— Возможно, его вызвали к кому-то, — хрипло ответил мистер Лэнгтон. У него пересохло в горле. — Сегодня у китайцев национальный праздник. Я позволил кули раньше закончить работу. Они все отправились в деревню, которая находится в полумиле отсюда.

— Неужели мы больше ничего не можем сделать? — в отчаянии спросила Дорина.

— Ничего, — ответил он. — Только заставить его продолжать ходить.

Это было легче сказать, чем сделать. Дорина, сгибаясь под рукой Максимуса, чувствовала, что силы ее на исходе, и она знала, что мистер Лэнгтон, хотя и был молод и крепок, тоже изнемогал от усталости.

Вперед — назад, вперед — назад. Должно быть, они проделали этот маршрут уже тысячу раз.

«Я больше не могу!» — с отчаянием думала Дорина, но знала, что для любимого человека готова была сделать даже невозможное. Он должен остаться жив! Должен! Она закрыла глаза и продолжала двигаться почти машинально. Иногда ей казалось, что она уже не в состоянии переставлять ноги, а когда они доходили до стены, ей приходилось невероятным усилием заставлять себя поворачиваться и идти обратно.

Внезапно тяжелая рука соскользнула с ее плеча. Она с трудом попыталась водворить ее на место и, коснувшись пальцами руки

Максимуса, почувствовала, что кожа его влажная!

Она не могла поверить в это!

Она снова потрогала его и убедилась, что он покрылся потом.

Когда они дошли до гостиной, и свет масляной лампы упал на его лицо, она увидела, что его лоб покрыт испариной, пот струится по его щекам.

— Кризис миновал! — воскликнула она.

Но этот радостный возглас был больше похож на хриплый стон.

— Бог мой, в самом деле! — откликнулся мистер Лэнгтон. — Давайте уложим его в постель.

Они дотащили Максимуса до спальни и уложили на узкую кровать поверх одеяла, подсунув ему под голову подушку.

Мистер Лэнгтон принес из гостиной лампу, и при ее свете Дорина еще раз убедилась, что они не ошиблись.

Жар спал! Лицо Максимуса уже не было таким ужасающе бледным, и, глядя на него, можно было подумать, что он просто мирно спит.

Дорина подошла к умывальнику. Возле кувшина с водой на столе лежало полотенце.

Она намочила его, выжала и, вернувшись к кровати, осторожно обтерла Максимусу лицо. Мистер Лэнгтон снял с него ботинки, и теперь Максимус удобно лежал, дыша ровно и спокойно.

— До приезда доктора нам больше нечего делать, — сказал мистер Лэнгтон.

Он нетвердой походкой направился в гостиную и тяжело опустился в одно из кресел.

Он был так же измучен, как и Дорина.

Она постояла какое-то время у изголовья кровати, с переполнявшей сердце нежностью глядя на Максимуса.

— Господи... спасибо... спасибо! — прошептала она.

Потом, не помня себя, она медленно опустилась на пол. Не успела ее голова коснуться циновки, лежавшей у кровати, как она уже крепко спала.

Дорину разбудили голоса, доносившиеся из соседней комнаты.

Она все еще лежала на полу, но под головой у нее была подушка. Должно быть, ее подложил мистер Лэнгтон.

Она быстро поднялась на ноги, услышав, как кто-то говорит на очень правильном английском языке, четко выговаривая слова, что было характерно для китайцев:

— Я вернулся домой и обнаружил, что меня поджидает посланный вами мальчик. Он сообщил мне, что мистера Керби укусила змея.

— Это была дабойя, доктор Сенг, но кризис уже миновал.

— Это хорошо. Могу я осмотреть его?

Дорина стояла, расправляя смятые юбки, когда в комнату вошли мистер Лэнгтон и доктор Сенг.

— Это мисс Хайд, — представил ее мистер Лэнгтон, — она высосала яд из ранки сразу же после того, как это произошло.

— Вы поступили совершенно правильно, — одобрительно заметил доктор Сенг.

Это был старый китаец с усталым взглядом, но у Дорины сложилось впечатление, что он знающий и опытный врач.

Он осмотрел руку Максимуса, тщательно обследовав надрезы, которые сделал мистер Лэнгтон.

Затем он послушал сердце, пощупал пульс и положил руку на лоб больного.

— Он проспит еще довольно долго, — сказал доктор Сенг. — Ему нужно оправиться не только после змеиного укуса, но и после того количества виски, которое он выпил.

— Но разве виски — это не единственное лекарство в таких случаях? — спросил мистер Лэнгтон.

Доктор Сенг улыбнулся.

— Этот способ лечения принят у англичан, — ответил он, — а китайцы обычно пользуются змеиным корнем.

— И он помогает? — поинтересовалась Дорина.

Она вспомнила, что слышала о растении, которое китайцы и малайцы всегда держат при себе, когда им приходится работать в джунглях.

— Мы полагаем, что помогает, — сказал доктор Сенг. — Я оставляю вам немного, мистер Лэнгтон. Уговорите мистера Керби принять его сразу же, как только он проснется.

Он достал из своей сумки маленький пакетик и положил его рядом с кроватью.

— Он сильный и здоровый человек, — продолжал доктор, — но ему нужно отдохнуть. Ему следует остаться здесь хотя бы еще на одну ночь. Если он будет настаивать на том, чтобы сегодня же вернуться в Сингапур, дайте ему одну из этих таблеток. Они заставят его снова уснуть.

Доктор положил небольшую коробочку с таблетками рядом со змеиным корнем. Затем он посмотрел на Дорину.

— А вы, мисс Хайд? Как вы себя чувствуете?

— Я просто немного устала, доктор, — ответила Дорина, — но я счастлива, что мистер Керби уже вне опасности.

Доктор Сенг кивнул.

— Безусловно, его спасло то, что вы сразу же отсосали яд из ранки, — сказал он. — В этой части света водится много змей, но укусы гадюки и кобры часто оказываются смертельными!

Он взял свою сумку.

— Вы возвращаетесь в Сингапур? — спросила Дорина.

— Да, — ответил доктор. — Меня ждут другие пациенты.

— Вас не очень затруднит взять меня с собой? Моя сестра и сестра Тереза гостят в доме мистера Керби, и я уверена, что они очень обеспокоены тем, что мы не вернулись вчера вечером.

— Буду счастлив, мисс Хайд, доставить вас домой.

Мистер Лэнгтон настоял на том, чтобы перед отъездом Дорина выпила чашку чаю, и доктор тоже согласился выпить чего-нибудь освежающего.

После этого они отправились в маленькой повозке, в которую был впряжен старенький пони. Вспоминая великолепных лошадей Максимуса Керби, Дорина нашла теперешний способ передвижения на редкость медленным и неудобным.

На этот раз она могла, однако, держать над головой зонтик, и хотя они ехали довольно долго, Дорина получила истинное удовольствие от беседы с доктором Сенгом.

Он рассказывал ей о местах, которые они проезжали, о нравах и обычаях китайцев, о том, как мистер Керби улучшил условия их работы и принес богатство и процветание многим семьям в Сингапуре.

Когда они добрались до дома, Дорина поблагодарила доктора и предложила ему войти.

— Мне очень жаль, мисс Хайд, но у меня нет времени воспользоваться вашим любезным приглашением, — учтиво ответил он. — Но я хотел бы поблагодарить вас за удовольствие, которое мне доставило ваше общество.

Дорина ответила ему с такой же учтивостью, а затем поспешила на поиски сестры Терезы и Летти.

Зная, что они наверняка очень обеспокоены ее отсутствием, Дорина рассчитывала найти их в гостиной, ожидающими вестей. Не обнаружив их там, она отправилась наверх в комнату Летти.

— Где леди Летиция? — спросила она у одного из слуг.

— Леди уехали! — ответил тот.

«Должно быть, они отправились в миссионерскую школу», — подумала Дорина, поднимаясь по лестнице.

Она была удивлена, что они не проявили никаких признаков беспокойства. Потом она решила, что, должно быть, сестра Тереза была спокойна, зная, что в обществе Максимуса Керби ей не угрожает опасность.

Однако она могла быть уже мертва! Растерзана тигром!

Максимус тоже мог лишиться жизни только из-за того, что наклонился сорвать для нее цветок!

Она поднялась на второй этаж и, зная, что Летти и сестры Терезы нет дома, не стала заходить в комнату своей сестры, а направилась сразу к себе.

После суровой, аскетичной обстановки бунгало мистера Лэнгтона ее комната казалась ей верхом роскоши и изящества.

Она положила зонтик, бросила на кресло шляпку и подошла к окну.

Казалось, ей никогда не надоест любоваться этим садом с его восхитительными цветами и деревьями, усыпанными бутонами.

Бросив взгляд на туалетный столик, она увидела два письма.

Сначала она подумала, что это письма от родителей, но тут же заметила, что ни на одном из них нет марок, и на обоих очень лаконичный адрес: на одном написано "*Дорине* ", на другом — "*мисс Хайд* ".

В том, как они лежали здесь, было что-то настораживающее, и она быстро взяла первое письмо, на котором круглым детским почерком

Летти было написано ее имя.

Она вскрыла конверт, быстро пробежала глазами то, что там было написано, и поначалу решила, что от усталости она что-то неправильно поняла. Она снова перечитала письмо:

"Дорогая Дорина,

Я уезжаю с сестрой Терезой. Я буду очень счастлива с ней, и я не хочу выходить замуж за мистера Керби. Пожалуйста, скажи ему об этом сама. Мне очень жаль, если папа будет сердиться.

С любовью, Летти".

Дорина дважды прочитала это послание, а затем дрожащими пальцами вскрыла письмо от сестры Терезы.

"Дорогая леди Дорина,

Летти рассказала мне, кем вы приходитесь ей на самом деле, но вы можете быть уверены, что я никому не выдам ваш секрет. Будучи ее сестрой, вы должны понять, что, как опытная сиделка, я считаю невозможным для Летти вступать в брак, особенно с таким мужчиной, как Максимус Керби.

Поэтому я намереваюсь увезти ее с собой в Саравак. Я позабочусь о ней, и уверена, что Летти будет вполне счастлива в миссии среди детей.

Я поступаю так не только ради нее, но и ради человека, который столько сделал для Сингапура. Я искренне восхищаюсь Максимусом Керби и очень ему благодарна. Нельзя допустить, чтобы его личная жизнь и карьера были загублены из-за женитьбы на девушке, которая никогда не сможет стать ему достойной женой и помощницей. Предоставляю вам самой объяснить ему, почему я пошла на этот шаг.

Благослови вас Бог,
искренне Ваша
сестра Тереза".

Дорина дочитала это письмо, судорожно глотнула воздух и села, чувствуя, что ноги не держат ее.

Она не могла осознать, что же произошло. Ей казалось, что ее голова набита ватой, во рту пересохло, веки отяжелели.

«Что же мне теперь делать?» — растерянно подумала она.

Все было так сложно и запутанно!

Стараясь не думать ни о чем, она разделась и легла в постель.

Она проспала всю вторую половину дня и проснулась лишь на закате солнца, не в силах в первую минуту сообразить, где находится.

Внезапно на нее нахлынуло воспоминание о том, что случилось. Тигр, от которого ее спас Максимус; дабойя, укусившая его за руку; это ужасное, изматывающее хождение по комнатам, когда он мог умереть в любую минуту.

Она вспомнила и то, как, поддерживая его из последних сил, она наконец призналась себе, что любит его!

И тут же у нее перед глазами заплясали строки писем, которые она нашла по возвращении.

«Как могли Летти и сестра Тереза уехать и предоставить мне объясняться с Максимусом?» — спрашивала она себя.

Пусть он не был влюблен в Летти. Она была абсолютно уверена, что Летти не могла тронуть его сердце. Но он выбрал ее себе в жены. Он объявил о своей помолвке задолго до того, как Летти прибыла в Сингапур, и все, кто приходил в его дом, искренне поздравляли их обоих.

Он спланировал все детали предстоящей свадьбы.

«Пышная свадьба», которая навсегда должна была остаться в памяти всех, кто присутствовал бы на ней!

Что может быть унижительнее того, подумала Дорина, что невеста сбежала от тебя за неделю до свадьбы, предпочтя жить в отдаленной католической миссии с китайскими ребятами, нежели быть твоей женой?

— Лучше бы Летти убежала с другим мужчиной, — подумала Дорина.

Этого тоже было бы достаточно, чтобы ранить гордость любого мужчины, но то, что она предпочла дикий, далекий от цивилизации

островок всем преимуществам, которые давал ей брак с Максимусом Керби, было вовсе трудно объяснить.

«Что я могу ему сказать?» — думала Дорина.

Она чувствовала такую слабость, что решила немного подкрепиться, и попросила принести ей поесть. Когда ей подали в постель поднос с изысканными яствами, она с трудом заставила себя проглотить несколько кусочков.

После того как поднос унесли, она долго лежала, глядя в темноту, и перед ее глазами стояли строки из писем Летти и сестры Терезы.

Как могли они с отцом хотя бы на минуту предположить, что Летти в состоянии справиться с ролью жены Максимуса Керби?

Однако дома, в Олдеберн-парке, ее отклонения от нормы казались не столь явными, чем в незнакомой обстановке, где она сначала закатывала истерики оттого, что ей пришлось покинуть все, что ей было знакомо и мило, затем перепугалась во время шторма в Бискайском заливе, потом испытала сильное потрясение, когда на них напали пираты.

Трудно было представить, чтобы кто-либо, кроме Керби, мог проявить столько такта и внимания.

Любой другой мужчина стал бы настаивать на более близком знакомстве со своей будущей женой. Во всяком случае, он потребовал бы, чтобы его оставляли наедине с ней, чтобы они могли познакомиться поближе, вдали от докучного присутствия Дорины и сестры Терезы.

Но Максимус не жаловался. Похоже, он понимал, что Летти пережила сильный шок, слыша шум битвы и думая, что ее могут зарезать в ее собственной постели.

Но в то же время он должен был что-то заподозрить! Дорина решила, что он с самого начала понял, что Летти сильно отличается от других девушек.

Его не могло не удивить то, что ее занимали лишь птички. К тому же трудно было не заметить, что она была совершенно неспособна поддерживать разговор с кем бы то ни было из тех, кого он приглашал в дом.

Его друзья и знакомые наверняка без слов дали ему понять, что в то время как они не могли не восхищаться красотой Летти, им трудно было разговаривать с ней.

Тем не менее, напомнила себе Дорина, Максимум был твердо намерен жениться на Летти. Он заключил сделку с ее отцом и заплатил десять тысяч фунтов за право стать зятем графа.

То, что Летти могла вот так запросто убежать, было нарушением долга чести; тем удивительнее казалось поведение сестры Терезы, которая помогала ей.

По крайней мере, сестра Тереза была откровенна. Она явно дала понять, что делает это не только ради Летти, но и ради Максимуса Керби.

Не вызывало сомнений, что она была глубоко привязана к нему, и хотя странно было предположить такое, казалось, что он пробуждает в ней материнские чувства.

По возрасту она годилась ему в матери, и, возможно, была привязана к нему, как к сыну, которого она не могла иметь, поскольку дала обет безбрачия.

Дорина спросила себя, а если бы у нее был сын, хотела бы она, чтобы он женился на такой девушке, как Летти? Ответ мог быть только отрицательным.

«Я так хочу, чтобы мистер Керби был счастлив, — прошептала она в темноту. — Мне невыносима мысль о том, что его могут унижить, что ему могут причинить боль. Его очень заденет, если люди будут смеяться над ним».

Она глубоко вздохнула.

«Китайцы станут относиться к нему с жалостью, потому что для них помолвка священна. Люди вроде доктора Джонсона и эконома будут сплетничать и строить догадки насчет того, что же все-таки случилось. А Максимум слишком умен, чтобы не понимать, что именно будут говорить о нем за его спиной».

Из самой глубины сердца у нее вырвалось восклицание:

— Как мне помочь ему? Что я могу сделать, чтобы хоть немного смягчить удар?

Она лихорадочно соображала. Если она отправится в порт, может быть, ей удастся сесть на «Морского дракона» и броситься вдогонку за кораблем, на котором отплыли сестра Тереза и Летти.

Быстроходная яхта Керби, несомненно, сможет легко нагнать их, и Дорина попытается уговорить их вернуться в Сингапур! Даже если они уже прибыли в Саравак, у нее все еще будет шанс вернуть Летти.

Но она тут же подумала, что навряд ли ей удастся найти достаточно убедительные доводы, чтобы заставить Летти сделать то, чего ей не хочется.

Если бы Дорина проявила больше наблюдательности, она бы давно заметила, что Летти становится все более и более зависимой от сестры Терезы.

Последние несколько дней она не желала общаться ни с кем другим. Она не проявляла интереса к обществу Дорины, они больше не делились друг с другом, как бывало прежде.

Только присутствие сестры Терезы давало Летти ощущение безопасности и душевного комфорта.

— Это совершенно безнадежно! — простонала Дорина. — Но как я смогу сказать ему обо всем? Как я смогу причинить ему такую боль?

Она металась в постели, ворочаясь с боку на бок, пока не начало светать. Лишь тогда, вконец измученная, она забылась в беспокойном сне.

Она проснулась очень рано, быстро оделась и спустилась вниз, потому что ей хотелось увидеться с Максимусом сразу же, как только он приедет, чтобы он не успел узнать обо всем, что случилось, от кого-нибудь другого.

Существовала опасность, что Ли Чанг Ло расскажет ему о происшедшем прежде, чем это сделает Дорина. Она направилась в кабинет секретаря.

Как только она вошла, Ли Чанг Ло сразу же поднялся с места и вежливо поклонился, по обычаю держа руки сложенными и спрятанными в широких рукавах китайской национальной одежды.

— Вам уже лучше, мисс Хайд? Я был очень огорчен, узнав, что жизнь мистера Керби находилась в опасности.

Дорину не удивило, что он уже в курсе того, что произошло.

Наверняка доктор рассказал о случившемся, а в Сингапуре такая новость о Максимусе Керби была воспринята, как сенсационная.

— Доктор Сенг потребовал, чтобы Максимус Керби не возвращался раньше сегодняшнего дня, — ответила она. — Когда он приедет, я хочу сразу же увидеться с ним, до того, как он успеет с кем-либо переговорить.

Ли Чанг Ло снова поклонился.

— Все будет так, как вы пожелаете, мисс Хайд.

— Тогда, пожалуйста, передайте соответствующие распоряжения.

— Я все сделаю, мисс Хайд.

Она знала, что Ли Чанг Ло все понял. Ей даже не нужно было упоминать имя Летти или сестры Терезы.

Он обладал острым умом, и от него не ускользнуло ничего из того, что она пыталась дать ему понять, не облекая это в явную форму.

— Я буду дожидаться мистера Керби в библиотеке.

Она рассчитывала, что Максимус приедет до ленча, но ей пришлось поесть в одиночестве, а затем она снова вернулась в комнату, заставленную книгами, которые обычно полностью поглощали все ее внимание.

Сейчас, однако, она не осилила бы ни одной страницы, потому что не смогла бы понять ни слова из прочитанного.

Она стояла у окна, глядя в сад.

Ей казалось, что солнечный свет померк, ее охватили отчаяние и тревога.

Как объяснить Максимусу, что все случившееся ее тоже очень огорчило? Какие оправдания она могла найти тому, что его фактически обманывали с самого начала, навязав ему Летти в жены?

Ей доставляло облегчение лишь то, что он не знал, кем она приходилась Летти на самом деле.

Для него она была лишь подругой и компаньонкой Летти, а не сестрой девушки, которая его предала.

Когда солнце стало нещадно палить и наступило время сиесты, Дорина услышала цоканье лошадиных копыт и скрип колес у парадной двери.

Послышались торопливые шаги слуг, а затем голос Максимуса:

— Да, я чувствую себя совершенно нормально, благодарю вас. Не стоило так беспокоиться обо мне. Все в порядке.

Очевидно, кто-то из слуг сказал, что его ждет Дорина, потому что она услышала, как он ответил:

— А где мисс Хайд?

— В библиотеке, сэр.

— Я иду к ней.

Дорина почувствовала, как у нее замерло сердце и перехватило дыхание, когда услышала его уверенные шаги, приближающиеся к

дверям библиотеки.

Когда он вошел, ей показалось, что он заполнил собой всю комнату.

Охваченная дрожью при мысли о том, что ей предстоит, Дорина повернула к нему белое, перепуганное лицо.

Глава 8

Увидев Дорину, Максимус с улыбкой направился к ней.

— Вот я и вернулся и хочу поблагодарить вас...

Движением руки она остановила его.

Он взглянул на нее и тихо спросил:

— Что произошло? Отчего вы так расстроены?

С большим трудом она смогла выдавить из себя несколько слов.

— Мне нужно сказать вам... кое-что.

— Я слушаю вас.

Ей казалось, что она никогда не сможет выговорить эти слова.

Когда наконец она услышала свой голос, то с трудом могла узнать его.

— Летти... уехала... с сестрой Терезой!

— Уехала?

Вопрос прозвучал, как выстрел.

— Сестра Тереза увезла Летти в Саравак... Летти очень сожалеет... но она не хочет быть... вашей женой. Она оставила мне записку с просьбой сообщить вам об этом.

В комнате воцарилось тягостное молчание.

Дорина не смела взглянуть в глаза Максимусу, опасаясь прочесть в них ненависть и презрение.

Наконец, когда ей стало казаться, что она ждет ответа целую вечность, он взорвался:

— Черт побери, почему вы не сказали мне правду, когда я вас просил об этом?

В его голосе прозвучала такая ярость, что Дорина была не в силах вынести это.

— Простите... меня, — прошептала она и выбежала из комнаты.

Ей хотелось спрятаться где-нибудь. Она была не в состоянии отвечать на вопросы, которые, вне всякого сомнения, станут задавать Максимус.

Дорина почти забыла о том эпизоде на яхте, когда он спросил ее, хочет ли Летти быть его женой, а она ответила уклончиво, стараясь выгородить сестру.

Теперь он возненавидит ее за то, что она не была с ним откровенна, за то, что не предотвратила катастрофу. Если бы тогда она

сказала ему правду, он, возможно, устроил бы так, чтобы Летти не появлялась в Сингапуре. Это спасло бы его от унижения, которое он должен был испытывать сейчас.

«Почему я поступила так глупо... нечестно?» — спрашивала себя Дорина.

В поисках убежища она бессознательно направилась в свою спальню. Затем, повинуясь внезапному порыву, схвати шляпку и сумочку, которая всегда была при ней в поездке, и сбежала вниз по лестнице. Входная дверь была открыта; она проскользнула в нее и остановилась на ступеньках.

Экипаж, как обычно, стоял наготове, и, видя, что она ждет, кучер подъехал к дверям.

— Мне нужно в пароходную компанию, — сказала Дорина.

Они спустились с холма и покатали по улицам города. Охваченная отчаянием, Дорина не замечала ничего вокруг.

Она знала, что должна немедленно вернуться домой, — не только потому, что была не в силах выносить гнева Максимуса, но и потому, что она больше не могла оставаться с ним под одной крышей.

Было сомнительно, что после всего случившегося он захочет с ней разговаривать, но тем не менее, хотя он и считал ее не слишком важной особой, она все-таки была молодой незамужней женщиной, поэтому единственное, что ей следовало сделать, — это как можно скорее покинуть Сингапур.

Подумав о том, что ее ждет впереди, Дорина чуть не разрыдалась от горя; она готова была на коленях умолять Максимуса, чтобы он позволил ей остаться.

Потом, взяв себя в руки, она напомнила себе, что у нее есть гордость. Она должна вести себя, как леди, каким бы предосудительным ни казался поступок ее сестры.

Она вернется в Англию и забудет, что всего одну неделю ей суждено было провести рядом с человеком, которого она любила, что какую-то крохотную часть своей жизни она была физически здоровой и выглядела такой же привлекательной, как все ее ровесницы.

Несмотря на то, что сказал ей доктор, она не сомневалась, что как только она вернется в Англию, ее экзема вспыхнет с новой силой.

Возможно, поначалу она не будет такой сильной, как прежде. Но зимний холод даст о себе знать, и с каждым годом она все больше

будет превращаться в тень, скрываясь в дальних уголках Олдеберн Парка и боясь показаться людям на глаза.

За этими грустными размышлениями Дорина не заметила, как экипаж подъехал к зданию, в котором располагалась пароходная компания.

Она вошла, достала из сумочки обратный билет и показала его служащему.

— Когда отправляется ближайший пароход в Англию? — спросила она.

— Пароход «Хоумерик», принадлежащий компании «Пенинсьюлар энд ориэнтал», прибудет послезавтра, мадам. Вечером он встанет на якорь, а на следующее утро отплывет.

— Вы не могли бы заказать мне каюту?

— С огромным удовольствием, мадам.

Он принялся заполнять необходимые бумаги, и в это время в комнату вошел еще один человек.

Дорина даже не заметила его появления, пока он не воскликнул:

— Леди Дорина! Леди Дорина, неужели это вы?

Дорина с изумлением оглянулась и увидела знакомое лицо. Это был один из молодых людей, с которыми она время от времени встречалась на охоте.

— Я не ожидала увидеть вас здесь, мистер Уэйкли!

— И я тоже не рассчитывал встретить вас! — ответил он. — Я, разумеется, слышал, что ваша сестра приехала в Сингапур, чтобы выйти замуж за Максимуса Керби, но я не знал, что вы сопровождаете ее.

Он пристально разглядывал ее, и Дорина поняла, что его поразила чистота ее кожи и перемена во внешности, хотя он и был слишком хорошо воспитан, чтобы прямо сказать об этом.

— Вы прекрасно выглядите — я никогда не видел, чтобы вы... так прекрасно выглядели! — запинаясь, пробормотал он.

— Я как раз заказываю себе каюту на обратный рейс, — сказала Дорина и, увидев его восхищенный взгляд, застенчиво опустила глаза.

— Не хотите же вы сказать, что уже собираетесь возвращаться? Вы ведь только что приехали!

— По ряду причин я вынуждена поторопиться с отъездом.

Она взяла бумаги у служащего и поблагодарила его.

— Я непременно должен еще раз увидиться с вами до отъезда, — настойчиво заговорил Энтони Уэйкли. — Но ведь, без сомнения, вы намерены присутствовать на сегодняшнем балу?

— На балу? — удивилась Дорина.

— Моя сестра устраивает сегодня бал. Вы не могли не слышать об этом. Я знаю, что она еще десять дней назад послала приглашение леди Летиции и мистеру Керби.

— Моя сестра не очень хорошо себя чувствовала эти дни.

— Ну что ж, если она не сможет приехать, вы все равно обязательно должны быть на балу! — твердо заявил Энтони Уэйкли. — И пожалуйста, не откажите пообедать с нами? Возможно, вы помните, что моя сестра замужем за Хьюго Армстронгом, у которого большие плантации в Джохоре.

— Я этого не знала!

Дорина стала смутно припоминать, что кто-то из Уэйкли жил на Востоке, но ей никогда не приходило в голову поинтересоваться, где именно.

— Вы приедете сегодня вечером? — с мольбой в голосе спросил Энтони Уэйкли, когда они вышли на улицу и остановились рядом с экипажем.

Неожиданно Дорина решила принять его предложение. Все, что угодно, лишь бы ей не пришлось оставаться наедине с Максимумом Керби и терпеть его презрение и негодование.

Ей предстоит пережить еще завтрашний день, прежде чем она наконец сможет уехать, и она уже заранее волновалась.

— Я с удовольствием принимаю ваше приглашение, — сказала она, решившись наконец. — Благодарю вас.

— Я заеду за вами в половине седьмого, — сказал Энтони Уэйкли. — Если леди Летиция и мистер Керби передумают, моя сестра будет счастлива видеть их. Но обещайте, что бы ни случилось, вы меня подведете?

— Обещаю! — с легкой улыбкой сказала Дорина.

Он помог ей сесть в экипаж, а потом долго стоял с непокрытой головой, глядя ей вслед.

Он был очень приятным молодым человеком, к тому же Дорина помнила, каким он был превосходным наездником.

Во время охоты Дорина общалась с ним чаще, чем с другими, потому что, так же как и она, он всегда был в первых рядах всадников и последним уезжал с охоты.

«Я поеду на бал!» — твердо решила Дорина по дороге домой.

Вполне вероятно, это ее последняя возможность присутствовать на таком многолюдном приеме.

Она отлично помнила, что Энтони Уэйкли, который всегда был очень вежлив и внимателен с ней во время охоты, тем не менее прежде никогда не приглашал ее на балы и ни разу не танцевал с ней.

Ее слегка утешила мысль, что, по крайней мере, один мужчина смотрел на нее с восхищением.

Приехав домой, Дорина быстро поднялась в свою комнату.

Максимуса не было видно, и она решила, что после двухдневного отсутствия у него накопилось множество неотложных дел. Кроме того, Дорина была уверена, что он не испытывает большого желания видеть ее.

Она выпила чаю у себя в комнате, затем приняла ванну и заранее начала одеваться, чтобы быть готовой к приезду Энтони Уэйкли.

Расчесывая перед зеркалом волосы, Дорина залюбовалась их живым блеском. Они стали намного гуще, и мягкими волнами спадали ей на плечи. Теперь ей не составляло труда укладывать их в любую прическу, какую ей только вздумается.

Повинуясь внезапному порыву, она заколола их высоко на голове, взбив небольшими локонами, что делало ее выше и подчеркивало длинную, грациозную линию шеи.

Она посмотрела в зеркало, и вместо элегантно причесанной юной леди увидела себя такой, какой она была в Англии, с тусклыми, прямыми, непослушными волосами.

Она поднялась с места.

«Сегодня на один вечер я стану Золушкой, — подумала она. — Я поеду на бал, и пусть я не так прекрасна, как Летти, во всяком случае меня сочтут хорошенькой и привлекательной. Девушка с белой чистой кожей, которую любой мужчина будет рад пригласить на танец».

Она вышла из своей комнаты и направилась в спальню Летти. Открыв гардероб, она увидела, что Летти почти ничего не взяла с

собой. Недоставало лишь нескольких самых простых платьев из приданого.

Очевидно, подумала Дорина, сестра Тереза сказала Летти, что элегантные туалеты с Бонд-стрит будут ни к чему в миссии в Сараваке.

Дорина так хорошо знала все эти платья!

Ей приходилось простаивать долгие часы, покуда их примеряли на нее, выбирая бархатные, атласные и кружевные отделки, ушивая корсаж, чтобы он плотно облегал фигуру, подчеркивая округлую грудь и тонкую талию.

Она решительно протянула руку и сняла с вешалки платье из зеленого крепа и газа, которое нравилось ей больше остальных.

Цвет материала напомнил ей маленького зеленого дракона, которого подарил Максимус. Но она тут же прогнала мысль о нем.

Одевшись, она повернулась к зеркалу.

Платье подчеркивало каждую линию ее совершенной фигуры, расширяясь книзу от колен и переходя сзади в длинный шлейф. Газовый турнюр был подхвачен внизу большим бархатным бантом.

Глядя на себя в зеркало, она увидела, что зеленый цвет великолепно оттеняет ее глаза и белоснежную кожу.

Сейчас она совсем не была похожа на неприметную, серенькую компаньонку Летти, роль которой ей приходилось играть с того момента, как они покинули Англию.

Она вспомнила, что специально к этому платью был куплен маленький атласный ридикюль. Выдвинув ящик туалетного столика, Дорина в изумлении замерла.

Летти не взяла ничего из драгоценностей, подаренных ей Максимусом Керби!

Все украшения были вынуты из футляров и небрежно свалены сверкающей грудой.

Здесь были и обручальное кольцо с ожерельем и браслетом из сапфиров, и жемчуг, и яркое, красочное кольцо из бабочек, сделанных из эмали и усыпанных рубинами, бриллиантами и изумрудами.

Вдруг Дорина заметила кое-что еще.

Это была бриллиантовая брошь в виде полумесяца, знакомая ей с детства. Она принадлежала ее матери, которая иногда позволяла Летти надеть ее на какой-нибудь прием.

Графиня преподнесла брошь своей младшей дочери в качестве свадебного подарка.

— Глупо тратить деньги на дорогой подарок, — сказала она Летти, — тем более что твой отец не может себе позволить этого. Поэтому я решила подарить тебе эту бриллиантовую брошь.

— Спасибо, мама, — с отсутствующим видом пробормотала Летти.

— Конечно, ты можешь прислать мне ее обратно, если мистер Керби осыплет тебя драгоценностями. По правде говоря, мне будет ее не хватать.

«Как могла Летти забыть эту брошь?» — подумала Дорина, хотя, конечно, бриллианты ни к чему в дебрях Саравака.

«Пожалуй, я отвезу эту брошь назад маме», — решила Дорина.

Взяв в руки брошь, она секунду смотрела на нее, а потом приколола к платью.

Ей было интересно, что станет делать Керби с этой грудой драгоценностей, которую оставила ему Летти. Может быть, продаст их? Или оставит для другой женщины, которую выберет себе в жены?

При этой мысли Дорину пронзила уже знакомая боль.

Она попыталась уговорить себя, что бессмысленно так переживать. Покинув Сингапур, она наверняка больше никогда ничего не услышит о Керби.

Весть о его женитьбе или о его успехах навряд ли долетит до Олдеберн-парка.

Она задвинула ящик туалетного столика, разыскала шарф, который подходил к платью и ридикюлю, и вернулась в свою спальню.

Было почти половина седьмого. На цыпочках она подкралась к лестнице.

Внизу в холле она не увидела никого, кроме слуг. Тишину нарушало лишь тиканье часов; воздух был напоен ароматом цветов.

Дорина стала ждать.

Услышав, что подъехал экипаж, она сбежала вниз по лестнице и направилась ко входной двери.

Она не ошиблась. Это был Энтони Уэйкли, который приехал за ней, чтобы отвезти ее на бал.

Она оказалась в экипаже прежде, чем он успел выйти ей навстречу.

— Вы здесь! — с восторгом воскликнул он. — Я так боялся, что вы передумаете.

— Я рада возможности потанцевать на балу, — улыбнулась Дорина.

— Моя сестра с нетерпением ждет встречи с вами, — сказал он. — Я рассказал ей, как... вы прекрасно выглядите.

На этих словах он запнулся, и Дорина прекрасно поняла, что именно он сказал своей сестре. Но это не имело значения. Сегодня она хотела выслушать все комплименты, которые окружающие готовы были произнести в ее адрес.

Ей хотелось услышать, как она прелестна и как к лицу ей это платье, и забыть, что в недалеком будущем холодные и суровые морозы снова превратят ее в жалкое создание, которого все избегали.

Она рассеянно слушала, что говорил Энтони Уэйкли, заинтересовавшийся лишь тогда, когда он сообщил ей, что бал устроен в доме, который когда-то принадлежал сэру Томасу Рафлзу.

— О, я так хотела посмотреть этот дом! — воскликнула она.

— Не могу понять, почему мистер Керби не свозил вас туда, — заметил Энтони Уэйкли. — Это одна из достопримечательностей Сингапура.

Дорина не ответила, и он продолжал:

— Хотя, конечно, вы же говорили мне, что леди Летиция была нездорова. Как досадно! Это означает, что она не будет присутствовать на сегодняшнем балу?

— Боюсь, что так.

— Мне очень жаль. Я рассказывал мужу моей сестры и его друзьям о том, как она красива, но уверен, что когда они увидят вас, ее отсутствие не будет замечено.

Дорина улыбнулась.

— Вы мне льстите!

— Вовсе нет! — ответил он. — Я даже не подозревал, что вы такая хорошенькая. Простите, если это звучит невежливо.

Он добавил последние слова с поспешностью, как будто опасался обидеть ее.

— Благодарю вас за комплимент, мистер Уэйкли, — чинно произнесла Дорина.

За обедом, на котором присутствовало очень много народу, Дорина подумала, как ей было бы весело и интересно, если бы не тупая боль, которая постоянно сжимала сердце.

Она пыталась не думать о Максимусе, но все ее существо рвалось к нему.

В то же время она не была бы женщиной, если бы не сознавала, что своим появлением в Рафлз-Хаусе она произвела фурор.

Энтони Уэйкли представлял ее всем присутствующим с такой гордостью, будто в том, что она так хороша собой, была его заслуга. Молодые офицеры с кораблей, плантаторы из дальних провинций, государственные чиновники — все бросились усиленно ухаживать за ней и осыпать ее комплиментами.

Они толпились вокруг Дорины, глядя на нее с нескрываемым восхищением, что было для нее так внове.

Она смутно понимала, что многие присутствующие женщины были недовольны, но сегодня это не имело значения.

«Это моя лебединая песня, — сказала она себе. — Послезавтра меня уже здесь не будет!»

Присутствовавшие на обеде перешли в бальную залу прежде, чем начали прибывать первые приглашенные на бал гости, и Энтони Уэйкли потребовал, чтобы первый танец принадлежал ему.

Как восхитительно было кружиться в вальсе, сознавая, что она элегантнее всех присутствующих дам. Она почти летала, едва касаясь ногами пола.

Мужчины, не желая уступать друг другу, спешили записать свои имена в ее бальную карточку, и даже когда у нее не осталось ни одного свободного танца, они не переставали толпиться вокруг.

— Поверьте, я уже много лет не видел такой хорошенькой девушки!

— Почему я не встречал вас прежде?

— Вы позволите навестить вас завтра?

— Умоляю, еще один танец!

Она снова и снова отвечала на одни и те же вопросы, но это не утомляло ее, поскольку все происходившее было для нее так ново и непривычно.

Она направилась в столовую поужинать, хотя и не испытывала голода. За обедом она тоже ничего не ела, из-за своих переживаний совершенно утратив аппетит.

Однако она с удовольствием выпила глоток шампанского, и оно помогло ей хоть ненадолго забыть мучившие ее мысли, которые мешали ей наслаждаться сегодняшним успехом.

Было уже поздно, когда она, стоя в окружении молодых людей в ожидании следующего танца, неожиданно посмотрела в дальний конец зала.

Впоследствии она часто думала, что ею руководила интуиция, когда она взглянула в сторону двери и увидела его!

Максимус Керби вошел в зал и показался Дорине самым высоким и широкоплечим из всех присутствовавших здесь мужчин. Рядом с ним все окружающие стали сразу незначительными и малоинтересными.

Он безошибочно направился в ее сторону, словно их притягивала друг к другу некая неведомая сила.

Она стояла, молча глядя на него, и на минуту перестала слышать голоса и смех окружавших ее мужчин. Она с трудом даже осознавала их присутствие.

Когда он подошел ближе, его заметил Энтони Уэйкли.

— Мистер Керби, я так рад, что вы все-таки приехали! — воскликнул он. — Мы были счастливы, что нам удалось уговорить леди Дорину присутствовать на сегодняшнем балу, но нам не хватало вас и леди Летиции.

Дорина оцепенела, словно ее обратили в камень. Она почувствовала, что Максимус тоже замер на мгновение.

Он не ответил Энтони Уэйкли и даже не взглянул на него. Он не сводил глаз с лица Дорины. Когда заиграла музыка, он шагнул к ней и обнял рукой за талию.

— Это наш танец, — сказал он.

И прежде чем джентльмен, которому был обещан этот танец, успел возразить, Максимус увлек ее на середину залы.

Дорина ощущала прикосновение его руки, но не смела взглянуть на него, и даже если бы от этого зависела ее жизнь, она не смогла бы вымолвить ни слова.

Зал был заполнен до отказа, но Максимус Керби ловко провел ее между танцующими, и наконец они оказались в дальнем конце зала, откуда открытые двери вели на веранду.

Он перестал танцевать, взял ее за руку и решительно повлек за собой из зала в сад.

Она хотела воспротивиться, хотела сказать, что не желает идти с ним, но чувствовала себя слабой и беспомощной, понимая в то же время, что, по сути, у нее нет выбора, и она должна подчиниться ему.

Они пошли по скошенной лужайке туда, где их отгородили от любопытных взоров густые цветущие заросли кустарника.

Максимус остановился под фонарем, полускрытым густой листвой.

Он выпустил ее руку и взглянул лицо.

— Леди Дорина! — сказал он, сделав ударение на титуле. — Значит, вы обманули меня и в этом!

— Я выдавала себя за компаньонку Летти, — тихо сказала Дорина, — так как нам казалось, что я окажусь в неловком положении, если будут знать... что я ее сестра.

— В неловком положении?

В его голосе прозвучала презрительная усмешка.

— Значит, вы тоже принимали участие в этом заговоре, пытаетесь подsunуть мне в жены глупого капризного ребенка?

— Все было... совсем не так.

— Я теперь отлично вижу, как все произошло, — продолжал он. — Мне понятно, насколько ваш отец хотел заполучить богатого зятя, и как легко я попался в ловушку, которую он мне устроил!

Он произнес это с таким презрением что Дорину охватила нервная дрожь.

— Он не хотел... обманывать вас.

— Вы лжете! Вы снова лжете, и вы, вместе с вашими родителями и сестрой, умудрились поставить меня в дурацкое положение!

— Мне... жаль, — прошептала Дорина, — мне очень жаль, что так... получилось.

— И вы думаете, мне этого достаточно? — спросил Максимус. — Вы выставили меня полным идиотом перед моими друзьями и служащими, сделали всеобщим посмешищем!

Эти слова прозвучали так резко, что Дорина в отчаянии воскликнула:

— Как я могу... вам объяснить? Чем я могу помочь?

Он приблизил к ней лицо, в свете фонаря показавшееся ей жестоким и неумолимым.

— Я скажу вам, что вы можете сделать. Одна дочь графа ничуть не хуже другой. Вы выйдете за меня замуж! Вы приехали в Сингапур, чтобы присутствовать на моей свадьбе. Я не могу допустить, чтобы вы были разочарованы! Вы займете место вашей сестры!

Дорина смотрела на него широко раскрытыми глазами, но была настолько ошеломлена, что смысл его слов не доходил до нее. Он схватил ее и так сильно притянул к себе, что она вскрикнула.

Его грубое прикосновение причинило ей боль, он безжалостно впился губами в ее губы.

Потом он еще крепче прижал ее к себе и его поцелуи изменились, стали настойчивыми, более требовательными.

Она хотела оттолкнуть его, вырваться из его рук.

Но внезапно теплой волной подкатила предательская слабость, и у нее сдавило горло.

Она обмякла в его объятиях и, не в силах бороться, отдалась его поцелуям.

Его губы стали нежнее, и Дорина почувствовала, как ее охватил восторг, равного которому она прежде не испытывала.

Это было волшебное, чарующее ощущение, и ей казалось, что сердце тает у нее в груди.

Наконец, когда ей почудилось, что он собирается отпустить ее, он с неожиданной силой сжал ее нежные, дрожащие губы.

Резкая боль сменилась невероятным, упоительным восторгом; она вся дрожала от охвативших ее чувств.

Это было самое восхитительное ощущение, которое ей довелось испытать в жизни; она пыталась удержать и продлить это мгновение, но Максимус Керби оторвался от ее губ и поднял голову.

Она поняла, что он сейчас заговорит, возможно, станет осыпать ее проклятиями или насмеяться над ней, как делал только что.

Дорина почувствовала, что не в силах вынести его гнева и презрения, его обвинений в обмане после только что пережитых мгновений неземного блаженства.

Вскрикнув, она с неожиданной для себя силой вырвалась из его объятий и, подхватив юбки, побежала через сад так быстро, что ей удалось скрыться прежде, чем он понял, что произошло.

Дорина обогнула бальный зал и по длинному коридору добежала до входной двери.

С трудом переводя дыхание, она остановилась на ступеньках.

— Экипаж, мадам? — спросил лакей.

— Да... пожалуйста, — с трудом выдавила она из себя.

Подъехал экипаж, и она быстро взобралась в него.

— Куда прикажете, мадам?

— В порт.

Извозчик стегнул кнутом усталую лошадь, они тронулись с места, и Дорина оглянулась.

Среди гостей, покидающих дом, Максимуса Керби не было.

Она закрыла лицо руками. Ей нельзя больше встречаться с ним. Он презирал и ненавидел ее, но она любила его с такой силой, что каждую минуту могла выдать себя.

Когда он говорил о том, что женится на ней, он был просто вне себя от ярости, но если бы даже он повторил свое неслыханное предложение на следующий день, ей все равно не оставалось бы ничего другого, как отказаться.

Было бы невыносимой мукой сознавать, что он женится на ней лишь для того, чтобы спасти свою гордость, что он ненавидит ее, потому что она принимала участие в обмане, с помощью которого его завлекли в ловушку.

Все начинания Максимуса Керби были поразительно успешными, за исключением женитьбы.

Сможет ли он когда-нибудь простить ее или хотя бы терпеть ее присутствие, забыв о том, что она, хотя и без умысла, была причастна к его единственному провалу?

Она страстно, беззаветно любила его. Он пробуждал в ней чувства, которыми она была не в силах управлять, и поэтому ей ничего не оставалось, как расстаться с ним.

«Я не могу его больше видеть... не могу!» — говорила себе Дорина.

Экипаж остановился у причала, и, выглянув в окно, Дорина увидела множество корабельных огней, красных и зеленых, которые отражались в ночном море.

Она была уверена, что билетные кассы работают, потому что многие корабли отплывали на рассвете.

Она приказала извозчику подождать, а сама пошла по набережной в контору пароходной компании, стены которой были обклеены объявлениями. Там же висел длинный список предстоящих рейсов.

Она не стала изучать его, а спросила у клерка-китайца, когда отплывает следующий пароход.

— Через пять минут, — ответил тот. — Правда, это грузовое судно, но оно берет на борт и пассажиров.

— А куда оно направляется? — спросила Дорина.

— В Джакарту, — ответил клерк.

Дорина даже не могла сообразить, где это, но какое это имело значение?

— Мне нужна каюта первого класса.

— На этом пароходе всего одна каюта для пассажиров, — сказал клерк, — и она свободна.

Он дал ей билет, по-видимому совершенно не удивленный ее внешним видом и тем фактом, что дама в вечернем туалете выражает желание отплыть немедленно на грузовом судне.

Дорина открыла ридикюль и пришла в смятение, обнаружив, что у нее нет с собой денег.

На мгновение она испугалась, что ей не удастся бежать, но тут же вспомнила про бриллиантовую брошь, которая была приколоты к ее платью.

Она отстегнула ее и положила на конторку перед клерком.

— Это очень дорогая вещь, — сказала она. — Я хочу обменять ее на деньги.

Его невозмутимое азиатское лицо осталось бесстрастным. Он взял брошь, получше рассмотрел ее при свете масляной лампы, и затем постучал в стену.

Последовало несколько мгновений томительного ожидания, наконец открылась внутренняя дверь, и появился старый китаец с длинной седой бородой.

Мужчины обменялись несколькими словами. Достав лупу, старик взял брошь и пристально изучил ее. Затем он направился в дальнюю комнату.

Дорина догадалась, что такие сделки для них не редкость. Подобный бартерный обмен был для китайцев привычным делом. Вещи, какими бы они ни были, всегда можно обменять на деньги.

Старик вернулся в контору и что-то сказал клерку, который тут же перевел его слова Долине.

— Эта брошь стоит сто пятьдесят фунтов. Мы можем дать вам восемьдесят.

— Я согласна.

Она чувствовала, что ей надо было поторговаться, но у нее было лишь одно желание — успеть сесть на пароход, отплывающий через несколько минут.

Клерк отдал ей деньги, вычтя предварительно стоимость билета. Она взяла их, расплатилась с извозчиком, кое-как запихнула оставшиеся купюры в ридикюль и побежала вдоль причала.

Была еще глубокая ночь, но когда она наконец добралась до парохода, на востоке показались первые золотые блики рассвета, и темнота стала редеть.

Судно оказалось очень маленьким и убогим, всего с двумя палубами, на нижней из которых толпились нищие китайцы и малайцы, пытающиеся поудобнее устроиться между коробками и тюками с грузом, рядом с животными и птицами клетках.

Отдельные сходни вели на вторую палубу. Они были очень крутыми, и Дорина подобрала юбки, чтобы случайно не споткнуться о свою газовую оборку.

Матрос-китаец проводил ее в каюту, которая располагалась совсем рядом с дымовой трубой. Дорина подумала, что позже здесь станет невыносимо жарко.

Но какое это имело значение!

Она уезжает, и то, что голая каюта с двумя жесткими койками, столом и стулом больше напоминала тюремную камеру, было

несущественно.

Матрос вышел и закрыл за собой дверь. Дорина прошла по грязному деревянному полу, остановилась у иллюминатора и стала смотреть на гавань.

На востоке вставало солнце, сверкая и отражаясь от поверхности воды и заливая все вокруг золотым сиянием.

Глядя на Сингапур сквозь толстое стекло иллюминатора, Дорина прощалась со всем, что было дорого ей в жизни.

Как жаль, что ей не дано было стать частью этого мира! Уезжая, она оставляла здесь свое сердце.

Глаза ее наполнились слезами, а при воспоминании о поцелуях Максимуса ее словно обожгло пламенем.

Она испытала в его объятиях такое восхитительное, упоительное чувство! Именно поэтому она не могла позволить, чтобы он своей ненавистью разрушил это волшебство.

— Я люблю тебя! — громко прошептала она, глядя на море, сверкающее золотом в лучах солнца. — Я люблю тебя... но я не смогу переносить твоего презрения.

Она услышала, как ударили в корабельный колокол, а затем что-то загудело в дымовой трубе. Заработал двигатель, и пол каюты задрожал.

Она уезжает. Слезы хлынули у нее из глаз, она уже ничего не видела.

— Прощай, любовь моя! — прошептала она и закрыла лицо руками.

Вдруг раздался громкий треск. Дорина вздрогнула и оглянулась.

В дверях каюты стоял Максимум Керби!

Мгновение она ошеломленно смотрела на него. Затем он молча шагнул к ней, схватил за руку и потащил за собой на палубу.

Корабль уже отходил от причала, сходни были убраны.

Не произнеся ни слова, так быстро, что Дорина не успела опомниться, Максимум подхватил ее на руки и, крепко прижав груди, прыгнул!

Расстояние между берегом и пароход достигло уже пяти футов, но Максимум легко приземлился со своей ношей.

Из толпы, собравшейся на причале, слышались веселые приветствия и аплодисменты.

Когда он коснулся земли, тело Дорины содрогнулось от удара. Она с трудом плотнула воздух. Спрятав лицо у него груди, она пыталась восстановить дыхание. Все произошло так быстро, что она никак не могла прийти в себя.

А Максимус уже шагал вдоль набережной, прижимая ее к груди, и, как ей казалось, улыбался.

Он прошел мимо билетных касс, направляясь туда, где его ждал открытый экипаж, в который были впряжены две лошади.

Теперь Дорине стало ясно, как он смог так легко нагнать ее, но зачем он это сделал?

Ее щеки и ресницы были все еще мокры от слез. По-прежнему не говоря ни слова, Максимус опустил ее в угол на сиденье, достал из кармана свой носовой платок и принялся вытирать ей лицо.

Он делал это с такой неожиданной нежностью, что она почувствовала, как слезы снова подступают к глазам и, выхватив платок у него из рук, прижала его к лицу и разрыдалась, не в силах больше сдерживаться.

Ей хотелось спросить у него, почему он не дал ей уехать.

Но она не могла вымолвить ни слова, не столько из-за слез, сколько из-за того, что ей все еще трудно было дышать.

«Зачем он так рисковал, ведь он мог сломать себе ногу?» — не могла успокоиться она.

Но в то же время Дорина подозревала, что он просто был исполнен решимости и на этот раз настоять на своем.

«Я должна поговорить с ним... Я должна заставить его понять», — лихорадочно твердила она себе.

В то же время она сама не очень-то знала, что именно он должен понять или что она может сказать в свое оправдание.

Не успели они проехать и сотни метров, как лошади остановились. Удивившись, Дорина отняла платок от лица.

На секунду ей показалось, что они на том же месте. Они все еще были порту, и вдруг рядом с небольшим причалом она увидела две яхты.

Одна из них была «Морской дракон», на которой они прибыли в Сингапур неделю назад. Яхта сверкала свежей белой краской, и

казалась необычайно элегантной, а рядом с ней стояло самое поразительное судно из всех, когда-либо виденных Дориной.

Огромная китайская джонка, в два раза превосходившая размером обычные джонки, она была выкрашена красной и золотой краской; на носу высилась вырезанная из дерева русалка.

Пока Дорина с изумлением разглядывала яхту, Максимус вышел из экипажа и открыл дверцу перед ней.

— Вы пойдете сами, или мне придется нести вас?

Это были его первые слова с того момента, когда он в саду накинулся на нее с упреками, а потом с поцелуями.

Она смотрела на него широко открытыми испуганными глазами, но выражение его лица было таким, что ее сердце забилося сильнее.

Она взглянула в его серые глаза, и между ними промелькнуло что-то, чему она не осмеливалась дать названия.

Он помог ей выйти из экипажа, и они направились к «Морской нимфе». Когда они поднялись на борт, офицер в чине первого помощника вышел, чтобы встретить их.

— Рады приветствовать вас на борту, сэр!

— Выходите в море, мистер Чанг, — ответил Максимус Керби, — и попросите капитана Барнета немедленно прийти в салон.

— Слушаюсь, сэр!

Максимус помог Дорине спуститься по трапу, и они очутились в большом салоне, который тянулся вдоль всей яхты.

Повсюду стояли огромные диваны, кресла и, что было удивительнее всего, вазы с цветами рядом с заполненным книгами книжным шкафом и письменным столом.

Дорина испуганно оглянулась. Она была очень бледна, и в ее глазах застыл немой вопрос.

Они долго смотрели друг на друга, а потом дрожащим голосом она спросила:

— Почему вы привезли меня сюда?

Глава 9

Дорина чувствовала, что Максимус пытается найти нужные слова, но прежде, чем он успел заговорить, дверь в салон отворилась и вошел капитан Барнет.

Это был человек средних лет, и даже если бы на нем не было кителя, сразу можно было бы догадаться по его обветренному лицу и светло-голубым глазам, что это моряк.

— Рад видеть вас, мистер Керби, — сказал капитан, подойдя к ним.

Максимус обменялся с ним крепким рукопожатием, а затем обернулся к Дорине:

— Я хотел бы представить вам капитана Барнета, который возглавляет экипаж «Морской нимфы», а также является главнокомандующим моего небольшого флота.

— Который с каждым днем растет! — добавил капитан с улыбкой. Он вежливо поклонился Дорине. — Счастливы иметь честь приветствовать вас на борту этого судна, мадам!

— А теперь, капитан, леди Дорина и я будем весьма обязаны вам, если вы нас пожените, — сказал Максимус.

Дорина взглянула на него с глубоким изумлением.

На несколько секунд воцарилось молчание, затем капитан ответил совершенно спокойно, как будто подобная просьба была в порядке вещей:

— Непременно, сэръ. Насколько я помню, в книжном шкафу есть требник.

Он направился к шкафу.

Дорина стояла, молча глядя на Максимуса, решив, что она, должно быть, ослышалась или что он пошутил.

Но его серые глаза, обращенные к ней, смотрели вполне серьезно, и у нее возникло странное ощущение, будто он взглядом пытается что-то сказать ей.

Она хотела было воспротивиться, но поняла, что не может сделать этого при капитане Барнете.

Максимус и так был унижен поступком Летти. Если бы она вздумала спорить с ним в присутствии его подчиненного, это только

ухудшило бы дело.

Ей хотелось обратиться к нему с просьбой не усугублять создавшееся положение и отказаться от своего замысла, на который, по ее мнению, его толкнуло лишь желание отомстить. Она понимала, что ему хочется поквитаться с ее отцом за то, что тот обманул его.

Она уже открыла рот, чтобы попросить его сначала переговорить с ней наедине, но в это время к ним подошел капитан, держа в руках требник.

— Я нашел его, сэр, и если вы готовы, можно приступать, — сказал он, снимая фуражку и кладя ее на столик у стены.

«Нет! Нет! Вы не должны этого делать!» — хотела выкрикнуть Дорина, но Максимус протянул ей руку, и слова замерли у нее на губах. Она чувствовала себя слишком слабой, чтобы сопротивляться.

Его пальцы сильно сжали ее руку, и она поняла, что он, должно быть, почувствовал, как она дрожит.

— Мы готовы, капитан Барнет, — сказал Максимус своим глубоким голосом.

Капитан приступил к обряду. Дорина чувствовала, что воля покинула ее, она больше не принадлежала себе, а была послушным орудием в руках мужчины, стоящего рядом с ней.

Максимус отвечал на вопросы твердо и громко, в то время как голос Дорины звучал слабо и испуганно.

Когда они произнесли свои клятвы, Максимус снял с пальца перстень с печаткой и надел его Дорине на безымянный палец левой руки. Это было простое золотое кольцо с небольшим, плоским изумрудом, на котором были вырезаны его инициалы.

Как во сне она услышала его голос:

— Этим кольцом я сочетаюсь с тобой, своим телом я поклоняюсь тебе, всем моим богатством я одаряю тебя.

Это не может быть правдой! Должно быть, она грезит! Неужели она действительно стоит и слушает слова, которые на всю жизнь соединяют ее с человеком, которого она любит!

Капитан Барнет откашлялся и торжественно произнес:

— Властью, данной мне, как капитану корабля, Ее Британским Величеством королевой Викторией, императрицей Индии, объявляю вас мужем и женой, да благословит Бог ваш союз.

Он закрыл требник.

Вместо того чтобы отпустить ее руку, Максимус поднес ее к своим губам. Она почувствовала его прикосновение, и ей вдруг захотелось плакать.

— Сэр, и вы, леди Дорина, примите мои самые искренние поздравления, — сказал капитан. — Желаю вам многих лет счастья.

Он взял со столика фуражку, надел ее и, отдав честь, вышел из салона.

Дорина отняла у Максимуса свою руку. Перстень с печаткой был слишком велик для нее, и она придержала его другой рукой, чтобы он не соскользнул с пальца.

Затем она подняла на него потемневшие от волнения глаза.

— Мы... действительно... женаты?

Она едва выдохнула эти слова.

— По законам Англии мы женаты, — ответил Максимус. — Вы моя жена, Дорина.

Она снова опустила глаза под его взглядом.

— Вы совершили ошибку, — прошептала она с трагическим видом.

Она ждала ответа, но вместо этого достал из жилетного кармана часы.

— Уже четыре часа утра. Вы, должно быть, очень устали, поэтому я предлагаю вам отправиться спать. Позже у нас будет достаточно времени, чтобы поговорить обо всем.

Он подошел к дальней стене салона и открыл дверь.

Двигаясь, как в полусне, Дорина последовала за ним. Носовая часть джонки была, по-видимому, разделена на две части — салон и спальню, которая была необычайно большой для такого судна. В центре спальни стояла самая странная кровать, которую Дорина когда-либо видела.

Спинки кровати были того же нежно-зеленого цвета, как и нефритовый конь, подаренный ей Максимусом, и украшены резными позолоченными драконами.

Вся каюта была отделана в зеленых тонах: ковер, стены, покрывало на кровати и шелковые шторы на иллюминаторах. Вся

обстановка отличалась изысканностью; создавалось такое впечатление, будто вы очутились в подводном царстве.

Дорина в замешательстве смотрела по сторонам.

Максимус повернулся к ней:

— Ложитесь спать, Дорина. Когда вы проснетесь, все будет казаться вовсе не таким страшным.

Сказав это, он вышел из каюты и закрыл за собой дверь.

Дорина осталась стоять в прохладном зеленом полумраке, словно в русалочьей пещере. Затем, совершенно механически выполняя его распоряжение, она начала раздеваться.

Увидев большой шкаф у одной из стен каюты, она направилась к нему, чтобы повесить платье. Открыв дверцы, она застыла в изумлении!

Шкаф был заполнен платьями, которые она узнала с первого же взгляда!

Это были те самые платья, на которые она смотрела всего несколько часов назад в комнате Летти, те самые, которые она примеряла в Лондоне, потому что Летти отказывалась это делать. И тут Дорина поняла!

Это было еще одно доказательство предусмотрительности Максимуса Керби. Ли Чанг Ло рассказывал ей, что Максимус держит на обеих своих яхтах полный гардероб, и, очевидно, китайские портные сделали для Летти точные копии ее туалетов.

Дорина повесила свое платье и закрыла дверцы шкафа. Затем она подошла к комоду, в ящике которого обнаружила множество ночных сорочек, также скопированных с приданого Летти.

Комод был расписан цветами и длиннохвостыми фениксами, а по углам покрыт резьбой и позолотой в традиционном китайском стиле.

Дорина надела тончайшую сорочку из муслина и легла в постель. Потом она бросила тревожный взгляд на дверь. Придет ли к ней Максимус, чтобы воспользоваться правами... мужа?

Она была напряжена и взволнована. Ей хотелось столько ему рассказать! Ей столько нужно было попытаться объяснить ему! Но он был совершенно прав, говоря, что она очень устала. Постель была такой удобной, подушки такими мягкими...

Она лежала, глядя на дверь, и незаметно для себя уснула...

Слышался плеск воды, хлопанье парусов на ветру, удары волн о деревянный борт яхты.

Дорина какое-то время лежала, прислушиваясь к этим звукам, не вполне осознавая, где она находится. Затем с неожиданным испугом она все вспомнила!

Она была замужем и находилась на борту «Морской нимфы»! Это был не сон.

Она резко села в постели, оглядывая прохладный полумрак зеленой каюты. Сквозь открытую дверь ей был виден салон.

На большой софе, стоявшей у дальней стены салона, лежал, вытянувшись, Максимус Керби. Он крепко спал!

Дорина долго смотрела на него, затем снова опустилась на подушки...

Ее разбудило чье-то присутствие. Открыв глаза, она увидела стоявшего рядом с кроватью Максимуса.

— Я принес вам чашку чая, — сказал он тихо.

Она посмотрела на него заспанными глазами. Он только что снился ей, и оттого, что он был здесь, рядом, ее охватил безудержный восторг.

Затем она вспомнила, что произошло накануне!

Он сел на кровать, глядя на нее, и она взяла из его рук пиалу. Чай был горячим и ароматным. Она пила его мелкими глотками, не отрывая глаз от Максимуса.

Волосы мягкими волнами спадали ей на плечи, щеки покрывал нежный румянец, глаза все еще были заспанными. Глядя на нее, Максимус подумал, что ни разу не видел женщины, которая так мало беспокоилась бы о том, как она выглядит.

Дорина обратила внимание, что на нем был длинный синий халат, а вокруг шеи повязан шелковый галстук. Его волосы были влажными.

— Я плавал, — объяснил он, словно отвечая на ее безмолвный вопрос.

— Звучит заманчиво... но не опасно ли это?

Максимус улыбнулся.

— Матросы следят, не приближаются ли акулы, но если бы даже я оказался в опасности, я уверен, что вы каким-нибудь образом спасли

бы меня.

Дорина застенчиво улыбнулась. Он взял у нее из рук пустую пиалу и поставил ее на столик рядом с кроватью.

— Мне кажется, нам многое нужно сказать друг другу, Дорина.

Она сильнее вжалась в подушки, словно желая опереться на что-то.

— Прежде, чем мы начнем, я хочу, чтобы вы объяснили мне, почему вы назвали наш брак ошибкой, — продолжал он

Дорина с трудом перевела дыхание.

Она могла бы перечислить столько разнообразных причин! Однако она сказала первое, что пришло ей в голову.

— Я... недостаточно красива.

Максимус улыбнулся.

— Как это по-женски, — тихо произнес он.

Он протянул руку, взял ее двумя пальцами за подбородок и приподнял лицо.

— Должно быть, мне следовало давно сказать вам, что вы самая красивая женщина, которую я когда-либо видел в своей жизни!

Он почувствовал, как Дорина замерла и недоверчиво взглянула на него, словно подозревая, что он смеется над ней.

— Это правда! Вы похожи на мои китайские картины. Меня завораживает то, что скрывается за этими встревоженными глазами, меня очаровывает ваш крошечный носик и мягкие, нежные губы. Мне никогда не надоест любоваться не только вашей красотой, но и сокровищами вашей души.

Дорина задрожала, его слова открывали такую глубину чувств!

— Вы говорите правду?

— Неужели вы думаете, что я способен солгать вам в том, что так важно для обоих?

Он увидел в ее глазах сомнение и продолжал:

— Возможно, мой ангел, вас удивляет, что я женился на вас вот так — без гостей, без голубей, фонтанов, фейерверков?

Он помолчал секунду и спросил:

— Скажите, как вы думаете, почему я это сделал?

Он, по-видимому, был твердо настроен получить ответ, и после продолжительной паузы Дорина нерешительно произнесла:

— Я полагаю, потому, что вы... не можете так гордиться мной, как гордились бы... Летти.

Максимус сделал движение, как бы намереваясь обнять ее, но сдержался и лишь накрыл ее руку своей.

— Причина в том, что ни вам, ни мне не нужно все это показное великолепие. Неужели вы думаете, что я буду демонстрировать свои самые дорогие сокровища перед теми, кто не в состоянии их оценить?

Он сжал ее руку и сказал:

— Верьте мне, вы единственная женщина, которую я впустил в свои комнаты в старой части дома, чтобы взглянуть на мои картины. У меня есть еще много всего, что я хотел бы показать вам — одной только вам.

Дорина чувствовала, словно какая-то волшебная сила исходит от его руки, и таким тихим голосом, что он едва мог слышать ее, пробормотала:

— Вы хотите сказать... что я вам... небезразлична?

— Я люблю вас! Я полюбил вас с первого же взгляда! Я понял это еще тогда, когда мы разговаривали с вами на корабле после того, как я поцеловал эту докучливую жену плантатора, а вы сказали, что я слишком щедро раздариваю свои поцелуи!

Он улыбнулся.

— Я понял тогда, что вы не похожи ни на одну из женщин, которых я знал прежде. Потом, когда вы так бесстрашно вели себя во время нападения пиратов, и позже, когда мы разговаривали с вами на яхте, я почувствовал, что со мной происходит что-то странное.

Он немного помолчал, а потом сказал:

— Мне трудно объяснить вам это, мой ангел, но прежде я никогда не разговаривал по-настоящему ни с одной из женщин.

Дорина удивленно взглянула на него.

— Женщины были для меня, как райские птицы. Я испытывал желание, был заинтригован или увлечен, но — и это может показаться вам бессердечным — я без всяких сожалений легко расставался с ними.

Дорина подумала о «Несравненной Жемчужине» и о Голди. Они, наверное, казались настоящими райскими птицами.

— До встречи с вами я не знал ни одной женщины, — говорил он между тем, — с которой мне хотелось бы обсуждать мои дела, которая

не только волновала бы мое сердце, но стала бы неотъемлемой частью всей моей жизни.

— Отчего вы решили, что я отличаюсь от других женщин?

— Моя интуиция никогда не подводила меня. С того первого вечера она подсказывала мне, что вы должны остаться в Сингапуре — со мной!

Он глубоко вздохнул.

— После этого я показал вам мои картины. Я не мог объяснить даже самому себе, почему я нарушил свое золотое правило и привел вас в старую часть дома, где никогда не бывала ни одна женщина.

— И что вы тогда подумали?

— Я испугался.

— Испугались?

— Да, потому что понял, что со мной произошло то, чего никогда не случалось прежде.

— Что же это?

— Я страстно, безоглядно влюбился!

— Неужели... это может быть правдой?

— Именно об этом я спрашивал самого себя. Я не мог в это поверить, я не мог допустить, что я испытываю не просто страстное желание, потому что вы так прелестны, но нечто совсем другое — духовную жажду.

— Но вы ни разу после этого не разговаривали со мной... наедине.

— Я уже говорил вам, что я боялся — боялся будущего. Впервые в жизни я испытывал неуверенность в себе, не представляя, как найти решение проблемы — что делать с Летти и с вами.

— Я даже не подозревала... что вы хоть иногда думаете обо мне.

— Откуда я мог знать, как вы ко мне относитесь?

Он сжал ее руку в своих руках и посмотрел на нее.

— Такие маленькие ручки, и все же, когда я наблюдал за столом, как вы блестяще поддерживаете беседу с моими гостями, я знал, что вы держите в них мое счастье.

— Если бы только вы сказали мне об этом!

— А что бы это решило? — спросил он. — Ночами я лежал без сна, размышляя, как мне объяснить Летти, что я не могу жениться на

ней, мучительно пытаюсь найти выход из ловушки, которую я сам себе построил и из которой не представлялось возможным выйти с честью.

— Я могу понять, что вы чувствовали.

— Потом вы спасли мне жизнь, когда меня укусила дабойя, — продолжал он. — Вчера, возвращаясь с плантаций в город, я думал, что, может быть, вы все-таки немного любите меня, раз готовы были ради меня рисковать жизнью.

— Немного! — вырвалось у Дорины, и она с трудом подавила рыдание при воспоминании о том, что она пережила, когда опасность смерти нависла над ним.

— Когда я вернулся домой, вы сообщили мне, что Летти уехала вместе с сестрой Терезой...

— Но вы так разозлились на меня!

— Только потому, что вы солгали мне. Я считал вас абсолютно правдивой, лишенной недостатков, безупречной во всех отношениях. Я не мог и на минуту допустить, что вы участвовали в замысле женить меня на ребенке, который так и не повзрослел.

Дорина опустила глаза. Со стыдом она вспомнила о десяти тысячах фунтов, которые ее отец взял у Максимуса.

— Но я испытал невыразимый восторг, когда узнал, что отныне я свободен! — сказал он. — Я мог просить вас стать моей женой! Но из соображений такта и приличий я решил ничего не говорить вам в тот вечер. Как мог я подумать, что вы отправитесь на бал с другим мужчиной!

Его пальцы до боли сжали ее руку.

— Когда поздно вечером я узнал, что вы вовсе не спите у себя в комнате, как я предполагал, а уехали на бал, меня охватило чувство, незнакомое мне прежде, — ревность!

Он криво усмехнулся.

— Раньше я всегда смеялся над мужчинами, которые ревновали своих жен или возлюбленных. Только теперь я понимаю, что я не мог испытывать ревности, потому что никогда не любил по-настоящему.

В его голосе прозвучала нотка, заставившая Дорину затрепетать, и она вспомнила, как сама отчаянно ревновала его.

— Когда я увидел вас стоящей посреди бального зала в окружении толпы поклонников, я впервые в жизни почувствовал себя способным на убийство! Вы были сказочно красивы, но в тот момент мне хотелось

причинить вам боль. Во мне проснулся первобытный человек — я хотел схватить на руки принадлежавшую мне женщину и утащить ее к себе в пещеру, чтобы там научить ее послушанию.

Он коротко рассмеялся.

— Вам повезло, любовь моя, что в качестве наказания я предложил вам лишь поцелуй!

Дорина залилась румянцем при воспоминании о том, как много значил для нее этот поцелуй.

Словно угадав ее мысли, Максимус сказал:

— Но едва я коснулся ваших губ, как сразу понял две вещи.

— Какие?

— Первое — что вас никто никогда прежде не целовал, и второе — что вы любите меня.

Румянец на щеках Дорины стал еще гуще, и снова Максимус поднял ее лицо, чтобы взглянуть в глаза.

— Это правда? Я не ошибся? Вы любите меня?

— Я люблю вас, — вся дрожа, с трудом прошептала Дорина.

Затем, видя, что он собирается поцеловать ее, она быстро добавила:

— Пожалуйста... я должна сказать вам что-то важное.

Он опустил руки и выжидательно посмотрел на нее.

Не смея взглянуть на него, она низко склонила голову. Ее длинные густые ресницы подрагивали.

Она никак не могла найти подходящих слов.

— Я жду, — нежно сказал Максимус.

— Я не знаю... как сказать.

— Давайте сделаем это намного проще и удобнее? — предложил он.

Он повернулся и лег на кровать рядом с ней, откинувшись на подушки и вытянув ноги поверх зеленого покрывала, под которым лежала Дорина.

Положив руку ей на плечи, он притянул ее к себе. Он почувствовал, как она затрепетала, и тихо сказал:

— Родная моя, так вам будет легче рассказать мне о том, что вас беспокоит, каким бы тяжелым ни было это признание.

И действительно, она немного успокоилась. Его рука, обнимавшая ее, давала ей уверенность и чувство безопасности, и она уже больше

не испытывала страха.

— Когда вы приехали к нам в Олдеберн-парк, — очень тихо начала она, — вы не видели меня по той причине, что я была... так безобразна! Я никогда не появлялась, если в доме были гости, потому что они испытывали бы отвращение... при виде меня.

— Но отчего?

Она знала, что он рассчитывал услышать что угодно, только не это!

— Я страдала кожным заболеванием, и ни один из докторов в Англии не мог помочь мне. Я была так страшна... что люди избегали смотреть... в мою сторону.

В ее голосе прозвучали с трудом сдерживаемые рыдания, и, слушая ее, Максимус понял, сколько ей пришлось выстрадать.

— Как вы уже, наверное, догадались, я приехала в Сингапур исключительно из-за того, что Летти отказывалась ехать без меня. Мы с папой знали, что если даже нам удастся уговорить ее отправиться одной, все равно по приезде... она откажется выйти за вас замуж.

Дорина произнесла это едва слышно. Она понимала, что выдает свою причастность к замыслам своего отца, но она не могла солгать ему.

— Продолжайте, — сказал Максимус.

— Когда мы плыли по Красному морю, случилось чудо. Я проснулась однажды утром и обнаружила, что моя экзема прошла и кожа стала совсем чистой!

— Я слышал о таких случаях.

— Доктор Джонсон сказал, что болезнь не возобновится, если только я не возвращусь опять в холодный, сухой климат Англии.

— Вам не кажется, что это все упрощает? Это все, что вы хотели сказать мне?

— Нет... есть кое-что еще.

— Что же?

Она спрятала лицо у него на груди.

— Вы говорили, что вам нравится разговаривать со мной, что вы считаете меня умной, но... поскольку я была так уродлива... я ничего не знаю о мужчинах... и о любви... Я боюсь... разочаровать вас.

Максимус убрал руку с ее плеч, и когда она откинулась на подушки, он повернулся к ней и посмотрел ей в лицо.

— Неужели вы всерьез полагаете, будто я могу хотеть, чтобы вы что-нибудь знали о мужчинах? Неужели вы думаете, что я позволю кому-нибудь еще, кроме себя, обучить вас искусству любви?

Он сжал губы.

— Я убью любого, кто посмеет коснуться вас! Вы принадлежите мне!

Ярость, прозвучавшая в его голосе, заставила Дорину затаить дыхание. Затем он продолжил:

— Любимая, вы олицетворяете собой все, что я мечтал найти в женщине, чего я так жаждал. Я так боялся, что это существует лишь в моем воображении!

— Это правда?

— Мне придется доказать вам это, чтобы вы поверили.

Его голос стал низким и глубоким. Он нагнулся, и его губы приблизились к ней.

— Я люблю тебя! Я люблю тебя так, что не могу выразить это словами! Наконец я нашел женщину, которая принадлежит мне, и в то же время безраздельно владеет моим сердцем и душой!

Их губы слились. Дорина почувствовала, что ее словно пронзила молния; ее тело было объято пламенем, в котором соединились боль и упоение.

Он все сильнее сжимал ее в объятиях, пока с неземным наслаждением она не почувствовала, как они сливаются в единое целое...

Тишину нарушал лишь плеск волн и скрип мачт.

— Ты по-прежнему любишь меня? — прошептал тихий голос.

Максимус прижал к себе ее мягкое, покорное тело.

— Это я должен спросить тебя об этом, любимая.

— Я не разочаровала тебя?

— Сокровище мое, неужели мне нужно говорить тебе, что это были самые восхитительные, самые совершенные и главные мгновения в моей жизни?

Дорина легко вздохнула.

— Я не знала, что любовь... может быть такой.

— Какой?

— Как огонь, скорее даже, как вспышка молнии. Я всегда представляла, что это что-то теплое и тихое, нежное и спокойное, а вовсе не такое пронзительное чувство, в котором слиты воедино... боль и восторг.

Он улыбнулся и поцеловал ее в лоб.

— Ты так хорошо сказала. Китайцы называют это «скользить по лезвию высшего наслаждения».

— Да-да, именно так! О Макс, теперь я знаю! — неожиданно воскликнула она.

— Что, родная?

— Что означает та картина... которую я никак не могла понять.

— Расскажи мне.

— Два потока, сливающиеся под мостом в один, — это мужчина и женщина, соединенные в браке. Облака — это повседневная жизнь, наше обыденное существование. А белоснежные вершины, такие яркие на фоне неба... это тот всеобъемлющий экстаз, который мы испытываем в минуты любви.

Керби повернулся, чтобы взглянуть на жену.

— Это то, что я заставил тебя испытать?

— Ты же сам это знаешь!

— О, мое бесценное сокровище, именно этого я хотел, об этом я молился.

— Я люблю тебя... и это чувство одновременно и боль, и блаженство.

Глаза ее светились, ее кожа в полумраке зеленой спальни была похожа на прозрачный жемчуг, поднятый с глубины моря.

— Ты все еще думаешь, что наш союз — это ошибка? — спросил он.

— Нет... нет... он прекрасен.

Он посмотрел на нее долгим взглядом, и ей показалось, что он сейчас прижмет к ее губам, но вместо этого он поцеловал ее сначала в одну бровь, потом в другую.

Затем он принялся целовать ее глаза, нежные раковинки ее ушей, белоснежную шею, пробуждая в ней доселе неведомые ощущения.

— Я люблю тебя, — прошептала она, прерывисто дыша. — Я люблю тебя... мой дивный... мой замечательный муж!

Его поцелуи стали более настойчивыми, и ее тело подалось навстречу к нему.

Его губы подчиняли ее себе, они требовали полного и безотказного повиновения.

Горные вершины засверкали на фоне ослепительного неба, и они вновь заскользили по лезвию высшего наслаждения.

Содержание

[Барбара Картленд *Пышная свадьба*](#)

[От автора](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)